

В.Г.КОРОЛЕНКО

УКАЗАКОВ

В.Г. Короленко

У казаков

Из летней поездки на Урал

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Дорогой. - Вольная степь. - "Рыбопошлинная Застава"
- II. На Учуге. - Гг. наказные атаманы и обычаи
- III. Старый город. - Гробница казачьих вольностей. - Курени. - Пугачевский дворец и дом Устиньи Кузнецовой
- IV. Поездка по верховым станицам. - Ночлег в Трекиных Хуторах. - "Кочкин пир". - Последние отголоски крамолы. - Об "агличанке"
- V. Песчаная метель. - Требухинский поселок. - Старый казак Хохлачев. - О Пугачеве. - О киргизах и их усмирении: - Убиенный Мар и старое поле битвы
- VI. В Январце. - Казачка-поэтесса. - Казак Григорий Терентьевич Хохлов, - Уральские "Искатели"
- VII. Опять дорога. - Кирсановская станица. - Косцы - Нечто о "Киргизской мечте". - Казак-поэт и его поэма о Пугачевце Чике. - Опять переносные песни, - Драма степного уголка
- VIII. Крепостная деревня. - Наемка в Ташлинской станице. - Ночлег на Вазу. - Обратные переселенцы. - Стачка косцов и смиренный мужичок. - Бабушка Душарья. - Граница. - Городище. - Летучка
- IX. В Гостях у поселкового атамана. - Прения о вере. - пограничные недоразумения. - Дипломатическая нота атамана и ее последствия
- X. По речке Кинделе. - Казак Поляков. - Железная дорога и верблюды. - Спиритические явления в степном хуторе. - В.А. Щапов. - Ночлег в степи
- XI. Илецкою степью. - Реформа в Илецкой общине. - Покос "ударом". - Казаки-татаре
- XII. Начало Илека. - Борьба двух казачьих общин. - Общинный "Эгоизм" и эпизод из жизни И.И. Железнова
- XIII. В гостях у степного сановника. - Обратный путь. - Утва. - Аул Чингисхановичей. - Опять в Январце. - Заключение

ГЛАВА I

Дорогой. - Вольная степь. - "Рыбопошлинная Застава"

Ранним июньским утром 1900 года, с билетом прямого сообщения "Петербург - Уральск", я приехал в Саратов... Только около 3-х часов дня передаточный поезд лениво потащил нас к переправе через Волгу, заходя и останавливаясь на товарных станциях, запасных путях и разъездах. Все это тянулось так утомительно долго, что публика начинала терять терпение, боясь, что уральский поезд уйдет без нас. Привычные кондуктора только насмешливо пожимали плечами.

Наконец, все так же медленно поезд подполз к волжскому берегу и остановился. По привычке торопясь и толкаясь, публика кинулась на пароход, который должен был доставить нас в Покровскую слободу, откуда собственно начинается уральская железная дорога... Как будто для поощрения этой суеты, пароход дал уже первый свисток, но затем стоял еще неподвижно целый час у пристани. Извозчики, подвозившие из города новых пассажиров, все разъехались, пристань опустела. Мимо нас по зеркальной реке лениво проплывали баржи, буксирные пароходы, лодки... Какой-то рыбак-любитель зачалил свою лодочку как раз на нашем пути и пробовал наудачу закинуть удочки, а мы все продолжали ждать чего-то, и мне казалось даже, что нас начинает заносить здесь песком и пылью...

Наконец, пароход как бы проснулся, дал быстро два последних свистка, забурлил колесами и, плавно взрезая Волгу, двинулся к другому берегу. Здесь, над яром, за очень неудобным подъемом ждали нас несколько вагонов... Опять суетливая поспешность публики и новое ожидание... Дует теплый ветер, плещется на отмели речная струя от проехавшего парохода, порой пройдет ленивый покровский "хохол", или группа дачников и дачниц иронически оглянется на неподвижный поезд, неизвестно для чего стоящий на пустом берегу. А вдали, на той стороне - затянутые туманом, дымом и пылью, дома и горы Саратова... В окнах вагонов безнадежно скучающие лица пассажиров.

- Д-а-а... Степь-матушка, - говорит один из них, как бы в объяснение и этой смутной истомы, и беспричинных остановок. Он зевает и крестит рот, а рядом, в других окнах, видны такие же апатичные лица, у которых челюсти раздвигаются такой же сладкой зевотой.

Свисток, толчки, скрип буферов, десятиминутное движение - и опять долгая остановка у Покровской станции с тем же теплым ветром, дующим как будто из печки, и с тою же истомой... Наконец - звонок, и наш поезд ползет по низкой насыпи с узкой колеей, на этот раз с очевидным намерением пуститься в путь. Степь тихо разворачивает перед нами свои дремотные

красоты. Спокойная нега, тихое раздумье, лень... Чувствуется, что вы оставили на том берегу Волги и торопливый бег поездов, и суету коротких остановок, и вообще ускоренный темп жизни. Тут на вас надвигается, охватывает, баюкает вас широкое степное раздолье, ровное, молчаливое, дремотное...

Чудесный закат в степи, потом сумерки, потом тихий звездный вечер спускаются над этой однообразной картиной. Вечером - долгие остановки у маленьких неуютных станций со странно, иной раз по-монгольски звучащими названиями, с раскачиваемыми ветром фонарями и убогими буфетами. Здоровенные, загорелые и ленивые жители степных хуторов и поселков выползают из синей темноты на огни поезда, чтобы получить приказания от юрких людей, по большей части не русского типа, едущих в вагонах первого и второго класса. Они одни как будто не дремлют и имеют вид властителей степи. Они говорят быстро, быстро выпивают за буфетами, быстро вскакивают на подножки уже трогającego поезда, который и уносит их дальше, между тем как степные жители с ленивой покорностью направляются к своим телегам и, тихо поскрипывая колесами, расползаются в темноте в разные стороны, развозя полученные приказы...

Полная луна выкатывается над темным горизонтом и точно старается рассмотреть в степи что-то и что-то обдумать... Но степь темна и молчалива. Поезд несется среди однообразного, заснувшего простора...

Наутро кондуктора выкрикивают станцию "Семиглавый мар"... Невдалеке от нее местный житель пытался указать мне в волнистой степи семь курганов (по-местному "маров"), от которых урочище получило свое романтическое название. Когда проводили железную дорогу, один из этих курганов "нарушили", и в нем, говорят, оказался хорошо сохранившийся скелет неведомого воина, верхом на скелете лошади, с лицом, обращенным глазными впадинами к востоку... Но разобрать и сосчитать эти курганы среди однообразно взволнованной степи мне не удалось... По ней то и дело вставали и тонули такие же курганы и, быть может, в каждом из них сидят и ждут чего-то такие же неведомые воины с глазными впадинами, обращенными к азиатскому востоку, между тем как с запада летит громыхающий поезд, и сыплет искрами в ночную темноту, и сотрясает старые степные могилы.

- Тут уж вольна степь пошла, неделеная, - сказал мне молодой казак, высунувшийся рядом со мной в соседнее окно вагона.

Действительно, где-то около этого семиглавого урочища проходит граница Самарской губернии и Уральской области... Теперь поезд несся уже по казачьей земле...

Начиная от Гурьева городка, там, где-то далеко у Каспийского моря, и кончая средним течением Урала и его притоками, от теряющихся в песках Узеней на западе и до киргизских степей на востоке - вся эта земля не знает ни частной собственности, ни даже русских общинных переделов. Все ее обитатели - как бы одна семья, каждый член которой имеет одинаковое право на родной клочок этой земли, раскинувшейся от края и до края горизонта, неделиваемой, немежеванной и никем не захваченной в личное владение...

Я с любопытством вглядывался в эту однообразную ширь, стараясь уловить особенности "вольной степи". Но она была все та же... Она как будто ленилась проснуться для знойного дня, дали были еще завешаны клочьями тумана, из-за которого выступала та же линия скучного горизонта, кое-где взломанная очертаниями могильников...

Поезд громыхнул по мостику и затем побежал вдоль небольшой речки, на отлогом берегу которой приютился степной хуторок. Несколько строений, несколько деревьев, ветряная мельница, две-три кибитки киргиз-пастухов, кучка скромных крестов на кладбище, как бы скрепляющем степную оседлость...

- Чей это хутор? - спросил я, невольно любуясь своеобразной красотой этого степного поселка.

Казак назвал фамилию известного степного богача, скотопромышленника, владеющего в вольной степи несколькими такими хуторами и десятками тысяч голов скота. Невдалеке за хутором несколько упряжек быков тянули тяжелые плуги, взрезавшие землю. Черная полоса уже поднятой пашни легла во всю степь, начинаясь за пологим гребнем одной возвышенности и утопая за другим. И все время, пока поезд бежал мимо, - волы белыми точками ползли по краю черной полосы без остановки и перерыва...

- А ведь тоже казак, - сказал одобрительно немолодой торговец, когда хутор, купы деревьев и волы исчезли за поворотом дороги.

- Да, - прибавил, усаживаясь на скамье, молодой человек в форме, - такой же вот казак, как и я...

Торговец окинул его строгим, холодным взглядом, в котором виднелось пренебрежение. Казак был одет в поношенную форму. Лицо у него было смуглое, худое; черные глаза глядели печально, как у больного. Он заболел на службе, где-то под Киевом, и теперь ехал на родину, может быть, поправляться, а может быть - и умирать в родной степи. Он подолгу простаивал у окна, рядом со мною, и вдыхал полной грудью родной воздух. В его глазах светилась какая-то особенная радость.

- Такой же, да не такой, - сказал торговец поучительно.

- Нет, такой же, - ответил казак. - Только я вот служил, а он *мою* землю пахал, да *мою* траву косил... Только и есть...

Купец не возражал. Впоследствии эту фразу о службе и о "моей земле" я слышал не раз из уст бедных казаков, для которых эта "вольная степь" с ее общинными порядками часто является мачехой... Явление старое! Нигде, быть может, проблема богатства и бедности не ставилась так резко и так остро, как в этих степях, где бедность и богатство не раз подымались друг на друга "вооруженной рукой". И нигде она не сохранилась в таких застывших, неизменных формах. Исстари в этой немежеванной степи лежат рядом "вольное" богатство, почти без всяких обязанностей, и "вольная" бедность, несущая все тягости... А степь дремлет в своей неподвижности, отдаваясь стихийной бессознательностью и богатому, и бедному, не пытаясь разрешить наконец вековые противоречия, то и дело подымавшиеся над ней внезапными бурными вспышками, как эти вихри, взметающие пыль над далеким простором...

Вихри и в эту минуту вставали кое-где над степной ширью и падали бесследно... А под ними все та же степь, недвижимая, ленивая и дремотная...

Около двух часов дня вправо от железной дороги замелькали здания Уральска, и, проехав мимо казачьего лагеря, поезд тихо подполз к уральскому вокзалу, конечному пункту этой степной дороги. Мне предстояло получить багаж, и, когда, покончив с этим делом, я вышел на крыльцо вокзала, то увидел с неприятным удивлением, что на дворе не было уже ни одного извозчика. Оживление единственного (в сутки) поезда схлынуло как-то удивительно быстро, вокзал опустел и затих. Верстах в трех к югу, за дымкой густой золотистой пыли, виднелись церкви и дома Уральска. Впечатление получалось такое, как будто казачьему городу нет никакого дела до тех, кто подъезжает к нему по железной дороге. На противоположной, северной стороне выделялись кирпичные сараи и ворота скакового поля, в виде гигантской подковы... Дальше клоч степи, дорога с какими-то крестами и полоски садов за Наганом... Мне нужно было именно в эти сады за Наганом, где жили мои добрые знакомые и где я предполагал устроиться на лето... Но до садов было верст шесть, а мой багаж беспомощно лежал на каменном перроне.

Какой-то добродушный железнодорожный служащий принял участие в моем печальном положении и послал сторожа к железнодорожным складам. Вскоре оттуда подъехали ломовые дроги, на которых сидел дюжий человек с совершенно бронзовой физиономией, огромной спутанной бородой и в фуражке с малиновым околышем. Мы скоро сторговались. Узнав, что

придется ехать "в сады", он запустил руку под фуражку и почесал пятерней в голове.

- Эх, не знал, - сказал он, - что в сады угожу ехать.

- А что? - спросил служащий.

- Косу бы захватил, травы накосить.

- Так тебе и позволят!

- Чего не позволить. Я ведь казак... Ему вот нельзя, - кивнул он в сторону подъехавшего в это время товарища, такого же дюжего и лохматого, только без околыша. - Вам тоже нельзя... А я могу...

- Ладно, ладно, увязывай, - иронически перебил железнодорожник, окидывая полноправного человека насмешливым взглядом...

Вскоре воз, поскрипывая, двинулся с вокзала... Казак шел за возом, а я следовал за казаком, с любопытством присматриваясь к новым местам.

Железная дорога уползала в степь, которую мы только что проехали и из которой тянуло тем же теплым ветром, точно из печки. Влево, за густой пылью высились колокольни городских церквей и затейливая триумфальная арка в восточном стиле. Из города к садам по пыльной дороге ползли телеги с бородатými казаками, ковыляли верблюды, мягко шлепая в пыль большими ступнями. На горбу одного из них сидел киргиз в полосатом стеганом халате, под зонтиком, и с высоты с любопытством смотрел на велосипедиста в кителе, мчавшегося мимо. Верблюд тоже повернул за ним свою змеиную голову и сделал презрительную гримасу, Я невольно залюбовался этой маленькой сценой: медлительная, довольно грязная и оборванная, но величавая Азия смотрела на юркую и подвижную Европу...

Велосипедист вскоре скрылся за неровностью степи... Верблюд, киргиз и зонтик еще долго колыхались над раскаленной равниной.

Миновав железнодорожные здания, мы тоже повернули в степь. Мое внимание было опять привлечено неожиданной картиной. Перед мостиком у небольшого вала стояла казенного вида будка, а невдалеке от нее человек с малиновым околышем, задержав проезжую телегу, шарил в ее задке руками с какой-то деловито-ленивой безнадежностью. Проезжий казак даже не оглядывался назад, равнодушно ожидая конца обыска.

Заметив, что я с любопытством наблюдаю это зрелище, обыскивавший перестал шарить и махнул рукой. Владелец телеги хлестнул вожжей свою лошадь...

- Что это вы ищете? - спросил я, подходя к казаку. Он как будто несколько сконфузился. По-видимому, всякому человеку свойственно инстинктивное сознание, что шарить в имуществе ближнего есть занятие по самому своему существу как бы противоестественное и возбуждающее невольную

стыдливость. Но тотчас же это мимолетное выражение исчезло и, указав на будку, он произнес внушительно:

- Застава.

Действительно, над будкой виднелась надпись: "Уральская, № 4, рыбопошлинная застава". Будка вся была увешана и внутри, и снаружи печатными плакатами. Пользуясь любезным разрешением надсмотрщика, я вошел внутрь и с интересом стал читать многочисленные параграфы, определявшие роль этой внутренней заставы в "вольной степи". Из печатных правил я узнал, что вывозимая за черту города рыба оплачивается пошлиной... Внезапное легкое беспокойство возникло в моем уме, и я спросил:

- А сколько же можно пронести бесплатно для собственного употребления?

- Ни вот столько! То есть ни одного малька, - ответил он решительно.

Тут я уже совершенно определенно почувствовал себя в роли контрабандиста. Со мной было около полуфунта икры и немного балыка, купленных еще в Саратове и оставшихся от дорожного продовольствия.

- Вы взимаете пошлину? - спросил я, намереваясь очистить свою совесть.

- Никак нет, не имею права.

- А что же вы делаете, если найдете, ну, скажем, полфунта рыбы?

Он посмотрел на меня очень пылливо, но затем отвел глаза и ответил с оттенком грусти:

- Протокол и... в город в контору...

- Сколько же там взяли бы за один фунт?

- По такцый... Копейку, а может, и две.

- И из-за этого в город?

- О-бя-зательно! - отчеканил он.

Его взгляд скользнул по мне, как у просыпающейся ищейки... Но он опять стыдливо отвел глаза и сказал со вздохом:

- Конечно, делаем уважение...

В открытое окно, как в рамке, виднелась широкая городская дорога, и по ней приближалась из города тележка. В тележке сидела дама и молодой человек с околышем. В ногах у них виднелись кульки и свертки. Надсмотрщик насторожился, но остался на месте, только про--водив тележку тем же как бы застенчивым взглядом...

- С рыбой проехали? - спросил я, улыбаясь.

- Да уж... не без этого... на дачу, в сады, с провизией...

И, как бы подкупленный тем, что я уже стал свидетелем его слабости, он сказал доверчиво:

- В нашей должности большой ум надо... Дело наше, прямо сказать, суворовское...

- Почему именно суворовское? - спросил я, улыбаясь этому сравнению.

- Да вы про Суворова-то разве не читали? Какой генерал был, - знаменитый! А по такции никогда не действовал. Все больше по глазомеру. Так ли я говорю?

- Пожалуй.

- То-то и оно. То же и в нашем деле: станешь всякого останавливать, - скажут: напрасное беспокойство. Не останавливать вовсе, - зачем и поставлен?..

Он вдумчиво и важно посмотрел на меня и сказал:

- Возьмем такой случай: идет в луга косец, несет для своего, напримерно, продовольствия десяток воблов. Ежели ему пошлину платить, в конторе сколько время околачиваться, да и цыфры такой нету: много пол-копейки. Что я должен делать?

- Не знаю, - ответил я с полной искренностью.

- По правилу, я обязан сказать: садись, милый человек, на валу, скушай воблу свою на здоровье, а с рыбой я за вал тебя пустить не обязан. Хорошо! Да ведь он, может, не голоден, а в лугах ему вобла нужна...

- Ну... и по глазомеру? - сказал я сочувственно.

- По глазомеру-то, по глазомеру, а ведь тоже зачем-нибудь и будка поставлена. Начальство скажет: тебя зачем определили, - галок считать?..

И, в последний раз скользнув по мне как бы все еще сомневающимся, но вместе и снисходительным взглядом, он прибавил:

- Делаем уважение... по обстоятельствам.

И затем он спокойно уселся на ступеньках будки, а я перешагнул городскую черту в роли контрабандиста, которому оказана явная поблажка или "уважение"... Отойдя шагов с десятков, я оглянулся. Суворов опять шарил в телеге проезжего казака, но, по-видимому, его снисходительность истощилась, и у будки завязывался крупный разговор. Через минуту телега обогнала меня, и ее хозяин, старый, седой казак, что-то сердито ворчал. В качестве казака, он имеет право беспошлинно провезти около пуда рыбы. Но даже золотника не вправе вывезти, не выправив предварительно билета, что сопряжено с целой волокитой.

Своего возницу я нагнал у спуска дороги, около двух крестов. Здесь же остановился только что обысканный казак и два "иностранних" мужика с косами за плечами, - и все они с раздражением говорили о "рыбопошлинной заставе". А недели через две, когда, проезжая из садов в город, я захотел навестить моего знакомого у заставы, его - увы! - уже не было. Суворовская

тактика, по-видимому, в чем-то изменила, и на ступеньках будки сидел Суворов № 2-й, впрочем, как две капли воды похожий на прежнего и так же, с рассмотрением, шаривший у одних и делавший "уважение" другим...

Дорога, извиваясь, подошла к садам, пробежала по бревенчатому мосту за реку Чаган и поднялась на небольшую возвышенность. Здесь на время опять мелькнул простор степи. Целые облака пыли надвигались оттуда по старому казанскому тракту. Киргиз-косячник гнал табун лошадей к своей кибитке, одиноко стоявшей на выгоне, и лошадиные морды мелькали, слабо рисуясь в золотистом пыльном облаке...

Дорога наша прижалась к тихой степной речке Деркулу, причудливыми извилинами как бы переплетавшейся с Чаганом. Пошли сплошь сады. Город, со своей аркой и главами церквей, лишь издали мелькал в промежутках зелени.

ГЛАВА II

На Учуге. - Гг. наказные атаманы и обычай

Первая "достопримечательность" Уральска, так называемый "учуг".

Учреждение это - единственное в своем роде. Идея его очень проста: если в известном месте перегородить поперек всю реку, то красная рыба, подымаясь с моря, остановится у перегородки и будет скопляться в больших количествах в нижнем течении реки.

Такие перегородки, сделанные из шестов и плетня, можно видеть на многих захолустных рыбных речонках. В некоторых северных губерниях их называют "заплотами", и из-за этих заплотов между соседями-рыбаками дело нередко доходит до дреколя. Яицкое казачье войско, сложившееся на степном просторе в величайшую земельную и рыбацкую общину, соорудило также и величайший в мире заплот, перегородивший огромную реку, по величине не уступающую Рейну.

Первые пришли к этой простой мысли астраханские "гости", которые, пробравшись к устьям Яика, наколотили здесь свай и шестов и черпали толпившихся у этой перегородки осетров, белуг и сазанов, точно из садка. В 1645 году купец Михайло Гурьев получил от московского правительства грамоты на свое нехитрое изобретение, с обязательством построить защитный каменный городок, который назван Гурьевым. Понятно, что "догадка" Гурьева, обезрыбившая весь Яик от учуга до верховьев, не могла нравиться яицким казакам: они долгое время вооруженной рукой отбивали реку и у татар, и у киргизов и считали ее своею. Поэтому между купецким городком и казаками началась ожесточенная тяжба, и казачьи будары не раз беспокоили купецкие низовые ловли. В уральском войсковом архиве хранится целая серия дел "об учуге", которые, вероятно, могли бы дать любопытную страницу к истории Урала.

В конце концов победили казаки. Вся заяицкая сторона была тогда дикою степью, открытою дверью для "легкомысленного степного народа", который то и дело, "перелезши" через Яик, устремлялся на Волгу и даже в заволжскую Русь... Сторожевая служба казаков была очень важна для государства, а казаки жаловались, что астраханские гости "оголодили" все войско. На этот раз *булат* победил, злато уступило. В 1752 году учуг передан в содержание казакам, вместе с кабацкими и таможенными сборами. Казаки решили перенести учуг кверху, на нынешнее его место, а в 1770 году правительство передало казакам и самый городок Гурьев. Все низовье и часть среднего течения реки очутились в нераздельном владении Яицкого казачьего войска, а учуг стал как бы центром промышленной жизни огромной полувоенной, полурыбачьей общины.

В пугачевщине учуг сыграл тоже видную роль. Дело в том, что, вырабатывая самым точным образом свои внутренние трудовые распорядки, казачья община никогда не умела устроить как следует ту "политическую" сторону своего существования, которою община соприкасалась с государством. Старшины всегда грабили и утесняли войско; казаки порой хватались за сабли и расправлялись с одними грабителями, чтобы тотчас же посадить таких же. Получив в нераздельное владение "золотое дно" Яика вместе с таможенными и кабацкими сборами, войско обязалось уплатить правительству около пяти с половиной тысяч рублей. Деньги собирались с тех же казаков. Система фиска была очень первобытна: на Чаганском мосту поставили заставу (вроде, вероятно, описанной мною выше), задерживали рыбаков у моста, как рыбу на учуге, и взимали "по рассмотрению", сколько хотелось старшинам. Войско платило, пока старшина Логинов, из "крамольной" семьи, не разъяснил войску, что сборы давно превысили установленную сумму и старшины берут деньги в свою пользу. Войско жаловалось, посылало ходоков в Петербург, императрица приказывала учесть старшин и отстранить их от должности. Но самодержавная верховная власть оказывалась бессильна на далекой окраине. Петербургских посланцев старшины задаривали и продолжали свое, а известный генерал Черепов приказал даже стрелять по казакам, на коленях умолявшим исполнить волю императрицы. Войско потеряло терпение и при новом эпизоде этого рода схватилось за сабли. В схватке был убит генерал Траубенберг и войсковой атаман Митрясов. Тогда, разумеется, казаков принялись усмирять уже по-настоящему. Генерал Фрейман, двинувшись из Оренбурга, разбил их в правильной битве на реке Ембулатовке и занял Яицкий городок регулярными войсками.

Таким образом, еще года за два до пугачевщины в войске кипело характерное российское "возмущение". Люди, боровшиеся с заведомым хищением, оказывались бунтовщиками, а заведомые воры - усмирителями... Царица то обещала унять воровство атаманов, то приказывала усмирять ограбленных и награждала воров. В это-то время, на границе казачьей области, в одиноком степном умете, появился таинственный купец, Емельян Пугачев, и стал зорко присматриваться к событиям... И из всего этого возникла буря, потрясшая всю Россию. Первые вспышки будущего взрыва происходили около рыбопошлинной заставы на Чаганском мосту еще за два года до появления Емельяна Пугачева.

В тот день, когда я, вместе со знакомым казачьим офицером, потомком пугачевца Шелудякова, подъехал к учугу, - был сильный ветер. Река, вспененная крепкой волной, мчалась в крутых берегах, шумя и прыгая, как

дикий степной скакун. Перед нами, с одного берега до другого, лежал неширокий дощатый помост на сваях. Вдоль этой настилки, напоминающей простой пешеходный мостик, с левой стороны виднелась частая щетина тонких железных шестов. Эти шесты, проходя через два горизонтальных бревна (называемых "белоногами"), образуют вместе с ними частую решетку, доходящую до дна. Это - "кошак", через который может проходить лишь мелкая рыба. На обоих концах помоста возвышаются деревянные решетчатые сооружения с дверьми. Над дверьми - надпись: "вход на учуг посторонним строго воспрещается".

Весь помост вздрагивал от быстрой волны. У кошака стоял шум и звон... Кругом на реке не было видно ни лодочки, ни паруса, ни парома... Только две-три будары, принадлежащих учужной водолазной команде, лежали опрокинутые на песчаной отмели. Яик, дикий, красивый, несся на просторе, срывая глинистые яры, и, шипя и клопоча, кидался на неожиданную преграду. Во всей картине чувствовалась дикая прелесть, своеобразная и значительная. Здесь, на месте столкновения свободной реки с железной решеткой - центральное место Урала, настоящая душа его, один из главных ключей к его жизни...

Учуг ставят весной и снимают поздней осенью. В тихие летние утра или перед солнечным закатом уральские жители приезжают сюда смотреть рыбу. Подымаясь с моря, вверх по течению, огромные осетры, толстые белуги и судаки доходят до учуга и здесь недоуменно останавливаются. Начиная с июля, весь август и сентябрь можно видеть, как красная рыба суется вдоль кошака, разыскивая проход, тыкаясь мордами в решетку. Посовавшись напрасно, рыба уходит вниз и потом, выметав икру, располагается на зимовку. А за всеми ее движениями, от низовьев и до самого учуга, следят особо назначенные караулы. Об ее появлении береговые и учужные казаки доносят войсковому управлению, как о движениях неприятеля.

В тот день, когда я стоял на помосте учуга, рыбы совсем не было видно. Вода вся замутилась, железные шесты дрожали и звенели, около решетки река образовала настоящий водопад, отшибавший рыбу обратно. Караульный казак опустил в мутную воду длинный шест, который называется "наслушкой". Суясь вдоль решетки, рыба толкает боками шест и таким образом обнаруживает свое присутствие. Но на этот раз и наслушка дрожала только от ударов речной струи. Глубь реки была мутна, непроницаема и как будто мертва.

- Нет вашего счастья, - сказал казак, добродушно улыбаясь. - Штурма на реке большая, ничего не видно. А вот вчера утром, да и на закате было велие...

- Осетр пришел? - спросил мой спутник, офицер.

- Пришел! Вчера утром все ходил вдоль кошака... Сунет нос меж шестов и идет книзу. Потом опять кверху подымет. Весь кошак этак ощупает... Потом идет вон туда, к яру.

- А судак?

- Судак еще не подходил. А вон там, под дальним яром уже видно. Малька хватает...

И казак делится новостями мутной глубины, в которой читает, как в открытой книге. Лицо у него типичное, широкое, скуластое, глаза маленькие, бегающие, то необыкновенно добродушные, то лукавые. На нем неизбежная фуражка с малиновым околышем, кумачовая косоворотка, штаны с малиновыми лампасами засунуты в голенища. Что-то необыкновенно характерное сквозит в каждом его движении. Это не мужик и не солдат, это именно казак. Рыбак, стоящий по-военному на карауле у реки, военный, справляющий войсковую службу у рыбы. Когда я направляю на учуг свой фотографический аппарат, он становится на середине помоста и вытягивается во фронт, забыв, что мы застали его даже без кафтана, в одной косоворотке. И он выходит на моем снимке в этой вытянутой служебной позе часового... А затем меня опять приятно поражает свободная непринужденность, с какой он ведет беседу с офицером.

Теперь это не начальник и не подчиненный, а два рыбака, обменивающиеся интересующими обоих рыбными новостями. Осетр уже ищет место для "ятовей", белуга еще не пришла, судак уже поднялся к ближним ярам. Вчера водолазная команда поймала большого персидского осетра. Персидским он называется потому, что не зимует в уральских водах. "Выбьет икру и катат, подлец, опять в море, к персидскому берегу. И видом отличается от нашего: белее, и жучка (пятна) крупная". Водолазы испугали этого иностранца, и он выкинулся на мель. Как войсковую собственность, его продали с аукциона в пользу войсковой казны...

- Все в нее матушку валим, как в прорву, - насмешливо говорит казак... - А что толку?

В его глазах, пытливо и быстро взглядывающих на офицера, сверкает огонек.

- Мало ли у войска надобностей, - говорит тот вяло.

- У войска? - переспрашивает казак, и огонек в его глазах вспыхивает сильнее. - Нет, ваше благородие, - не видит себе войско от казны пользы... Вот послушай, что я тебе скажу, - поворачивается он ко мне. - Были у нас голодные годы. Отощали казаки до той степени: и есть нечего, и сеять нечем. Тут бы, кажется, вспомнить: есть, дискать, у казаков собственна казна накоплена. Купить хлеба, купить семян, раздать. Так ли я говорю? Потом из урожая - хоть опять возьми.

Я, разумеется, не находил возражений.

- Что ж ты думаешь: дала нам казна подмогу? Черта лысого! Неправду я говорю, ваше благородие?

- Ты свистунский? - спросил офицер вместо ответа.

- Так точно, - ответил казак, и легкая, чуть заметная усмешка пробежала под его жидкими светлыми усами.

Станица Круглоозерная, в просторечии именуемая почему-то Свистуном, расположена верстах в двенадцати от Уральска. По обычаям, одежде и всему укладу своей жизни она напоминает самые отдаленные низовые станицы, нетронутые новыми влияниями. Население ее сплошь старообрядцы разных толков, народ зажиточный, умный, упрямо подозрительный ко всяким нововведениям и всегда готовый к протесту...

При взгляде на простодушно-лукавое лицо свистунца с его задорными вопросами - мне невольно вспомнилась старина, с поборами старшин и оппозицией войска, напрасно требовавшего "учета". "Войско", то есть собственно огромная хозяйственная община, не имеет и теперь решающего влияния на распоряжение своей "казной". Ведается она чисто бюрократическими учреждениями, над которыми стоит атаман, военный генерал не из уральцев, по большей части не имеющий понятия об этом своеобразном общинном хозяйстве, в котором, однако, он самонадеянно "командует" (порой чисто по-военному) и покосами, и рыбной ловлей... А "чиновники", конечно, часто распоряжаются так же, как и во всей остальной России.

По настилке учужного помоста мы перешли на другой берег реки. Здесь он значительно выше и обрывается крутым, глинистым яром...

- Азия! - сказал мой спутник, указывая рукой на безграничную степь, уходившую далеко к горизонту... Река недалеке поворачивала и терялась за мысом, но далее, в синевших предвечернею мглою лугах долго еще сверкали ее разорванные, светлые излучины... Правый берег ее ("самарская сторона") - издавна казачий; левый, а за ним вся степь до Бухары и Аральского моря - киргизская сторона... Над этой светлой полоской, сверкающей в зелени лугов, кипела вековая борьба и лилась кровь. Орда считала реку своею. Со времен уральского Ильи Муромца, "старого казака Харкушки", она "перелазила" броды и переправы и кидалась "на Русь", уводя оттуда скот и пленных. Казаки сторожили переправы, старались выбить киргиза поглубже в степь и захватить левый берег с поемными лугами и ковыльной степью.

Все это давно миновало. Орда "замирилась", и от Уральска до Каспийского моря можно теперь проехать без оружия... Значение боевой границы Урала исчезло, и он представляет от учуга до моря только огромный живорыбный

садок. Начиная отсюда и до самого Гурьева, река лежит в берегах, неприкосновенная и девственная... Ни бударки, ни паруса, ни плота, ни парома. Даже перевозы устроены только в четырех местах.

При взгляде на многоводную реку у меня невольно явилась мысль о пароходстве. В Петербурге я слышал, что от Уральска можно проехать на пароходе до Оренбурга, и мне очень улыбалась мысль о поездке по степной реке. Я спросил, где пароходная пристань.

Мой спутник, офицер, усмехнулся.

- Слышишь? - обратился он к учужному казаку, - вот они спрашивают насчет парохода?

Свистунец насторожился.

- Какй, ваше благородие, пароходы? Ведь у нас никаких пароходов нет, - сказал он с видимой тревогой и потом прибавил:

- А! Это ты видно про ванюшинску машину... Ну-у! - Он пренебрежительно махнул рукой. - Какой это был пароход. Так, г - иная посудина... Я ее на бударке обгонял...

- А ведь все войско, подлец, было растравил! - прибавил он с новой вспышкой раздражения. - Потом отказали: не надо. Так что войско более не желат...

- Чего же вы боялись? - спросил я с невольной улыбкой. - Ходил он выше учуга, да и сами вы говорите, что посудина дрянная.

- Да ведь... дрянная-то она дрянная, а не надо нам... Почует, проклятая, прибыль, перекинется и за учуг. Пожалуй, не удержишь... Может рыбу распугать... Не пойдет рыба с моря, - войско должно оголодиться... Так ли я говорю, ваше благородие? - прибавил он, пытливо всматриваясь в лицо офицера.

В тоне его звучала опасливая тревога. Может быть, он подумал, что я тут высматриваю неспроста и что в моем лице жадная до "прибыли" машина уже разыскивает себе ходы на девственную реку...

- Верно, верно! - успокаивает офицер. - Действительно, - говорит он, обращаясь ко мне, - попробовали было, да бросили...

- Войско не желат! - твердо прибавил казак. - Шиш съела, подлая!

Дикий Яик, девственный и вольный, пока свободно бежит между ярами, шипит у железных шестов учуга и баюкает залегающие в омутах "ятови". Казаки уверены, что это навсегда...

- Как это можно, - говорил мне с убеждением казак из одной приуральской верховой станицы. - Вон у меня под яром сазан держится. Вот какой сазан... огромный! Так ведь он у меня жилой. Тут и зимует, тут и летом живет...

- Ну, так что же?

- Как что? Пароход его должен испугать. Он, значит, подастся в море. Конечно!

Казачьи уверены, что жилой сазан во веки веков не пустит в реку парохода...

В другой раз я подъехал к берегу Урала у Белых гор (верстах в десяти ниже Уральска, в запретной части реки). Здесь, на увале, стояла сторожка. Из нее вышел старый казак в сером пиджаке и форменной фуражке.

Это был караульный пикетчик. На его обязанности следить за рекой. В старину такие пикеты следили за движениями орды, теперь они следят за рыбой. Пикетчик знает речную глубину так же отчетливо, как и учужный казак, и так же уверенно может рассказать, кто из водных обитателей уже изволил прибыть с моря, кто ожидается на днях, где новоприбывшие избирают места для остановок ("ятовей"). Он указал мне рукой вдаль, на "степную сторону" и сказал:

- А вон там - другой пикет.

Вглядевшись, я действительно увидел вдалеке белое пятно... Еще дальше, в млеющей степной мгле мелькала третья, уже чуть заметная белая точка.

- И так до моря? - спросил я.

- Да, до самого Гурьева...

- Ну, а выкупаться тут можно? - спросил я, истомленный жарой.

В глазах пикетчика мелькнуло выражение неподдельного испуга.

- Что вы это, Бог с вами! - произнес он с изумлением. - Как можно в реке купаться? Да тут след ваш на песке увидят, - я обязан объяснить, кто и для какой надобности подходил к берегу... А вы - купаться!.. Ах, Боже мой!..

Он с искренним недоумением смотрел на человека, который мог сказать такую несообразность... Мой спутник, природный казак, объяснил, улыбаясь, что я приезжий и местных порядков не знаю...

В периоды осенних и весенних плавов войско усеивает бударами все берега и яры. По сигналу (пушечным выстрелом) оно кидается в реку и идет "ударом" на высмотренные раньше ятови. Здесь уже исчезает всякое иерархическое различие. Казачий офицер, будь он даже полковник, - становится в ряд с простым казаком. Будары соединяются по две, в каждой сидят ловец-казак и гребцы (гребцы могут быть и наемные)... Если во время "удара" какой-нибудь ловец, стоящий на ногах в узкой и шаткой бударке, упадет в воду (тогда прямо ледяную), вся флотилия пронесется мимо, как кавалерийский отряд в атаке над упавшим с лошади. Никто не остановится, чтобы подать помощь.

Зимой в период багренья войско двигается на санях от Уральска до Гурьева, останавливаясь в заранее отведенных местах. Река кипит тогда своеобразной походной жизнью. За войском тянутся торговцы рыбой, отправляющие ее

целыми обозами в Россию, идет торговля съестными припасами, сапогами, рукавицами, шапками, принадлежностями лова... Виноторговцы, по старой памяти о "царевом вине", выставляют над бочками национальные флаги ("знямки" - уменьшительное от "знамя").

Эти походы на рыбу всем войском содействуют в высшей степени сохранению на Урале казачьего быта и типа. Войско в эти периоды чувствует свое единство. На привалах кипят религиозные споры, распространяются политические новости. В старину всякая смута зарождалась в этих походах. Пугачев тоже собирался "объявиться" на плавне, но старшинская сторона и осторожный Симанов отменили тогда осенний лов. Вообще рыба свободно спала ту зиму по омутам, пока степь курилась пожарами, гремела выстрелами и обливалась кровью...

На время севрюжьей ловли и багренья, как вообще на всякое рыболовство, производимое войском в известном месте и в определенное время, - назначается особый атаман рыболовства, обязанный следить за соблюдением правил лова. Но еще более властным распорядителем является обычай. Надо отдать войску справедливость: загородив свою реку, оно сумело завести на ней образцовые порядки, и общинный дух сказался на реке гораздо полнее, чем в земельной общине.

В собрании уполномоченных ежегодно дебатировались вопросы, возникающие на почве общинного рыболовства, и после всестороннего обсуждения осторожно вводятся в практику.

Первый участок реки, с которого начинается ловля, отводится для так называемого "презента".

Это старинный обычай. Уже во времена Михаила Федоровича яицкие "зимовые станицы" ездили на Москву, "кланялись" государям рыбным подарком и отдаривались в свою очередь. Посланцы войска получали "ковши и сабли", войску шли разные милости. Казаки дорожат этой традицией, но уже с давних времен к ней присосалось хищничество войсковых воротил. Участки для "презента" отводятся щедрой рукой, улов получается гораздо больше, чем нужно собственно для царского двора, и этими остатками атаманы задаривали членов военной коллегии, оренбургского и казанского губернаторов, которые за это покрывали всякое воровство "старшинской стороны".

Это в известной степени сохранилось до наших дней. Войсковая бюрократия бесконтрольно распоряжается презентом и распределяет "войсковой подарок" без участия представителей войска. Это стало своего рода бытовым явлением, и по количеству балыков и икры, получаемых в Уральске

чиновниками разных ведомств, жители судят о теплоте или холодности междуведомственных отношений.

Войско сильно косится на это бесцеремонное расхищение своего улова. Однажды даже была отряжена депутация к одному из атаманов, с просьбой передать распоряжение презентом в руки войсковых уполномоченных. Положение атамана было щекотливое. Он вышел из затруднения при помощи патриотической риторики.

- Кто меня сюда назначил? - спросил он у депутатов.

- Известно, кто, ваше-ство. Наказных атаманов назначает государь император.

- Вот видите. Государь доверил мне все войско. А вы не хотите доверить такого пустяка. Значит, вы идете против царской воли...

Депутаты сробели перед этим своеобразным призывом к "верноподданству", и бесцеремонное присвоение войскового труда продолжается до настоящего времени без контроля войска*. Кому только не "кланяется уральское войско" своими "презентами". Один атаман, служивший когда-то в кавалерийском полку, ежегодно посылает массу икры и рыбы офицерам этого полка. Офицеры пили за здоровье атамана, за боевую взаимность свою со славным уральским войском... Но, - как только атамана убрали, рыбный стол полка внезапно оскудел...

* Писано в 1901 году.

В старину атаманы назначались из природных казаков. Они грабили войско, но отлично знали его нравы и обычаи. Противник Пугачева Мартемьян Бородин был, если не ошибаюсь, последним атаманом из казаков. После него назначались атаманы из столицы, ничего общего с "войском" не имевшие. Знакомые (в лучшем случае) с обычным хозяйственным строем казарм, - они становятся распорядителями целой своеобразной области, с ее бытовыми особенностями. По "причетному приказу" такого атамана войско выступает на общий покос и по его же сигналу двигается "ударом" на багренное рыболовство. В этих распоряжениях ему помогает особое учреждение: съезд уполномоченных, своего рода казачье земство. Но его постановления имеют только совещательный характер. Хорошо, если атаман - человек благоразумный. Но ведь это бывает не всегда, и иные атаманы склонны распоряжаться хозяйственным бытом казаков, как строевой шеренгой. Казак на своем гумне, на своем покосе, пашне, на рыбной ловле - представляется им вечным "нижним чином", обязанным тянуться во фронт и беспрекословно исполнять самую нелепую команду.

На этой почве разыгрываются порой анекдоты чисто щедринского жанра.

Одному бравому атаману не понравилось, что в городе Уральске много плетней. В городе должны быть не плетни, а заборы. Атаман распорядился, чтобы к такому-то сроку плетни были заменены заборами. Совершенно понятно, что приказание не было исполнено: сторона безлесная, материал дорог. В назначенный день атаман собрал так называемых "служилых казаков", выстроил их на площади и с этой армией двинулся против плетней. По его приказу служилые казаки, находившиеся в строю и не смевшие ослушаться, - стали поджигать плетни. Генерал суетился, ругался, командовал, сухие плетни пылали, толпа смотрела в угрюмом молчании. Только один старый казак наконец плюнул и сказал довольно громко:

- А еще говорят: не сумасшедший.

Мне называли этого казака. Атаман, говорят, слышал, ио промолчал... А плетни, как местная особенность, и до сих пор украшают улицы старинного казачьего города...

Кажется, с тем же неугомонным атаманом было и другое колоритное происшествие. Он вздумал объехать "свою" область. Всюду были приготовлены парадные встречи. Встречали не только казаки, которые для этого случая оседлали рабочих лошадей, но и все население. Старые казаки, казачки, казачата и девушки. По окончании парада генерал ходил по площади, сыпал прибаутками в народном вкусе, заигрывал со станичными красавицами.

Особенное внимание старого селадона привлекла девочка-подросток, дочь зажиточного станичника, ходившая по улице с подругами. Его превосходительство подошел к ней с какой-то веселой шуткой. Девочка отвернулась. Зная "ключ к женскому сердцу", он протянул ей двугривенный "на семечки" и после этого попытался милостиво взять ее за подбородок. Девочка бесцеремонно двинула его локтем и сказала:

- Начхать (говорят, она выразилась еще сильнее). У тятки и своих много...

И крамольная красавица пошла дальше, луща семечки и пересмеиваясь с казачатами, которых, по известной женской глупости, очевидно предпочитала заслуженным генералам.

По этому поводу поселковый атаман получил нагоняй. В приказе было отмечено, что население распущено, не дисциплинировано и не питает должного уважения к начальству... Юная красавица на некоторое время стала очень популярной.

Навстречу этим попыткам командовать вне строя, - население часто готово к отпору. Особенно если эти попытки посягают на обычаи и нравы рыболовства.

Осенью перед тем годом, когда я был в Уральске, берега Яика видели характерную картину, напомнившую старые яицкие времена. Наказной атаман был назначен недавно, обычаев не знал, был человек самонадеянный и склонный к командирским замашкам. Кроме того, говорили, что на него оказывал большое влияние адъютант, человек чрезвычайно непопулярный в войске... В первый же день войско, по обычаю, закончило ловлю на участке, назначенном для презента, Адъютанту показалось, что улов мал. Он сказал об этом атаману, и тот распорядился продолжать лов на следующем участке.

Войско находило, что улов достаточен, но предмет был щекотливый, и войско согласилось продолжить лов на следующий день. Участок, на котором производится лов, по обычаю и по постановлению съезда уполномоченных, ограждается снизу поперек всей речки большой "аханной" сетью, чтобы рыба, потревоженная на участке, не кинулась вниз и не подняла других ятовей, залегших на зиму.

Но атаман, раз отдав опрометчивый приказ, не хотел брать его назад и опять поставил вопрос на почву верноподданнического благоговения и дисциплины. К нему подошли некоторые офицеры в ловецких костюмах и уважаемые старые казаки и стали убеждать отступить. Завтра войско готово отдать для презента другой участок, но нельзя нарушить исконные правила лова.

Атаман вскипел. Он топнул ногой и крикнул: "Молчать! Слушать команды".

Старики угрюмо разошлись по местам. Генерал дал знак, по которому войско должно кинуться ударом. Никто не двинулся с места. Атаман посмотрел на это, как на бунт. Это его рассердило тем более, что в это время у него в гостях был саратовский губернатор, стоявший тут же.

- Офицеры, вперед!..

Никто не двинулся. Да это было и невозможно: в рыбной ловле нет офицеров и рядовых: заслуженный офицер часто плывет в паре с простым казаком.

Атаман рассвирепел. Это уже показалось ему бунтом против верховной власти, во-первых, и против его авторитета, во-вторых. Он стал кричать и при этом произнес неосторожную фразу:

- Прикажу на песке осетров багрить, - будете багрить, пока не скомандую отставить...

По войску пошел шум. "Еще солдатских шинелей на казаков не надел", - кричали казаки. Это был старый лозунг... Из-за "солдатских шинелей" Яик не раз тревожно подымался против Москвы. Шум разрастался. Старики громко ворчали. Среди молодежи, особенно из Свистуна, замелькали багры, и скоро береговой яр, на котором стояло начальство, оказался окруженным взволнованной толпой.

- Чего тут было... И-и!.. - говорил, слегка косясь на офицера, учужный казак, рассказавший мне в общих чертах эту историю. И потом, усмехаясь в усы, прибавил:

- Гость-то... Саратовский... Кинулся поскорее к саням, пал кверху тормашками и кричит кучеру: - Гони в город. Нахлестывай!.. Ну их, дескать... Спасибо на угощении.

Впоследствии ту же историю мне во всех подробностях рассказывали в Свистуне старые казаки в бухарских стеганых халатах.

- Атаман испужался, снял папаху, давай кланяться войску. - "Простите, господа войско. Я по новости ваших обычаев еще не узнал". Ну-мол теперь будешь знать...

- А если бы не уступил? - спросил я.

- И-и! Что ты. Не дай Бог, - сказал один. А другой прибавил:

- Не знай, что и было бы... Наше, брат, войско - сурь-ез-ное...

ГЛАВА III

Старый город. - Гробница казачьих вольностей. - Курени. - Пугачевский дворец и дом Устиньи Кузнецовой

Уральская железная дорога построена недавно. Когда возник вопрос об отчуждении земли под полотно дороги, - казачья община оказалась в затруднении; приходилось в неделенную степь пустить целую полосу, которая отходила в собственность дороги. В конце концов, отчуждение все-таки произошло... Право собственности приобретено дорогой почти за чечевичную похлебку.

Таким образом, коснувшись железнодорожных сребреников, казачий строй допустил к себе опасного соседа: на отчужденной земле стали элеваторы, мельницы, склады, задымились трубы, в темные осенние вечера загорелось электрическое освещение. Затем железнодорожная компания стала отчуждать эту землю третьим лицам, и опять на праве собственности... Первые попытки этого рода вызвали процесс, который община проиграла, и теперь под боком у бывшего Яицкого городка растет целый поселок, живущий своею особенною жизнью, и главное - растут интересы, которые, конечно, когда-нибудь потребуют и своего представительства. Вокзал и линия железной дороги - это вторжение "иностранного" элемента в самое сердце казачьей общины...

Факт совершился. Казачий город выразил свое нерасположение тем, что отодвинул место для вокзала подальше. Но в последнее время он сам тянется к вокзалу своей северной частью... Паровой свисток, изгнанный с реки, раздаётся властно и невозбранно, растут склады, магазины, каменные дома... Старый исторический "городок" прижимается южною частью к Яику с его нетронутыми водами и учугом.

Это два полюса, два разных периода истории, Европа и Азия, прошедшее и будущее казачьей страны...

На самом рубеже между ними, как бы заступая дорогу надвигающейся Европе, на "Большой" городской улице стоит старый собор, почтенное серое здание с шатровыми крышами и облупившейся штукатуркой. Это тот самый собор, колокольня которого была когда-то взорвана пугачевцами. До сих пор старожилы указывают груды камней и щебня, отмечающих место этого взрыва. Здесь же около собора находился небольшой "ретраншемент", в котором полковник Симанов с "верными" старшинской стороны казаками отсиживался от овладевших городом пугачевцев.

Все здесь носит характер глубокой, седой старины. Рассказывают, между прочим, что будто старый собор упорно "не принимает новой штукатурки" и уже несколько раз сбрасывал ее с себя, как ничтожную шелуху. Простые

казаки говорят об этом факте с глубоким убеждением и суеверной многозначительностью, офицеры с некоторым недоумением. Факт (объясняемый, быть может, особыми свойствами "войсковой" штукатурки) устанавливается многочисленными показаниями: старый собор упрямо отметаает новую оболочку и как бы подает пример консерватизма своим смиренным соседям...

Внутри этого собора, на правой стороне, недалеко от входа, бросается в глаза грубая каменная гробница, в форме саркофага, покрытая частью облупившейся темной краской. Над этой загадочной гробницей носятся сбивчивые предания. Говорят, между прочим, будто один из священников Петропавловской церкви (находившейся вне ретраншемента, во власти пугачевцев) отказался венчать Пугачева с казачкой Устиньей Кузнецовой и за это был замучен. Казаки "верной стороны" похитили его тело и положили в эту гробницу. Кажется; это предание неверно: исторические источники нигде не упоминают об этой казни. Наоборот, после захвата Пугачева яицкие священники подверглись суровым карам за излишнюю уступчивость требованиям "набеглого царя". По другой версии - под видом похорон попа полковник Симанов и осажденные "старшинские" казаки скрыли в гробнице войсковые регалии, - атаманские насеки и грамоты царей войску, - опасаясь, чтобы все это не попало в руки пугачевцев, если бы они взяли "ретраншемент". Как бы то ни было, таинственная гробница, неведомо кем поставленная в углу старого казачьего собора, привлекает общее внимание. В войске издавна существует легенда о какой-то грамоте царя Михаила Федоровича, в силу которой казакам отдавалась река Яик от вершин и до моря, со всеми притоками. Эта заманчивая грамота, сгоревшая будто бы в большой пожар еще в начале XVII столетия, служила предметом настойчивых розысков, и уже во времена Петра Великого зимовые яицкие станицы потратили немало денег, роясь в столичных архивах. Но никаких следов грамоты не нашлось, значит, она не могла и попасть в гробницу. В войске, однако, существует упорное убеждение, что какие-то реликвии казачьего строя и, может быть, какие-то его "права" дремлют в гробнице, в недрах старого собора, не принимающего новой штукатурки*.

* В интересах истории подымался даже вопрос о вскрытии гробницы, но дело это заглохло, кажется, в духовном ведомстве.

Вокруг собора и за ним раскинулись "курени": убогие деревянные домишки, порой плетневые мазанки с плоскими крышами. Здесь уже и не пахнет городом. Казачата играют в уличной пыли и на мураве, мимо церкви бредет старый-престарый казачище с посошком и бормочет что-то про себя. Вдали виднеются крутые, глинистые обрывы Урала, уже на другой, "бухарской" стороне. И под шум степного ветра, налетающего оттуда и крутящего вихрями летучую пыль, как-то даже забываешь, что стоишь на той же улице, в другом конце которой красуется триумфальная арка, европейские магазины, вокзал, элеваторы...

В куренях есть свои исторические достопримечательности. На углу Большой и Стремянной улиц показывают два скромных дома. Один из них, угловой, - деревянный, сложен, очевидно, очень давно, из крепкого лесу.

Бревна отлично еще сохранились, хотя один угол сильно врос в землю, отчего стены покосились, а тес на крыше весь оброс лишаями и истлел, кое-где превратившись в мочало. Другой, стоящий рядом, в глубь Стремянной улицы, тоже очень старый, сложен из кирпича с некоторыми претензиями на "архитектурные украшения". Он тоже весь облупился. Слепые окна отливают радужными побежалостями, крыльцо, выходящее во двор, весь заставленный кизяками, погнулось под бременем лет до такой степени, что могло бы возбудить любопытство архитектора самым фактом своего равновесия.

Местное предание гласит, что первый дом (деревянный) принадлежал казаку Петру Кузнецову, откуда Пугачев взял себе невесту, Устинью Петровну, ставшую на короткое время "казачьей царицей". В каменном - жил будто бы сам Пугачев во время наездов из Оренбурга...

Есть много оснований считать это предание верным. Местный старожил и литератор, Вяч. Петр. Бородин передавал мне, что несколько лет назад, при перекладке печи в каменном доме, печники нашли целую связку старинных бумаг, по-видимому, тщательно скрытых под печью. Очень может быть, что в связке этой находились интереснейшие материалы для истории Пугачева, но, к сожалению, полицейский надзиратель, знавший об этом факте, рассказал о нем слишком поздно, и отыскать бумаг не удалось...

Эта находка отчасти подтверждает, что старое каменное здание играло какую-то особенную роль в историческом движении. По словам того же В.П. Бородина, каменный дом принадлежал Кузнецову, и в нем жила Устинья уже царицей, а Пугачев останавливался у нее во время своих наездов в Уральск. Мне кажется, однако, что предание, связывающее оба соседние дома и называющее деревянный домик Кузнецовским, вернее. Известно, во-первых, что Кузнецов был казак небогатый, а каменных домов в то время было немного... Во-вторых, г-н Дубровин ("Пугачев и пугачевцы") говорит, что

перед вторым отъездом в Оренбург Пугачев перевел свою новую жену в Бородинский дом, лучшее здание в городе. Место этого дома указывают теперь различно: это или нынешний атаманский дом на Большой улице, или еще один дом, давно уже перестроенный так, что от прежнего едва ли остались и стены.

Смутное предание и это точное указание истории легко примиряются, если принять во внимание, что Пугачев приезжал в Уральск еще до своей женитьбы. Как известно, он дважды вел подкопы под ретраншемент и сам постоянно руководил минными работами. Следы одной из этих мин и теперь еще видны в куренях, по направлению от собора - "а юго-запад. Очень возможно, что вначале Пугачев сам жил в этом каменном доме, распорядясь осадой и подкопом, а Кузнецовы были в это время его ближайшими соседями.

Выдающийся уральский исследователь и знаток старины покойный Иоасаф Игнатьевич Железное, в первой половине прошлого столетия собрал много живых еще преданий того времени, частью записанных со слов очевидцев и, во всяком случае, по свежим следам. Одна из рассказчиц, столетняя монахиня Анистья Невзорова, говорила Железнову (в 1858 г.) о знакомстве Пугачева с будущей "царицей".

- Сидит, это он, Петр Федорович, под окном и смотрит на улицу, а Устинья Петровна на ту пору бежит через улицу, в одной фуфаечке да в кисейной рубашечке, рукава засучены по локоть, а руки в красной краске (она занималась рукодельем: шерсть красила да кушаки ткала), Тут он в нее и влюбился.

Этот рассказ современницы тоже указывает на близкое соседство обоих домов и подтверждает предание, витающее над этими полуразвалившимися зданиями на Стремянной: из окон этого каменного дома Пугачев мог видеть красавицу Устю, пробегавшую "по домашнему" через улицу. И это определило трагическую судьбу молодой казачки.

В старинных "делах", которые я имел случай читать в войсковом архиве, не раз упоминается о "называемом дворце" Пугачева. Весьма вероятно, что и сватовство и свадьба происходили еще в этом скромном доме. Судя по историческим данным, Устинья шла за "набеглого царя" неохотно. Когда к ней приехали сваты, она спряталась в подполье.

- И что они, дьяволы, псовы дети, ко мне привязались? - говорила она.

Во второй раз к ней приехал уже сам Пугачев, но и тут Устинья и ее отец неохотно шли навстречу высокой чести.

После свадьбы и второго взрыва Пугачев опять уехал в Оренбург, но прежде он образовал целый штат "придворных" около новой "царицы". В бумагах

войскового архива, в списках арестантов, содержащихся во время усмирения бунта при войсковой канцелярии, я встретил, между прочим, имена:

"Устиньи Пугачевой", содержавшейся "за выход в замужество за известного злодея, самозванца Пугачева, и за принятие на себя высокой фамилии".

Сестры ее Марьи Кузнецовой - "по обязательству сродством с беззаконным самозванцем".

Петра Кузнецова - "за отдачу дочери своей Устиньи Петровой за злодея Пугачева".

Семена Шелудякова - "за бытие в самозванцевой партии и за езду от самозванцевой жены к злодею Пугачеву по почте под Оренбург с письмами".

Устиньи Толкачевой - "за бытие при самозванцевой жене за фрейлину".

Старшинской женки Прасковьи Иванаевой - "за бытие у самозванцевой жены стряпухой".

И, наконец, молодого казака-подростка - "за бытие при называемом дворце в пажих".

Брак этот не принес счастья Пугачеву и погубил бедную молодую казачку, захваченную вихрем исторических событий. Свадьба происходила под гром неважных пушчонок из ретраншементов, в котором укрепился Симанов с "верными казаками". В "куренях" пугачевцы тоже построили свою "воровскую батарею". Командовал ею мрачный Карга. Шла постоянная перестрелка. Летали ядра, пули, киргизские стрелы, язвительные слова. На древка стрел и дротиков привязывались разные укорительные письма... Бунтовщики самым язвительным образом отзывались о царице Екатерине. Симановцы осыпали оскорблениями ее невольную соперницу...

Сила Пугачева была в наивной и глубокой народной вере, в обаянии измечтанного страдальца-царя, познавшего на себе гонение, несущего волю страдальцу-народу.

Женитьба при живой жене была яркой, бьющей в глаза неправдой. Увлечение Пугачева было, должно быть, очень сильно, а оскорбить хороший казачий род незаконной связью он, по-видимому, боялся. Роковая для Устиньи свадьба состоялась. Совесть искренних пугачевцев была смущена. Покорное Пугачеву духовенство отказалось поминать новую "царицу" в ектеньях "до синодского указа"... Крыша кузнецовского дома была видна из ретраншементов. Ликование кощунственной свадьбы доносилось за стены укрепления, поддерживая не одну уже, быть может, колебавшуюся совесть "верной стороны". Если не симановские пушки, то полемические стрелы из ретраншементов приобрели после этого новую силу...

Как бы то ни было, - этот невзрачный, покосившийся дом видел в своих стенах своеобразный "придворный штат" фантастической царицы. Здесь толпились фрейлины - недавние подруги ее по куреням - и пажи-казачата. Пугачев, как известно, относился к Устинье с уважением и доверием. По всем данным, Устинья была скромная женщина, не вмешивавшаяся в дела и никому не сделавшая ни малейшего вреда в период своего сказочного царствования.

Впоследствии, по приказанию Панина, на Яик и в Оренбург были присланы особые вопросные пункты о поступках Пугачева и пугачевцев. Нет сомнения, что это расследование не оставило бы без внимания каких-нибудь смешных или предосудительных выходов выскочки-царицы, если бы они были. Но их не было. Устинья в своем исключительном положении вела себя скромно, с каким-то непосредственным тактом, и даже в те времена бездушной формалистики, когда всякая вина была виновата, она была признана по сентенции невиновной...

По временам у нее являлись сомнения... Не раз по ночам молодая казачка плакала и приставала к загадочному человеку, неожиданно ставшему ее мужем, с расспросами: кто он такой, действительно ли царь и по какому праву захватил ее молодую жизнь в водоворот своей туманной и бурной карьеры? Указание на драму, начавшуюся в стенах этого дома, сохранилось в допросах Устиньи, приводимых г-м Дубровиным. Но, разумеется, подлый деревянный язык застеночных протоколов не мог сохранить трогательных оттенков трагедии женского сердца... Жалобы и слезы юной казачки, смущенные ответы таинственного и мрачного человека, неожиданно вмешавшегося в ее жизнь, - все это теперь стало тайной старого дома. А так как и действительный Пугачев далеко не похож на то "исчадие ада", каким, по старой привычке, изображала его история, то очень может быть, что в эти минуты, наедине с молодой женой, ему бывало труднее, чем на полях битв, на приступах или позднее при "расспросах" с пристрастием Павла Потемкина...

Может быть, отчасти поэтому он не жилав долго в Яицком городке и, примчавшись из Берды с небольшими отрядами по зауральской стороне, скоро опять мчался обратно снежными степями, рискуя встретиться с разбедами противников или попасть в руки орды...

Печальна дальнейшая судьба бедной казачьей царицы. Пугачев проиграл свое дело на Яике. Он умчался из-под Оренбурга, чтобы еще раз пронестись ураганом по заводской и крепостной восточной России, а Симанов со старшинской партией вышли из ретраншементов, и началась расправа. Устинья со всем своим штатом попала из "называемого дворца" в тюрьму

при войсковой канцелярии. Потом пошли этапы, кордегардии, тюрьмы, эшафоты. Существует очень правдоподобный рассказ, будто бы Екатерина пожелала лично видеть свою фантастическую соперницу. Свидание состоялось. Екатерина нашла, что Устинья далеко не так красива, как о ней говорили. После всего, что пришлось перенести бедной казачке, полуробенку, на пути от этого скромного деревянного домика в куренях до дворца Екатерины, отзыву этому можно, пожалуй, поверить...

Это свидание могло бы послужить благодарным сюжетом для интересной исторической картины. После него Устинья исчезает надолго в казематах Кексгольмской крепости. Более четверти века спустя (в 1803 г.) царственный внук Екатерины, мечтательный и гуманный Александр I, обходя эти казематы, встретил там, между прочим, и Устинью. На вопрос государя, ему сообщили, что это вторая жена Пугачева. Александр тотчас же приказал освободить ее, но, конечно, это пришло уже слишком поздно...

Да, торжественная история имеет также свои задворки, совсем не торжественные и не красивые. Бедная Устя, скромная казачка из куреней, красивый мотылек, захваченный бурей исторического движения, - и великая императрица... Кто их рассудит, и если кто рассудит, то какой тяжестью ляжет на чашку великих дел Екатерины несчастная судьба скромной казачки?

.....

В обоих исторических домах живут какие-то бедняги-татары. В то время, как я внимательно осматривал их и снимал фотографии, хозяев не было дома. Тусклые окна загадочно глядели на улицу. Двор, на котором некогда толпились казачьи старшины, полковники и "генералы", передразнивавшие графов и князей екатерининской свиты, зарос муравой и был покрыт кучами "кизяка", запасенного на зиму бедной татаркой. Деревянное крыльцо, на котором, вероятно, сиживал казачий царь, творивший свою расправу, уже совсем покосилось, и веревка для грязного белья тянулась между колонками широкой террасы.

Пока я с моим спутником П.Я. Шелудяковым, потомком очень видного пугачевца, ходили вокруг дома, заглядывая во двор, к вам стали собираться обитатели заинтересованных "куреней", казаки и татары. Один из них сообщил с таинственной многозначительностью, что в каменном что-то "непросто"...

- Мотри, - непременно есть что-нибудь...

- Что же именно?..

- Да уж... Чего говорить-то...

Оказалось, по рассказам соседей, что живущая в бывшем "дворце" вдова татарка слышит по временам под полом возню, шум, голоса и стоны. В смутном сознании куренных обывателей полуразвалившееся здание все еще хранит и бурные страсти, и невыплаканные слезы его бывших обитателей.

Самое наше посещение создало в куренях новую легенду: обыватели заключили, что цель нашего осмотра - покупка "казною" пугачевского дома, как бывшего царского дворца. Может быть, в интересах истории это и следовало бы сделать, но... эти достопримечательности куреней - памятники "опальные", о которых никто не позаботится, пока они, покорные времени, не сровняются с землей...

С этими мыслями в голове, с трогательным и грустным образом бедной Усти в воображении оставил я Стремянный переулок. "Дворец" стоял все так же насупленный и молчаливый, в окне кузнецовского дома мелькнуло за стеклом детское личико. Степной ветер взметывал белесые листья тополей над старым руслом реки, а невдалеке, в своих крутых берегах, бурлил и метался дикий Яик...

ГЛАВА IV

Поездка по верховым станицам. - Ночлег в Трекиных Хуторах. - "Кочкин пир". - Последние птголоски крамолы. - Об "агличанке"

Я собрался в поездку по "верховым" станицам, т.е. кверху от Уральска, до Илека, где уже кончается область Уральского войска.

Для этого я купил себе лошадь. Это был заслуженный когда-то строевой конь, постепенно опускавшийся по ступенькам житейской карьеры и перед моей поездкой исполнявший скромную работу при молотилке на войсковой учебной ферме. Опытный глаз мог еще различить сквозь худобу и опущенность прежние статьи хорошей казачьей лошади.

Добрые люди снабдили меня тоже изрядно послужившей на своем веку тележкой на погнувшихся дрогах, и, наконец, благоприятная судьба послала мне прекрасного спутника в лице Макара Егоровича Верушкина, илецкого казака, учителя с той же учебной фермы. Он ехал в Илек к родным.

На склоне июльского жаркого дня, снарядившись в путь, мы двинулись из садов через Чаган луговыми и степными дорогами. Вся совокупность нашей скромной экспедиции - и костистая лошадь, и скрипучая тележка, и наши фигуры в белых картузах, скоро покрывшихся летучей степной пылью, - ничем не нарушала привычной картины степной дороги, то лениво взбегавшей на увалы, то тянувшейся серою лентой между бахчами...

Солнце сильно склонилось к закату. Последние лучи играли еще на верхушке триумфальной арки и церковных главах Уральска, когда, минуя "Баскачкину ростошь" и Солдатскую Старицу (старое русло Урала) и перерезав пыльный тракт, мы поднялись на широкий увал, и тележка покатила ровною степью... Перед нами была безграничная степь. Даль обволакивалась легкой предвечернею дымкой, и только вправо зеленая полоска лесной поросли отмечала вдали берега излучистого Урала...

Солнце совсем уже село, и теплые сумерки лежали над степями, когда наша тележка въехала в улицы Трекиных хуторов, где мы наметили свой первый ночлег.

На улицах стояла тишина, свойственная этому неопределенному сумеречному часу. Кое-где на завалинках и бревнах виднелись группы казаков, занятых разговорами. К одной из таких групп мы и привернули со своей тележкой.

- Доброго здоровья, - сказал мой спутник.

- Здравствуйте, - ответили казаки. - Кого надо?

- Где тут живет ваш уполномоченный NN?

Я уже говорил о "съезде уполномоченных", заменяющем казачье земство. Население относится очень сочувственно к этому учреждению, и звание

уполномоченного считается очень почетным званием. Один из моих уральских добрых знакомых, Н.А. Бородин, бывший петровец, ученый войсковой рыбовод, предвидя возможность недоверия станичников к иногороднему приезжему человеку, снабдил меня письмами к нескольким уполномоченным. В этих письмах, подписанных тремя интеллигентными казаками, бывшими председателями съездов, сообщалось о цели моей поездки, и уполномоченные приглашались оказать мне содействие по собиранию нужных сведений. Бумага эта осталась без действия, так как в это время почти все "уполномоченные", по большей части почтенные старики, были на бахчах или в полях. Но все же самая возможность ссылки на это письмо давала мне своего рода опорный пункт и служила началом разговора... На наш вопрос об уполномоченных, один из казаков ответил:

- Он в городе. Да вам его зачем?

- Письмо у нас от Николая Андреевича Бородина. Переночевать бы.

- Так что же! Это и у меня можно, - сказал, подымаясь, высокий бородатый казак... - Мы Николая Андреевича тоже довольно знаем. - И он стал отворять плетневые ворота.

Мы, разумеется, охотно приняли приглашение и въехали во двор. Постройки в этой безлесной местности имеют особый характер. Отличительная черта - преобладание плетней и чрезвычайная экономия материала. Маленькие, чистенькие мазаночки с плоскими крышами придают своеобразный вид широким станичным улицам. Дворы тоже обносятся плетнями.

- Где хотите ночевать, - спросил у нас хозяин: - на дворе, а то в светелке?

Он только что вышел, наклоняясь в дверях, из своей избы, куда ходил распорядиться насчет самовара, и я искренне удивлялся, как могут такие большие люди помещаться в таких игрушечных жилищах. Ночлег в жаркой светелке нам не улыбался, и мы попросили устроить нас на дворе.

Вынесли самовар. Вечер был тихий и ласковый. Пламя свечи, поставленной на земле, стояло ровно, не колыхаясь, и освещало группу казаков, собравшихся из любопытства и сидевших на земле по-киргизски на корточках. Одного из них, седого старика, с буйными седыми кудрями, выбивавшимися из-под слишком узкого форменного картуза, позвал хозяин, узнавший о цели моей поездки, - как человека, для меня интересного: дед его хорошо знал Пугачева.

- Как же, как же... Хорошо знал, - заговорил старик, довольный вниманием, и, оглянувшись на слушателей, прибавил с благодушной улыбкой:

- Вместе сурков вылавливали в степи...

- Как это? - спросил я с недоумением.

- А так, очень просто. Найдут сурчину... ямку, значит. Польшют воду - сурок и выскочит. Он его сейчас придавит к земле подошкой...

- Да зачем ему было сурков давить?

- То-то вот, подумай ты. Бывало, тоже и дедушка спрашивает его: зачем, говорить, это вам, ваше превосходительство?.. А он и говорит... - Старик делает свирепое лицо и тарашит глаза. - Этак же, говорит, ваших отцов, старых казаков... вс-сех передавлю...

- Эх, - не то рассказывает, - говорят слушатели.

- Спутал.

- Это он о другом. О Волконском это...

Старик сконфуженно оглядывается... Он действительно спутал. У Иоасафа Игнатьевича Железнова, уральского бытописателя и историка, есть колоритный рассказ старого казака о князе Волконском, оренбургском губернаторе в начале XIX века. Дело тогда шло о введении в казачьем войске "чередовой" службы. Казаки противились: они видели в этом первый шаг к регулярщине... Началось сильное брожение. Казаки отказались послать требуемый начальством полк в Грузию. В это-то время, чтобы ознакомиться с причинами и характером движения, из Оренбурга приехал князь Волконский. Сначала он "принял на себя суворовские замашки", притворился простачком, ходил по домам и толковал с бабами об их житье-бытье, а с ребятами выходил потешиться в поле, выливать земляных тушканчиков... Эта генеральская "блажь" не обманула, однако, казаков, и войско смотрело на него с прежней чуткой подозрительностью. Действительно, месяца через два Волконский вернулся с несколькими батальонами солдат и с отрядом башкир. Казаки встретили его с хлебом-солью, но он хлеба-соли не принял, пока казаки не примут от него то, что он привез.

- От добра, батюшка, не откажемся, - ответили казаки, догадываясь, что дело идет о "штате", - а что не по нас, не обессудь, кормилец, - совесть претит...

- А это что? - спросил Волконский, указывая на башкир и солдат.

- Не знаем, батюшка. Должно быть, детки твои, - сказали казаки. - И игрушки в руках у них славные. Не бесчестно и взрослым поиграть. У нас, кормилец, есть такие же. На вид немудрые, а в деле добрые. Только не обессудь - мы их дома оставили. Думали, не понадобятся.

Перед генералом был "русский бунт", с хлебом-солью и пассивным упорством. Волконский пригрозил всех расстрелять. - "Стреляй, есть когда не жаль царского пороха". - И казаки стояли на месте.

Волконский расквартировал войска в городе и велел разойтись по домам. Казаки не пошли и около трех суток стояли на морозе "за башней".

Неизвестно, что вышло бы из этого бунта "стоянием", но генерал прекратил его.

Он выехал "за башню" и велел разойтись. Казаки не двинулись. Волконский приказал схватить и выпороть зачинщиков. Их схватили, растянули на земле, но остальные бунтовщики кинулись к ним, скидали на ходу штаны и покрыли зачинщиков своими телами:

- Их бить, так и нас бей...

По команде солдаты и башкиры кинулись бить всех не разбирая. Били усердно. После побоища осталась куча избитых и изувеченных тел, но никто не оказал сопротивления. Потом жены приезжали на санях (дело было в ноябре), сваливали на них мужей, как колоды, и увозили в город.

Между городом и садами, на небольшом холмике и теперь стоят еще два креста. Предание приурочивает к этому месту описанное событие. Отрядом командовал майор Кочкин, и самое событие живет в народе под именем "Кочкина пира".

Старик, рассказавший о сурках вместо Пугачева, сконфуженно моргал глазами... Слушатели смеялись.

- Стар дедушка, немудрено и забыть, - заступился я.

- Какое стар, - насмешливо заметил один из казаков. - До сих пор "наемку" плотит.

"Наемка" - старый войсковой обычай, из-за которого тоже было много замешательств. Не желающие служить вне области нанимали за себя охотников. Впоследствии это выродилось в налог, который остающиеся платят в войсковую казну, вместо службы натурой (после обязательного срока). Списки ведутся безобразно, и на этой почве много злоупотреблений. Жертва одной из таких "ошибок" была перед нами. Это был старик с совершенно седыми густыми кудрями и тусклыми, когда-то голубыми глазами. На нем был смешной серый пиджак и форменные штаны с лампасами. Глаза глядели с тупой покорностью, но на лице застыло выражение застарелой обиды.

Судьба его - типичная судьба многих бедняков, сынов вольной, неделеной степи. Он одинок, потому что за службой не успел жениться; беден, потому что за службой не мог пользоваться дарами вольной степи и вольной реки. И вдобавок, теперь, в конце седьмого десятка, когда он уже двигается с трудом, он все еще вынужден откупаться от этой обездолившей его службы.

Насмешки над беднягой стихли. В нашем кружке водворилось молчание.

- Как же это вышло? - спросил я. - Почему вы, дедушка, не жаловались?..

- Как не жалился!.. Подавал в правление сколько раз... Да что?..

- Ты бы, дед, к студенту какому ходил, - серьезно посоветовал кто-то...

Это упоминание о "студенте" на казачьем дворе меня заинтересовало. Оказалось, что под "студентами" говоривший разумел группу интеллигентных казаков, окончивших высшие учебные заведения и вернувшихся на родину. Один из них, Н.А. Бородин, бывший петровец, обратил на себя внимание в качестве ученого техника по войсковому рыболовству. Другой, Ив. Ив. Шанаев, был войсковым агрономом и еще раньше провел целую земельную реформу в родном Илеке. Третий служил мировым судьей. Деятельность этой группы образованной молодежи быстро выделила ее на общем фоне казачьей бюрократии, и часто старые казаки голосовали заодно с ними в съездах уполномоченных. Исконные казачьи обычаи протягивали руку молодой оппозиции...

Становилось поздно. Казачка принесла свежего сена и постелила на дворе под стенкой избы. Свечка все еще горела ровным пламенем, хотя в ней не было надобности. Луна стояла в зените и заглядывала в наш дворик. Казаки разошлись, но человека три, в том числе и хозяин, продолжали беседовать около потухшего самовара.

Упоминание о Кочкином пире дало направление разговору. Последняя вспышка борьбы "с регулярством" была еще у многих на памяти. В 1874 году генерал Крыжановский, перед какой-то новой частичной реформой, вздумал вперед заручиться покорностью казаков и потребовал, чтобы казаки дали подписку: мы - дескать, такие-то, обязуемся повиноваться верховной власти. Ничего больше. Но эта нелепая беспредметная подписка взбудоражила все войско. К чему? Что значит? На какой предмет?.. Сразу встала старая подозрительность и пассивная крамола...

- Призвал меня генерал Бизянов, - рассказывал мне старый заслуженный казак, - и говорит: - Слушай, Пахомов*, Ты, я знаю, верный слуга, вся грудь у тебя в васлугах. - Рад, говорю, стараться, ваше превосходительство. - Ты, говорит, Богу и великому государю повинешься? - Винуемся, говорю. Богу, великому государю всем войском, во всякое время, - Давай подписку. - Никак не могу, ваше превосходительство. Подписаться нам невозможно.

* Фамилия изменена.

- Почему же? - спросил я.

Он посмотрел на меня лукаво и многозначительно.

- Подписаться?.. Легкое ли дело? За эдакие подписки знаешь, что бывает? "Обязуюсь повиноваться верховной власти!.." А они что-нибудь против государя... Тогда как? Тоже обязуюсь повиноваться?

- Да ведь верховная власть это и есть государь.

- Государь император - особо. А верховная власть - высшее начальство... Нет... Знаем мы... Учены...

Таково это степное верноподданство. Оно решительно отделяет царя от реальной власти, идеализирует его, но вместе превращает в отвлеченность. И затем противится реальной власти во имя этой мифической силы...

На этот раз опасный призрак был вызван без всякой реальной надобности. Генерал-губернатор Крыжановский придал истории характер отказа от повиновения государю и раздул ее в целый бунт. И опять повторились сцены "Кочкина пира". Непокорных казаков высылали к Аму-Дарье, на Аральское море. Гнали этих "уходцев" двумя путями. Одних через Уральский мост у города Уральска, киргизской степью, других через верховые станицы с переправой у Илека. Каждый раз, как изгнанников перегоняли на "киргизскую" сторону, - происходили раздирающие сцены. Казаки сбивались в кучу, обнявшись, "ревели в голос" и не хотели уходить с родной земли. Их били нагайками. Старики и молодые держались вместе, а оторванные от кучи, - опять ползли по земле к своим... Теперь большинство "уходцев" уже вернулись на родину...

- Отличные казаки! - говорил мне один офицер. - Но подписки и теперь ни за что не дали бы...

Значительная часть, однако, самые непримиримые, и теперь остаются в изгнании. Особенно много "уходцев" из Свистуна.

- Мимо нашего поселка и гнали их на Гниловскую станицу, - рассказывал теперь наш хозяин. - Мы с братом в ту пору в полевых казаках служили, а в дому дед жил, лет девяноста. Так он что же сделал, послушайте... Одедся, посошок взял в руки и пошел себе за уходцами. "Куда, мол, дедушка бредешь?" - спрашивают шабры. - "А куда людей гонят, туда и я". Прибежали к нам, сказывают: вот какое дело, дед у вас за уходцами ушел... Брат скочил на лошадь, догнал в Кирсанове... А уж дедушка наш под караулом идет! - "Что такое? Как моге-те старика гнать? Ему девяносто лет". Насилу уже отняли, да и сам еще старый туда же, упирается: "куда старое войско, туда - дескать, и я... Помру, говорит, со старым войском"... Ну, взял его брат на руки, как ребенка малого, посадил в телегу, айда назад. Во всю дорогу заливался, плакал... Я, говорит, за старым войском...

- Да, дела!.. Как еще большего худа не вышло!
- Растревожили войско с "подпиской" этой... А ведь наше войско какое...
- Известно: войско сурьезное.

Лежа на сене, я начинаю дремать. В промежутках, раскрывая глаза, вижу силуэты бородатых людей, сидящих в кружок. В центре - говорун хозяин оживленно размахивает руками. Обрывки долетающих до сознания разговоров становятся все фантастичнее... Речь идет о политике, о китайской войне, об "англичанке", о Скобелеве. Скобелев вовсе не умер, неправда!.. Вообще, на Урале знаменитые люди бессмертны... Не умер в свое время Петр III, не казнили Пугачева и Чику, Елизавета Петровна после своей смерти очутилась неведомыми судьбами в пещере на Уральском сырту, император Николай I тоже "ходил" и являлся казакам...

Что касается Скобелева, то он был приговорен к расстрелу: обидел "англичанку"...

- Стал Скобелев на Балканах против Царя-града только руку протянуть... А она, англичанка, загородила дорогу, не пускает... Немец смеется: даром что Скобелев на Балканах... Англичанка юбкой потрясет, он и уберется... Скобелев услышал и осердился. - Ах она, говорит, такая-сякая... Давай ее, сюда, я ее... Ну, и загнул...

- По-русски!

- Да, по-нашему... Она, конечно, обиделась...

- Все-таки, как бы ни было, королева...

- Само собой... Не то, что королева, - императрица! Ну, нашему царю из-за Скобелева не воевать стать. И скрыли: будто расстрелян за это, за самое... А подойдет война, он тут...

- Хитра англичанка страсть!.. Шла раз со своими флотами к нашей приморской крепости. Идет морем, а самое не видать, - все флоты под водой, взять нечем. Однако нашелся тут солдатик один, хитрее ее... Посмотрите, говорит, господа адмиралы, в подзорную трубку. Не увидите ли чего на море? Посмотрели - видно: гусек по морю плывет. Устрельте, говорит, гуська. Навели пушку, устрелили гуська... И вдруг, братцы, из-под воды пошли флоты выходить... Один за одним, один за одним - море укрыли... Ну, тут их, конечно, из пушек...

- А слышь, наши из Манжурии пишут - были в гостях у ее...

- Ну?..

- Верно. Угощала. Господ офицеров особенно, ну, и караул тоже... Вино, закуски, все как следует... Хорошо угощала, нечего сказать.

Я слушаю, и в моей голове лениво ползут мысли... Что будет, когда королева Виктория умрет?.. Как это событие отразится на политической терминологии

нашего народа, привыкшего отождествлять английскую нацию с лукавой бабой, сильной женскою хитростью и коварством... И вдруг - "англичанка" превратится с воцарением наследника в мужчину*.

- Поймай ты мне, говорит, шипа*... Я, говорит, завтра к тебе буду...

* Моя поездка была еще до смерти королевы Виктории.

* Ш и п - мелкая порода осетра.

Это идет разговор на более современную тему. "Студент", ученый рыбовод Бородин по приятельству попросил нашего хозяина поймать ему икрюную самку шипа для каких-то опытов над живой икрой. Лукавый казак вздумал подшутить над ученым. Шипа поймал, но икру вынул, продержал сутки, потом опять положил на место. Самка шипа, несмотря на эту операцию, осталась жива. Я начинаю с интересом прислушиваться...

- Приехал... - "Поймал ли?" - говорит. - Как же, вот она. - "Икрюная?" - Так точно. - "И жива?" - Жива... Взял он сейчас стекляночки, налил чего-то.

- Ну, и что же? - живо спрашивают слушатели...

- Поболтал икру, посмотрел и говорит: "Подлец ты, Митрий Михайлович, а еще приятель считаешься. Икру вчера вынул..."

- Ишь ты... Значит ловок...

- Д-да-а... не проведешь...

Я успокаиваюсь насчет репутации моего приятеля и окончательно засыпаю - под отдаленный лай станичных собак. Они то кидаются в степь, то гурьбой убегают от какого-то врага в станицу... На рассвете одна из них возвращается на двор и, увидев нас, решает познакомиться ближе с гостями. А так как я лежал у самого края, то, подойдя ко мне, она стала обнюхивать мой лоб и лицо...

Я приподнялся с похолодевшей подушки... Небо сильно посветлело, бледная луна скрывалась за крыши. Рядом со мной, раскинувшись, спал гигант хозяин и что-то бормотал во сне. Может быть, он брал со Скобелевым крепости или ему грезились бурные времена в сурьезном войске...

ГЛАВА V

Песчаная метель. - Требухинский поселок. - Старый казак Хохлачев. - О Пугачеве. - О киргизах и их усмирении: - Убиенный Мар и старое поле битвы
В дальнейший путь мы двинулись рано. Отдохнувшая лошадь бежала резво, но скоро пришлось ехать шагом.

Подымался легкий ветер и, оглянувшись на Трекины, я увидел поселок точно сквозь метель. Это по степи несся тонкий сыпучий переносный песок... Песком завалило дорогу, колеса уходили в него чуть не по ступицу и трудно ворочались с тяжелым сухим шипением... Целые гряды больших песчаных бугров, голых или слегка поросших жестким кияком, легли по степи, и верхушки их курились под легким ветром, точно огнедышащие горы...

Эти переносные пески представляют настоящую угрозу нашим юго-восточным степям... В тот год была на Урале образована комиссия для обсуждения мер борьбы с грозным явлением. Но пока что - песок, как столбы снега в зимнюю метель, мчался по степи, курясь по всему степному простору...

Дорога прижалась к длинному узкому озеру, к самому берегу которого уже подступили огромные песчаные холмы... Наметанные бугры лежали, как застывшие волны. И все это курилось, и свистела сухая поросль колючей "солянки", и тонкая пелена песку неслась дальше, ложась на зеленые камыши озера...

Мы миновали посад Гниловский. Когда-то, очевидно, он стоял над самой рекой, на красивой правильной излучине, образовавшей почти полный круг. Но впоследствии река изменила свое русло, прорыла прямой ход, и казачий поселок стоит над обсохшим яром.

Вправо от дороги, красиво расположенный на увале, показался поселок Дарьинский, потом Вшивка и Дьяковский поселок. С последним связано предание о "дьяке", который в старину отговаривал походного казачьего атамана идти на Хиву. Атаман, взбешенный карканьем дьяка в самом начале похода, повесил его на бугре и пошел дальше, но предсказание дьяка сбылось: и атаман, и весь казачий отряд погибли в знойных хивинских песках. Вообще, ряд хивинских походов был чрезвычайно несчастлив для уральцев. Памятный зимний поход ген. Перовского завершил эти неудачи настоящей катастрофой, и на Урале установилось убеждение, что Хива город заклятый и взять ее невозможно... Теперь, конечно, убеждение это уже разрушено, как и много других "заклятий".

В середине дня мы сделали привал в Рубежной на казачьем постоялом дворе, отмеченном, по местному обыкновению, клоком сена, мотавшимся на шесте над воротами. Здесь, под навесами, укрытый в густой тени, стоял тарантас

проезжего торгового казака, и еще один молодой казак, тоже проезжий, сидел, свесив грустно голову, на своей телеге, пока его лошадь жевала сено. Он был отпущен домой со службы по болезни, прожил год на родине и теперь ехал в Уральск, в комиссию, для нового освидетельствования... Он сильно загорел, но глаза у него были больные и грустные. Мне сразу вспомнился больной казак, которого я встретил в поезде. Так же грустно глядели его глаза и так же он говорил мне, что "служба казачья чижолоая, нет чижеле, зато - земля вольна". Он этой землей тоже не пользовался, потому что был из бедной семьи и не мог платить наемку...

Задолго еще до вечера приехали мы в Требухинский поселок, расположенный близ устья хорошенькой степной речки Ембулатовки.

Два раза в смутные времена, после убийства генерала Траубенберга и затем во время пугачевщины, генерал Фрейман, шедший из Оренбурга, переправлялся через Ембулатовку со своим регулярным "деташементом" и артиллерией. Оба раза казаки выбегали навстречу к Ембулатовке тоже с артиллерией и "учиняли здесь сражения", стараясь помешать переправе. Но правильная тактика немца опрокидывала сопротивление удалых яицких наездников. Рассматривая подробную карту Уральской области, я нашел на ней, выше Требухинского поселка, близ реки, урочище, обозначенное названием "Убиенного мара". Мне пришло в голову, что, быть может, этим грустным именем народная память окрестила место битвы, и я хотел посетить его.

В Требухах оказался интересный человек, старый 89-летний казак Ананий Иванович Хохлачев. Я слышал о нем, как о человеке любознательном, собравшем в своей старой памяти много преданий. Хозяйка постоялого двора, на котором мы остановились, оказалась крестницей Анания Ивановича и охотно вызвалась пригласить его к нам для беседы.

Через полчаса во двор явился рослый старик, с очень длинной седой бородой, в старинной формы стеганом халате и, несмотря на жаркий день - в валеных сапогах. Глаза Анания Ивановича были старчески тусклы, голос несколько глух, но память ясная, речь связная и толковая. Он был из тех людей, с детства наделенных живой любознательностью, которые жадно прислушиваются к старинной песне, к преданиям и рассказам бывалых людей и стариков...

Он отказался выпить с нами чаю, - скромно и не объясняя причины (на Урале многие не пьют чаю, считая это грехом), но охотно взял яблоко, которое, впрочем, так и держал все время в руке (дело было еще до яблочного Спаса). Но на вопросы отвечал охотно и даже с некоторой гордостью и удовольствием. Это было удовольствие человека, много узнавшего в свою,

уже закатывающуюся жизнь и готового передать другим кое-что из этого запаса. О Пугачеве он говорил, как о настоящем царе, приводил очень точно разные предания, называя лиц, от которых все это слышал, и перечисляя степени их родства с самими участниками исторических событий. Заметив, что я записываю кое-что в свою книжку, он выпрямился и, положив руку на столик, сказал:

- Пиши: старый казак Ананий Иванов Хохлачев говорил тебе: мы, старое войско, так признаем, что настоящий был царь, природный... Так и запиши!.. Правда это...

- А как же, Ананий Иванович, он был неграмотен? Указы сам не подписывал.

- Пустое, - ответил он с уверенностью. - Не толи что русскую, немецку грамоту знал... Вот как! - потому что в немецкой земле рожден... Как ему не знать! Царь природный.

От Пугачева мы перешли к временам более близким. О своих соседях киргизах Ананий Иванович говорил с глубокой враждой и недоверием.

- Кыргыз - человек вредной, - говорил он. - Бывало, молодой я был... на покос и с покосу к поселку идем, - что ты думаешь: все кареем, как на войне. Чуть отбился от карея, уж он на тебя насел. Заарканит, пригнется к луке - айда в степь! Человека волоком тащит... Приволокет живого в аул, - ладно, в есыр угонит, в Хиву, в Бухару продаст; а помер на аркане, - в степи бросит. Лежите, казачьи косточки... Ему что: убытку мало. Об нас они так понимают, что мы и не люди...

Ананий Иванович засмеялся и покачал своей седой головой...

- Ох-хо-хо!.. Не любили меня... Да, этак-ту вот... Бывало едет кыргызин от меня. Другой навстречу. "Кем джюрген?" Значит: отколь едешь? - "Капырнэм джюргем" - от проклятого, дескать, еду... - "Вы, говорю, подлые, зачем так говорите? Я не проклятый, я казак, православной веры человек"... Они наш род и теперь помнят, что их мой дедушка когда-то пушкой бил. И то люди мне говорят: не ходи ты, Ананий Иванович, на бухарску сторону: они на тебя старую кровь имеют...

- Да ведь теперь, говорят, они совсем замирились... Все, действительно, говорят, что "орда" теперь совсем смирна, а один купец в Уральске уверял, что он с деньгами и безоружный проезжал по всей киргизской степи. Нужно только подъехать к аулу и объявить себя гостем, иначе, пожалуй, ночью могут угнать лошадь. Но грабежей и убийств из-за денег не слыхано, и купцы спят среди степи, нисколько не остерегаясь.

- Это верно, - подтвердил и Ананий Иванович, но тотчас же добавил упрямо:

- А все когда-нибудь змея укусит... Конечно, теперь подобтели...

Он опять улыбнулся.

- Усмирили мы их... Помню я еще Давыд Мартемьяновича*... Вот умирал кыргыз, ай-ай! Бывало, чуть что - берет сотню казаков, айда в степь на аулы...

* Давид Мартемьянович Бородин, сын известного старшины пугачевских времен, Мартемьяна Бородина, был войсковым атаманом в первой половине прошлого столетия.

Он посмотрел на меня, и в старых глазах мелькнул огонек.

- Так они чего делали, кыргызы-то... Видят - беда неминуемая, сами кто уж как может измогаются, а ребятишков соберут в какую ни есть самую последнюю кибитченку да кошмами заложат... Значит - к сторонке... Ну, казаки аул разобьют, кибитку арканами сволокут, ребятишки и вывалются, бывало, что тараканы...

- И что же?

- Да что: головенками об котлы, а то на пики...

Старик говорил просто, все улыбаясь тою же старческой улыбкой... Ветер слегка шевелил седую бороду и редкие волосы на обнаженной голове казачьего патриарха. Мне вспомнилась повесть И.И. Железнова, чрезвычайно популярная среди уральцев, настоящая казачья эпопея. В ней герой Урала, Василий Струняшев, тоже разбивает головы киргизских ребят о котлы. "Змею убивать, зубов не оставлять", - говорит он, и уральский писатель с умилением изображает своего свирепого героя...

- А что, Ананий Иванович, - вам известно об Убиенном Маре?.. - спросил я.

- Это который?

- Да вот на Ембулатовке, верстах в 7-ми от вашего поселка.

- А, это громом убило зараз четырех человек... Оттого и назвали. А то еще есть Убиенный мар поближе, верстах, может, в полуторах... Тут мы, бывало, ребятишки, оружие выкапывали... Так это Фрейман генерал из Ленбурха шел. Наши с ним сражение делали. Тут он, самое это место, и переправлялся...

Попрощавшись со стариком, мы запрягли свою отдохнувшую лошадь и отправились по левому берегу небольшой степной речки к указанному месту. Большой и широкий курган, каких много рассеяно по степи, вероятно, очень древнего, еще может быть, доисторического происхождения, лежал на заливаемом лугу, а недалеко тянулся невысокий увал. Два небольших возвышения, вроде могил, близ этого кургана, быть может, насыпаны над павшими в битве с Фрейманом... Последние косые лучи солнца золотили траву на этих могильниках, и степной ветер шептал что-то невнятное и печальное...

Через час мы ехали дальше по темной уже дороге. На юго-востоке подымалась луна, большая и бледная, а книзу от нее по небу лилась тихая гамма чудесных вечерних оттенков. Степь закутывалась мглой, ленивые увалы тянулись по ней, точно ужи, разлегшиеся на отдых; где-то звенел, как птица, слепыш (маленький степной зверек, - по уверению моего спутника), кое-где отсвечивали степные озера, ильмени и ерики... Впереди нас, поскрипывая, ехали две телеги, одна, запряженная верблюдом, другая лошадей. На одной сидел казак, на другой молодая казачка, но теперь они

оба уселись на передней телеге, и по временам до нас долетал невнятный разговор. На подъемах силуэт верблюда рисовался в светлой полоске неба и казался чудовищно громадным...

Мы ехали молча. В памяти у меня все стояло важное лицо старого казака и его эпически бесстрастный рассказ.

- "Старую кровь вспоминают"... "Головенками об котлы... а то на пики..."

И при этом взгляд - настоящего праведника...

ГЛАВА VI

*В Январцеве. - Казачка-поэтесса. - Казак Григорий Терентьевич Хохлов, -
Уральские "Искатели"*

Январцевский поселок, Кирсановской станицы, имеет вид большого села. В нем до 500 домов, церковь и две школы: одна войсковая (до 70 учеников), другая - церковно-приходская (45). В прежние времена Январцевский форпост (фарфос как называют казаки) стоял несколько дальше, на ровном месте, над озером, В начале прошлого столетия он перенесен на высокий берег Урала, но теперь жители помышляют опять о старом пепелище. С бухарской стороны ветер заметает реку песком, и стесненное течение рвет обрывистый берег, снося огороды, дома и уже приближаясь к церковной площади.

Было уже поздно, когда мы въехали на эту площадь и остановились против дома учителя, Александра Осиповича Токарева, знакомого моему спутнику. В доме огня не было. Пришлось стучать в окно, пока, наконец, не вспыхнул огонек, а еще через несколько минут открыли ворота...

Учителя не было дома, он отправился в луга. Дома осталась старушка мать и сестра, которая встретила нас очень приветливо и, по нашей просьбе, устроила нам постель из свежего сена на дворе, под телегой... Попросив любезную хозяйку ни о чем более не беспокоиться, мы не могли устоять от соблазна - искупаться в близком Урале. Для этого пришлось спуститься вниз по крутым, еще свежим обрывам, над которыми, точно испуганные, склонились уже подрытые заборы и старые бани, готовые рухнуть с ближайшим половодьем... У меня осталось своеобразное воспоминание об этом вечернем купании под темными обрывами, в черной глубине сердитого и быстрого Урала.

Ночью я слышал, как открылись ворота... Въезжала телега, вбегали лошади, кто-то подходил к нам, с любопытством рассматривая пришельцев. Наутро оказалось, что это с лугов вернулся хозяин...

Это был еще молодой человек, сильно загорелый от полевых работ, в пиджаке и казачьей фуражке. За утренним чаем он любезно старался сообщить мне все, что может интересовать заезжего наблюдателя. Он рассказал, между прочим, что в Январцеве жила казачка-поэтесса М.И. Тушканова. В сборнике местных произведений, с большой любовью составленном Н.Г. Мякушиным, я уже встречал ее произведения, ходившие по рукам и сохранившиеся по-видимому случайно. Особыми красотою они, сказать правду, не блещут. В одном Тушканова жалуется, что ее мучит "страсть стихотворения".

С пером на досуге

Горе я делю.

Бумаге, как другу,

Все я говорю...

В столичных редакциях получают груды таких стихотворений. Убогая рифма, бедный размер, скудные образы... Все это видно сразу, с первых строчек, и редактор с досадой откладывает в сторону тетрадку с наивным почерком неопытной руки...

Но здесь, в далеком казачьем поселке, от этих наивных строк покойной поэтессы-казачки на меня пахнуло живым ощущением тихой, но глубокой драмы... Чем в самом деле отличается эта биография от тех трагедий непризнанных талантов, которые гибнут в глуши для того, чтобы получить позднее признание после смерти... То же одиночество, те же порывания к свету, та же тоска по неведомом... Маленькая случайность: у тех был талант, - у этих его нет... Но за этим исключением, - все та же трагедия налицо...

Тушканову тоже "не признавала среда" и жизнь ее тянулась горько. "Супруг уже старенек, - жалуется она наивно в одном стихотворении...

...Порой обижает.

Слишком горяченек,

Писать запрещает.

И нет мне веселья,

Лишь грущу всегда...

После ее безвестной смерти осталось много рукописей. Семейные сожгли их все, как никуда негодный хлам. В данном случае, по-видимому, русская литература потеряла немного... Но разве та же судьба не постигла бы рукописи бедной казачки, если бы они даже были гениальны?..

В Январцеве же оказался и другой интересный человек. Я уже слышал ранее, что уральские казаки два раза уже предпринимали смелые отдаленные путешествия в поисках измечтанного воображением людей старой веры - "Беловодского царства". Один из этих путешественников напечатал даже описание путешествия, и редакция местной газеты издала эти очерки отдельной брошюрой. К сожалению, они явно подверглись литературной обработке, и в этом виде лишились своей непосредственности и оригинальности. Теперь я узнал, что один из этих пилигримов (их было трое) живет в Январцеве и что он тоже записывал свои впечатления.

Ради этого мы отложили свой отъезд. Наш хозяин послал к Григорию Терентьевичу Хохлову приглашение придти к нему, а мы в ожидании расположились в зеленой беседке, в саду учителя.

Ждать пришлось долго. Наконец, кусты раздвинулись и в беседку вошел казак средних лет с густо загорелым лицом и умными черными глазами. На нем был серый пиджак и казачья фуражка с малиновым околышем. Войдя, он окинул нас пытливым осторожным взглядом и, поклонившись, спросил сдержанно, с оттенком подозрительности:

- Что надо?

Хозяин объяснил, кто мы и что нам нужно. Лицо казака просветлело...

- Вот оно что... А я, признаться, думал на другой предмет... - И, повернувшись к хозяину, он продолжал:

- Прибегает ваш парнишка и говорит: "Ступай по-скорые. Там какой-то из Питербурху приехал. Зовут... чтобы ты пришел"... Ну я и подумал: кому быть. Непременно это миссионер...

Лицо его опять стало холодно, взгляд подозрителен.

- А между прочим, вам, господа, тоже известно: частные беседы о вере не дозволены. Вот у меня тут (он порылся в карманах) и листок есть.

Он вынул печатный листок, которым, очевидно, вооружился на всякий случай, и, указывая подчеркнутое заглавие, сказал:

- Вот тут видите: о совращении православных в иноверие... Полагается ссылка в Сибирь на поселение... И бывали случаи...

В те годы как-то вдруг оживилось миссионерское усердие, а с ним, как это часто бывает, и некоторые неприятные последствия для противников господ миссионеров. Я засмеялся.

- Так ведь это, Григорий Терентьевич, за совращение из православия... А мы не совратимся...

- Вы-то не совратитесь, да я-то, выходит, вас совращал. Ну, я и не пошел. Как тут прибегает второй посланец. - "Иди, - дожидаются". - Ладно, думаю, - пойти пойду, ну, только частно о вере беседовать не стану. Угодно, - так назначайте собрание... И опять - то еще сказать: пора рабочая...

- Да нет, Григорий Терентьевич, мы вовсе не за этим.

- Ну, когда так, то и мы будем говорить иначе. Погоди когда... я сбегаю домой, книжечку принесу, в коей я записывал...

Через несколько минут он вернулся и принес небольшую карманную записную книжку. Переплет был сильно потерт; книжка видала виды. Раскрыв ее, я увидел, что вся она вдоль и поперек убористо исписана старинным полууставом, со словотитлами и сокращениями. Владелец бережно относился к ней, следя за нею глазами, как за дорогой, хрупкой вещью, попавшею в чужие руки.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что в лице Григория Терентьевича Хохлова и его двух товарищей-казаков современный старообрядческий Урал

посылал в неведомые, а отчасти даже чудесные страны как бы экспедицию в поисках истинной веры. Депутаты добросовестно исполнили поручение. Они отправились в Константинополь, проехали Архипелагом, побывали в Малой Азии, Иерусалиме, проехали Суэцким каналом и Красным морем, обогнули Индостан и Индокитай, расспрашивали о русских церквях на островах, населенных дикарями, были в Китае, и в "Опосьском царстве" и, переходя от надежды к разочарованиям, не найдя нигде признаков "истинной веры" и "древнего благочестия", - вернулись после многих приключений через Сибирь на родину... В маленькую книжку свою Григорий Терентьевич заносил при этом славянскими буквами все факты и впечатления пути, втискивая их при помощи словотитл и сокращений на эти тесные страницы, и теперь, заглядывая в нее - он развертывал перед мною любопытные эпизоды этой своеобразной экспедиции.

Около двух часов просидели мы в беседке январцевского учителя, слушая любопытные рассказы этого современного "землепроходца"... Мне удалось убедить Григория Терентьевича перевести полуславянский текст его книжки на общеупотребительный язык и изложить его гражданскими письменами. Автор согласился и через некоторое время доставил мне в Уральск чрезвычайно убогую рукопись. Как он сам выражался, - он постарался "упоместить" возможно больше текста на возможно меньшем пространстве, считая это почему-то важным. Он не позволял себе ни красных строк, ни особых глав, и был чрезвычайно скуп на знаки препинания. По привычке к старинному полууставному письму, - попадалось много сокращений с слсвотитлами. Рукопись имела очень своеобразный вид, и Григорий Терентьевич настаивал, чтобы я придал ей перед печатаньем известную обработку. Но, ознакомившись с нею, я убедился, что в сущности она написана очень хорошо. Поэтому, когда (впоследствии) мне пришлось передать ее для издания в Географическом обществе, то я ограничился только разделением на главы, общеупотребительной орфографией и известным количеством знаков препинания. В остальном повесть "о путешествии уральских казаков в Беловодское царство" оказалась написанной очень выразительно, местами почти литературно, и если порой в ней попадались оригинальные и не совсем привычные в литературном изложении обороты, то и это только способствовало сохранению колорита. Надеюсь, читатель не посетует на меня за передачу здесь некоторых черточек этой казачьей одиссеи*.

* Вышло в 1903 (если не ошибаюсь) году под заглавием: "Григорий Терентьевич Хохлов. - Путешествие уральских казаков в Беловодское царство". Изд. Импер. Географического О-ва, Петербург.

ПУТЕШЕСТВИЕ УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ В БЕЛОВОДСКОЕ ЦАРСТВО

Прежде, однако, несколько вступительных слов.

По своему религиозному настроению Урал глубоко консервативен. В одной статье местной газеты мне попалось перечисление толков, между которыми распределяется население большой казачьей станицы. Тут есть *поморцы* или перекрещенные, признающие, что в господствующей церкви воцарился антихрист, и потому принимающие обращенных не иначе, как после второго крещения; *федосеевцы* или *чистенькие*, отрицающие брак; *дырники*, молящиеся на восток и притом преимущественно под открытым небом; чтобы примирить это требование с условиями климата, они прорубают отверстие в восточной стене дома и молятся, глядя в него, на небо; есть признающие священство *австрийцы*, *окружники*, принявшие Белокриницкую иерархию, основанную греческим епископом Амвросием; *беглопоповцы*, сманивающие священников у господствующей церкви. Есть и *единоверцы*, но особенно много так называемых *никудышников*, не признающих никаких компромиссов и потому не ходящих *никуда*, где молитвы совершают австрийские ли, единоверческие или беглые священники.

Несмотря, однако, на эти различия, вражду и споры, все эти толки объединены одной общей всем идеей. Все они признают существование некоторой формулы, состоящей из совокупности догматов и обрядов, в которой - и только в ней одной - спасение. Формула эта действует только до тех пор, пока в ней не изменена ни одна буква, ни одна иота или титло. Малейшее нарушение обращает ее, наоборот, в орудие гибели, независимо от внутреннего чувства, которое человек влагает в эти внешние символы. Отчасти под влиянием такого настроения Никон вводил сурово и прямолинейно свои исправления, а Питирим проклинал и казнил двуперстников. Но старообрядческий мир с суровым упорством встал за старую веру. По мнению приверженцев древнего благочестия, Никоновские новшества, наоборот, нарушили спасительную формулу и не только лишили ее таинственной силы, но обратили в орудие антихриста.

Однако, даже радикальнейшие из беспоповцев, никудышники, не отрицают священства в идее. Но в то время, как австрийцы, например, успокоились, "перемазав" для очищения от ереси безместного греческого епископа Амвросия, а беглопоповцы похищают благодать священства по частям у господствующей церкви, переманивая беглых священников, - никудышник не идет на компромиссы и только тоскует об утерянной благодати, не находя ее ни в одной из существующих церквей.

На этой почве возникла странная, почти волшебная сказка, которой, однако, долго верил, а отчасти и теперь еще верит старообрядческий мир. История всего раскола проникнута этой поэтически заманчивой легендой. Где-то там, - "за далью непогоды", "за долами, за горами, за широкими морями" рисуется темному и мечтательному воображению блаженная страна, в которой промыслом Божиим и случайностями истории - сохранилась и процветает во всей неприкосновенности полная и цельная формула благодати. Это настоящая сказочная страна всех веков и народов, окрашенная только старообрядческим настроением. В ней, насажденная апостолом Фомой, цветет истинная вера, с церквами, епископами, патриархом и благочестивыми царями. Среди других, преимущественно ассирских, там есть также и более 40 русских церквей. Ни татьбы, ни убийства, ни корысти царство это не знает, так как истинная вера порождает там и истинное благочестие.

Страна эта называется Камбайским царством или Беловодией. Проникнуть в нее очень трудно, однако, смелые люди все-таки проникали и составили несколько описаний. Из этих описаний или "маршрутов" (как по-военному называют их казаки), по словам Григория Терентьевича Хохлова, особенным распространением пользовался на Урале маршрут известного инока Марка (топозерской обители), который, будто бы, лично посетив Беловодию и вернувшись в Россию, "подтверждал свое путешествие евангельским словом"*.

* Об этом иноке Марке и его сказании писал П.И. Мельников.

Было это еще в XVIII столетии. С тех пор "маршрут" инока Марка ходил по рукам в рукописных списках и жадно читался по станицам, возбуждая в предприимчивых уральцах желание проникнуть в чудную страну. По словам Григория Терентьевича Хохлова, на съездах казаков-старообрядцев вопрос этот подымался много раз, но путешествие пугало своими трудностями и неопределенностью "маршрута". В 60-х годах истекшего века донской казак Дмитрий Петрович Шапошников, житель Новочеркасска, ассигновал на путешествие довольно значительную сумму, но с вызовом смельчаков. Дон почему-то обратился к Уралу. Уральцы согласились, и их выбор пал на казака Головского поселка Варсонофия Барышникова с двумя товарищами. Барышников отправился в путь, побывал в Константинополе, Малой Азии, на Малабарском берегу и даже в Ост-Индии. Но до пределов Камбайского (Камбоджа?) и Опоньского (Японского) царства за какими-то препятствиями не доехал: таким образом эта экспедиция не подтвердила, но и не опровергла сказания инока Марка. Заманчивая Беловодия по-прежнему осталась за далью морей, в таинственном и непроницаемом тумане.

Но вот, через некоторое время на Урале пронесся слух, что в Пермской губернии появился живой выходец из Беловодии, в лице некоего Аркадия, именующего себя архиепископом Беловодского ставления и в свою очередь ставящего попов и епископов. В некоторых местах самые радикальные беспоповцы, отвергавшие бело-криницкое и всякое иное священство, - приняли Аркадия с умилением и верой.

Я видел портрет этого странного "архиепископа", происхождение которого даже после нескольких случаев судимости нельзя установить вполне точно. По данным его биографии, это человек необыкновенно предприимчивый, способный, человек, как говорится, "с мечтой" и огромной энергией. В прежние, быть может еще недавние времена, он мог бы, вероятно, увлечь многих, но теперь уже запоздал и встретил на свете слишком много критики...

Казачьи отряды к "архиепископу" депутацию, в которой принял участие тот же Барышников, уже раз путешествовавший в Беловодию; своими расспросами о "маршруте" недоверчивый казак поставил епископа в крайнее затруднение. Барышников вернулся с убеждением, что Аркадий - простой самозванец.

Это, однако, не остановило попыток Аркадия. Через некоторое время он все-таки проник на Урал, посетил поселок С, где успел убедить почетного казака С-на. Получив таким образом точку опоры, Аркадий поставил уральцам двух попов и архимандрита.

Однако, успехи его не шли дальше, и это чрезвычайно характерно для того двойственного состояния умов, в котором находится огромная часть нашего народа. С одной стороны, наивное невежество, доходящее до призвания "русских народов" в Беловодском царстве, с другой - осторожная критика и недоверие. Казаки прибавили к этому еще готовность приняться за самые тщательные не только богословские, но и географические изыскания.

Некоторые беседы казаков с самим архиепископом и его последователями чрезвычайно любопытны. Григорий Терентьевич Хохлов передает свой разговор с "архимандритом" Израилем, человеком простым, даже неграмотным, по-видимому, искренне поверившим Аркадию и принявшим от него свое звание. "Отец Израиль, - спросил у него Хохлов, - скажите, Бога ради, чем вы могли увериться в истинности архиепископского звания самого Аркадия, который возвел вас в сан архимандрита?" Простодушный Израиль ответил на это целым рассказом из писания. По его словам, - некогда два старца были посланы от христиан на поклонение св. местам с тем, чтобы, по возвращении, они принесли с собой частичку святыни. Старцы посетили святые места и только на обратном пути вспомнили, что от святых мест ничего (вещественного) не взяли. Тогда, у боясь упреков, они решили так: возьмем простую вещицу наподобие святыни и скажем братии: "принесохом от святых мест". По приходе старцы показали братии лже-святыню. И вот к ним повезли больных, слепых, хромых и разных калек, которые с верою и чистой совестью приступали к мнимой святыне и по своей вере получали исцеление. Продолжалось это до тех пор, пока старцы не признались явно в своем обмане. Только тогда от мнимой святыни больным "отрада не прекратилась". - "Так вот и я, - закончил Израиль, - верю страшным клятвам Аркадия, что он принял сан архиепископа от патриарха Мелетия в Камбайском царстве Восточного Индокитайского полуострова. Когда он признается в своей несправедливости, - я откажусь от него, а пока по чистой совести верю его евангельской клятве, - то и надеюсь получить душе спасение".

Это простодушное исповедание слепой веры, не рассуждающей и не сомневающейся, встретило, однако, в наши дни сильный отпор. Нашлись даже тексты из номоканона, предусмотревшие такое духовное самозванство: "Божие убо лицемерствующих, безбожных же сущих и противных Богу"...

Впоследствии мне пришлось познакомиться с двумя казаками Круглоозерной станицы, которые беседовали с самим Аркадием. Оба они беспоповцы, начетчики, знающие священное писание, люди умные, страстно преданные своей вере, готовые поверить в существование чудесной Беловодии, но в то же время чрезвычайно осторожные и подозрительные. В обоих этих

посланцах Аркадий, очевидно, сразу почувствовал то пытлиное недоверие, которое доставило ему немало затруднений на Урале. Казаки явились к нему в Оханск (где он жил тогда под надзором полиции по решению суда) с просьбой ехать с ними и дать доказательства своего звания. Аркадий наотрез отказался.

- Нет, - сказал он, - меня уже раз возили такие же. Отняли на дороге семьдесят пять рублей денег и оставили нага и боса.

- Отче, - ответили казаки-начетчики: - аще ли на земли сокровища собираешь? Вспомни, как поступали апостолы.

Аркадий спохватился и поправился:

- Вы, пожалуй, и меня-то убьете, - сказал он.

- Отче, - ответил опять посланец: - аще убиен будеши на пути проповедническом, - имаши венец мученический и внидеши в царствие небесное.

- Иди от меня, сатана! - закричал Аркадий. - Вы, малoverы, мне не надобны. Ежели в Бога веришь, то и в меня верь, потому что я посланец Божий...

- Веруем, владыко, - тонко ответили казаки, еще не знавшие вполне, как понимать этого человека. - Помоги нашему неверию.

- Верующий не испытует, но приемлет. Если подлинно уверуете, то и доказательств не надобно. Идите с миром, и да будет по вере вашей...

Эти два течения - безотчетной веры в "Беловодскую мечту" и недоверие к Аркадию, привели, наконец, казаков к решению послать новую депутацию в Камбайское царство. И вот в то самое время, как в центрах и на вершинах нашей культуры говорили о Нансене, о смелой попытке Андрэ проникнуть на воздушном шаре к северному полюсу, - в далеких уральских станицах шли толки о Беловодском царстве и готовилась своя собственная религиозно-ученая экспедиция.

25 января 1898 года на съезде в Кирсановском поселке избрана "депутация", в которую вошли по выбору: во 1-х, урядник Рубеженской станицы Вонифатий Данилович Максимычев, во 2-х, Онисим Варсонофьев Барышников (очевидно, сын прежнего путешественника, в лице которого на поиски Беловодии отправлялось уже второе поколение), и в 3-х - мой январцевский знакомый, Григорий Терентьевич Хохлов. На расходы ревнителями благочестия было собрано 2500 рублей, да жители города Уральска прибавили 100 рублей. Около половины февраля депутаты подали просьбу атаману о выдаче им заграничных паспортов (в чем помог - с благодарностью прибавляет автор записок - безвозмездным написанием прошения "действительный студент" Н.М. Логашкин). 22 мая они выехали из

Уральска, а 30 мая сели на пароход, отходивший из Одессы в Константинополь.

С этого дня, собственно, и началось заграничное путешествие депутатов Урала в Беловодское царство, и среди международной толпы купцов, военных, ученых, туристов, дипломатов, разъезжающих по свету из любопытства или в поисках денег, славы и наслаждений, - замешались три выходца как бы из другого мира, искавших путей в сказочное Беловодское царство...

Я, разумеется, не намерен передавать все подробности этого интересного путешествия и ограничусь лишь краткими выдержками. Из Одессы наши казаки выехали вместе с отрядом, отправлявшимся на о. Крит. "Два хора духовой музыки, - пишет автор, - унывно играли, отъезжающие солдаты в печальном виде стояли на палубе". В Константинополе наших путников чуть не арестовали за то, что они пытались провезти с собой револьверы. Этот случай доставил им много затруднений, потребовал вмешательства русского консула и заставил впоследствии быть осторожнее. В дальнейшем путешествии казаки по-прежнему не расставались с оружием, но прятали его как-то так (воинский секрет!), что никакое "таможенство" не могло разыскать ни револьверов, ни патронов.

Пребыванием в Константинополе казаки воспользовались, между прочим, чтобы обратиться к патриарху с замечательной дипломатической нотой.

Всем, я думаю, более или менее известна история босносараевского митрополита Амвросия, который в 40-х годах по каким-то политическим причинам был отозван из своей епархии и проживал (без лишения сана) в Константинополе. В это время к нему явились послы австрийских старообрядцев, иноки Павел и Алимпий, и вступили в переговоры на предмет перехода митрополита в старообрядчество. Для доказательства, что Амвросий "не лишен благодати", они потребовали, чтобы он отслужил публично литургию, и после этого увезли его в Белую Криницу. Так у старообрядцев явился собственный епископ и основалась так называемая Белокрыницкая или австрийская иерархия.

Эпизод этот в свое время доставил и константинопольскому патриарху, и австрийскому правительству много дипломатических затруднений, а некоторые обстоятельства этого "похищения благодати" до сих пор прикрыты дипломатической тайной. Понятно, в какой степени весь старообрядческий мир - и приверженцы, и противники австрийской иерархии - заинтересован в выяснении прежде всего фактической истины...

И вот 2 июня 1898 года в канцелярию Константинопольского патриархата явились три уральских казака и на вопрос секретаря г-на Христо-папа

Иоанну, - что им нужно, - ответили, не обинуясь, что они намерены почтительно предложить патриарху несколько важных вопросов.

- О чем же это замечательное дознание? - спросил, усмехнувшись, секретарь. Казаки объяснили: они желают иметь прямой и точный ответ: точно ли Амвросий, бывший епископ босно-сараевский, был, - как это утверждает российская синодальная церковь - лишен епископского сана, или же, как говорят его последователи, - он был отозван из епархии по требованию турецкого правительства, но "благодать епископства" с него снята не была. Христо-папа Иоанну очень любезно ответил смелым вопрошателям то, что обыкновенно отвечают во всех канцеляриях:

- Необходимо подать формальное прошение по сему предмету на бумаге.

Весь день 3-го июня казаки обдумывали и составляли это "прошение" или скорее "ноту" старообрядческого мира, обращенную к патриарху, а 4-го она уже поступила в патриархат. Гласила она так (передаю с точным сохранением правописания):

"Ваше Святейшество!

Нижеподписавшиеся представители старообрядцев уральского края в России, подвергая Вашему Святейшеству и Святейшему Синоду Патриаршему: На обсуждение нижеследующих шесть вопросов, мы имеем честь покорнейше просить Ваше Святейшество не отказать выдать письменно ответ на них.

Вопрос 1-й: По какой вине был отозван с кафедры митрополит Босносараевский Амвросий в 1840 году? Вопрос 2-й: Был ли произведен суд Амвросию от синодального начальства по отзывании с кафедры боснийской?

Вопрос 3-й: Остался ли Амвросий при своем сане Митрополита после суда, ежели был над ним суд? Вопрос 4-й: Литургисал ли он в облачении архиерея на сопре-столе в какой-либо церкви по отзывании с кафедры после 1840 года?

Вопрос 5-й: Какие сведения имеются в патриархии о смерти Амвросия: умер ли он в соединении с православною греческою церковью или до конца оставался соединенным с старообрядцами в Австрии?

Вопрос 6-й (самый интересный): Какое значение имеет фраза в 5-м пункте данного из патриархии в 1876 г. старообрядцам ответа об Амвросии? Значит ли она, что Амвросий был под запрещением или что он жил в Константинополе без места?

Константинополь, 3 июня 1898 года. Вашего Святейшества покорнейшие слуги уральского войска казаки: Григорий Терентьев Хохлов, урядник Вонифатий Данилов Максимычев, Анисим Варсонофьев Барышников".

Ответ на эти вопросы, точное решение которых могло бы оказать огромное влияние на настроение значительной части старообрядческого мира, - казаки просили послать через 4 месяца на Урал.

Нет надобности прибавлять, что ответа не последовало и до сих пор... Патриарх хранит "красноречивое молчание".

.....
На следующий день нашим казакам пришлось испытать довольно сильное ощущение, когда, по пути в русское консульство, они воспользовались услугами подземной железной дороги. Прежде всего, - пришлось спуститься в туннель.

"Вошли мы, - повествует Г.Т. Хохлов, - в здание, наподобие какой-то магазина: в середине небольшая комнатка, вокруг которой масса людей. Подошли мы поближе и усмотрели, что из этой комнаты человек в окно выдает билеты, а в сажнях пяти, в полутемном месте стоят вагоны. Получившие билеты идут к вагонам. Мы также купили билеты и в числе народа пошли в вагоны. В вагонах пристроены по две лампы. Через пять минут дан был свисток, и вагоны резко двинулись вперед под землю...

- Не во ад ли нас повезли, товарищи? - сказал Максимычев. - Везут под землю, да и паровика нет... Чем же двигаются вагоны?

- И я этому удивляюсь, - ответил автор. Однако, минут через 5 завиделся свет и выехали мы подобно в такую же комнату (из которой отправились). Вагоны остановились, и мы сошли. - Бес, никак, эти вагоны таскает? - сказал я Максимычеву. Но Максимычев что-то смотрел вниз, под вагонами. - "Эй, смотри, чем действует", - закричал он. Оказалось, что он заметил привод, и таким образом сомнения относительно басурманской дороги рассеялись.

Затем, узнав, что в этот день султан производит смотр войскам, воины-путешественники не могли, конечно, удержаться от желания посмотреть это военное зрелище и чуть было опять не попали в неприятную историю. Пробравшись в передние ряды зрителей, они хотели проникнуть и в самый дворец. Жандарм, заметив этих странных и подозрительных иностранцев с очевидной военной выправкой, пробирающихся во дворец, хотел арестовать их, но казаки, по картинному выражению автора записок, "дали вилка и скрылись в густой толпе".

"Тут опять подошел к ним турок и занялся разговором". Оказалось, что он был в Харькове с пленным Османом и узнал русских по говору и наружности. Завязался разговор о прошлой войне больше, по-видимому, жестами, и казаки очень выразительно старались напомнить туркам, кто был победителем. "Мы, - говорили казаки, - турка гонял! - и при сем показывали ему признак руками". Турок перевел соотечественникам эти и без того понятные речи; в толпе стали смотреть на казаков "недобрыми взглядами", и, пожалуй, дело бы этим не ограничилось, если бы испуганный вожак (какой-то русско-турецкий бродяга) не увел их в другое место.

- Этак вас убьют, - сказал он казакам, - да и мне с вами не уйти.

7-го июня казаки посетили церковь, называемую Балыклы, с которой связано предание о завоевании Константинополя. По этому преданию, царь Константин завтракал на этом месте, когда ему сообщили, что турки ворвались в город. Он не хотел верить этому известию, пока "обжаренные рыбы не соскочили со сковороды в воду". В церкви есть бассейн, к которому наши казаки подошли вместе с народом. "Я наклонился, - пишет автор, - и стал смотреть в родник. Увидел одну рыбу, величиной вершка 3 - 4". Те ли это рыбки, которые упали со сковороды несчастного царя, - он сказать не может. О тех передают, "что одна сторона у них белая, а другая ожаренная, темно-красная".

10-го июня путники выехали из Константинополя, а 11-го уже "туманно завиднелись скалистые горы Афона". Здесь автор мимоходом рассказывает о страшных "автоподах", имеющих "по 12 ног, долготой по 5 четвертей каждая и толщиной в человеческую руку". Когда человек купается, автопод подкрадывается к нему, хватая его за руки и ноги, и человек от автопода погибает в море. Избавиться от гибели можно только хладнокровием и самообладанием: необходимо схватить автопода за оба глаза...

При посещении в Салониках бывшей церкви Дмитрия Солунского (обращенной в мечеть), - какой-то "турецкий монах", показывавший церковь, возбудил было сильное подозрение казаков, попавших в темные и узкие переходы. Автор уже приготовил нож, чтобы при первых подозрительных признаках "всадить злодею в живот"... "Турецкий монах", вероятно, и не подозревал, как близок он был в эту минуту к порогу магометова рая. К счастью, освоившись с темнотой, казаки увидели, что их привели не в басурманский разбойничий вертеп, а действительно к гробнице. Образ Дмитрия Солунского возбудил недоверие казаков своей славянской надписью. "Этому мы не мало удивились, - пишет автор, - так как местность Салоники принадлежала раньше грекам, и письмо должно бы быть на греческом языке... Не два ли образа имеются в этой темной комнате: для русских поклонников с славянской надписью, а для греков - по-гречески"...

"Всемогущий Бог за грехи наши попустил обладать святыя места неверным народам, - прибавляет автор, - и как в этом месте признать святыню, - об этом предоставляю на обсуждение каждому читателю"...

В городе Лемносе, на о-ве Кипре казаки спросили у провожатого араба - нет ли здесь христианской церкви? Араб ответил, что есть, и повел их туда, но на дороге им попался священник. Это был "человек высокого роста, средних лет, немного побелее араба... На плечах у него была надета черная куртка, панталоны высоко приподняты..." Но что всего более поразило искателей

древлего благочестия - "в одной руке он держал кисет, а в другой трубку с длинным чубуком"... Казаки остановились, внимательно посмотрели на эту, без сомнения, довольно живописную фигуру, "и с тем пошли обратно на пароход, не заходя уже в церковь"...

К городу Ларнаку пароход подошел в сильный ветер. "Море ужасно расколыхалось, пароход то подымался на хребет волн, то опускался вниз, как в пропасть". Однако, услышав, что здесь есть икона Богоматери, писанная, по преданию, евангелистом Лукою, - двое из них решились съехать на берег. На возражение третьего товарища, - они "перекрестили себя крестным знаменем и сказали: пусть будет над нами воля Божия, пусть поглотят нас морские волны и вода послужит нам гробом... а не выдавши древнего написания образ Богоматери с Предвечным, - не возворотимся".

Я пропускаю описание Иерусалима и его окрестностей. Здесь казаки с безотчетным благоговением осматривали все действительные и мнимые достопримечательности и святыни, не подозревая, какая сеть лжи и обмана раскинута теперь (и притом христианскими руками) над святой землей. Они видели, между прочим, "подлинный дом" Милосердного Самарянина и "ту самую смоковницу", на которой сидел Закхей в день, когда его посетил Христос (по счастливой случайности, смоковница эта украшает сад современной гостиницы). Не видали только жены Лотовой, которой "в настоящее время уже нет на том месте, где она окаменела", так как... "ее уже давным-давно увезли англичане"...

8 Порт-Саиде наших путешественников встретила большая неприятность: капитан русского парохода "Херсон" (на котором, между прочим, ехали на восток соседи уральцев - оренбургские казаки.) отказался принять их... Сильно нагруженный "Херсон" вскоре ушел в море, а казакам предстояло пуститься в дальнейшее плавание на иностранном пароходе.

9 июля они сели на французский пароход, вызвав общее любопытство пассажиров. На вопросы с перечислением разных национальностей, казаки отвечали одно слово "но", и, наконец, сказали "Моску" (так как, по словам автора, "европейцы русский народ называют Моску"). Французы стали жать им руки и принесли виноградного вина, желая, очевидно, закрепить франко-русский союз обильным угощением наших соотечественников. Но искатели веры не употребляли ни вина, ни кофе, ни чаю, и, таким образом, почвы для закрепления союза не оказалось.

В Суэцком канале внимание казаков было занято совершенно особенным обстоятельством. Едва ли кто-нибудь из пассажиров корабля, освещенного электричеством и далеко впереди себя кидавшего снопы электрического света, думал в эти минуты о том, что некогда в этих местах "Моисей-

Боговидец перешел по морю, яко по суху с израильским народом". Думали об этом одни наши путники. Им говорили раньше: "когда поедете Красным морем, увидите фараонов. Вылазят из моря и кричат людям: "Скоро ли будет свету преставление?" Но они проехали Чермное море из края в край и нигде водяных фараонов не видели. Только раз, - иронически прибавляет автор, - спугнули на берегу каких-то "фараонов"-купальщиков, которые убежали в пески. А в море всплывали косяками лишь "адельфины, бежавшие по обеим сторонам за пароходом"...

Индийский океан при выходе из Красного моря встретил их бурными волнами, которые издали казались скалами. "Пароход заиграл под нами, начал поваливаться с боку на бок, так что даже бортами черпал воду". Веселые французы, которые раньше пели песни, теперь валялись на койках. Пятеро суток дул ветер, и рассказчик в течение всего времени не ел и не пил. Только здесь, в бурном океане, среди чужого языка, вдали от знакомых хоть понаслышке мест - наши путники оценили все значение своего отважного предприятия...

Из всего, что я привел выше, читатель также может оценить его. Без языка, с географическими сведениями, почерпнутыми из "маршрутов" мифического инока Марка и загадочного архиепископа Аркадия, с взглядами четиих-миней и цветников, с мирозерцанием, допускающим существование живых наполовину ожаренных рыб, путешествий во ад и появления фараонов, они плыли с неведомыми людьми, по неведомым морям, с чувствами, напоминающими если не Одиссея, то во всяком случае людей XV или XVI столетия... А впереди, за этими неведомыми морями их манила чудесная, таинственная, загадочная и... чего доброго даже не существующая Беловодия!..

Непосредственно за этими грозными валами океана, которые "показались им белыми скалами", начиналась область исследования. В писаниях "архиепископа", которые теперь должны были служить для них главной путеводной нитью, пределы Беловодского царства зачерчены необыкновенно широко и неопределенно: "Есть на востоке за северным, а к южной стране за Магелланским проливом, а к западной стране за южным или тихим морем славянобеловодское царство, земля патагонов (!), в котором живет царь и патриарх. Вера у них греческого закона, православно ассирийского или попросту сказать сирского языка... Царь тамо христианский, в то время был Григорий Владимирович, а царицу звали Глафира Иосифовна. А патриарха звали Мелетий. Город, по их названию беловодскому, Трапезанчунсик, а по-русски перевести - значит Банкон (он же и Левек). А другой их же столичный город Гридабад... Ересеи и расколов, как

в России, там нет, обману, грабежу, убийства и лжи нет же, но во всех -
едино сердце и едина любовь"*.

* Эту цитату беру из доставленных мне казаками же "Пермских губ.
ведомостей", где напечатана автобиография "епископа" Аркадия (№ 253,
1899).

Таковы были сведения о пределах и приметах искомого Беловодского (или Камбайского) царства... На ставленных грамотах, которые показывал Аркадий, - "смиренный патриарх Мелетий" именуется себя "Божиею милостию патриарх славянобеловодский, камбайский, японский, индостанский, индиянский, англоиндийский. Ост-индии, юст-индии и фест-индии, и африки, и америки, и земли хили, магелланские земли, и бразилии, и абасинии"...

20 июля путники прибыли к городу "Колумбе" (Коломбо на острове Цейлоне), который уже нередко упоминается в обманно-апокрифической литературе, выросшей на почве простодушной веры в Беловодию. 24 июля перед их глазами потянулся цветущий берег Малакки, и вскоре пароход пристал к Сингапуру. Здесь их очень удивили местные извозчики, которые, "не имея на себе ни рубах, ни штанов", - сами входят в оглобли и возят на себе людей. Один из таких "извозчиков" - на требование казаков доставить их в русское консульство, - долго возил их по городу, и, наконец, привез к какому-то магазину и заявил "русска, русска".

Из магазина, однако, показался хозяин, "человек лет 25, высокого роста, борода и усы выбритые, не имея на себе ни рубахи, ни штанов, как говорится в чем мамынька родила". В магазине извозчик потребовал плату, которая казакам показалась слишком высокой. Григорий Терентьевич Хохлов "вскочил со стула и хотел его ударить врасплох, чтобы он вылетел из магазина". "Я, говорит, с тобой разделаюсь по-казачьи, будешь помнить, как грабить русского человека". К счастью, урядник Максимычев удержал его. "Далеко мы заехали, - сказал он, - и наших кулаков на всех здесь не хватит".

Наконец, после многих еще недоразумений, казаки попали таки в русское консульство. Здесь на дворе, за столом они нашли трех соотечественников, - двух мужчин и женщину, - с которыми вступили в разговор.

- Мы разыскиваем здесь на островах русский народ, - сказали казаки, - который вышел из России ста два лет и более. Нет ли где на этих островах русского православного народа?

Им ответили, что ничего подобного здесь нет.

- Я в этой стране нахожусь уже семь лет, - прибавила женщина, - и не слыхала, чтобы здесь на островах проживали русские, кроме того, как и мы: где двое, где трое.

Узнав, что наши путники ищут целое царство, с церквями, патриархом и епископами, - собеседники их очень удивились. - "Если на каком острове есть один русский - и тот нам известен, - говорили они. - Не, токмо быть здесь православным, но даже нет и верующих в распятого, кроме одного острова, на котором живут армяне".

Таким образом, одно из указаний маршрутов было решительно опровергнуто. Огорченные казаки отправились на пароход. По дороге они купили арбуз, который очень обрадовал их, напомнив родные бахчи.

- Вот этот обошь нам знакомый, - сказал Максимычев.

Но и обошь обманул ожидания: попробовав арбуз, казаки "отплеывались до трех раз"...

- Теперь, - (решили они, - остается доехать до Беловодии и Индокитайского полуострова, на которые местности указывает Аркадий... Поедем подальше, не нападём ли на след того, на что он указывает, - сказал Максимычев.

- Необходимо нужно, - ответили остальные. Огибая полуостров Малакку и направляясь к Сиаму, казаки грустно разговаривали о том, что по сличению многих уже виденных мест, - указания Аркадия и "маршрутов", по-видимому, не сходятся с действительностью. На 28-е в ночь пароход достиг до Камбайских (то есть Камбоджских) протоков и целую ночь блуждал между островов реки Камбоджи. На утренней заре поднялись они к городу Сайгону, и здесь, у входа в "Камбайское царство", надежда вдруг улыбнулась нашим искателям. На самом восходе солнца, над густым пушистым лесом понесся навстречу пароходу звон церковного колокола.

- Слышите, - церковный звон, - сказал Барышников. - Уж не верны ли рассказы Аркадия?

Как только пароход подошел к пристани, казаки спустились по сходням, поместились "на двух таких же бегунков", как в Сингапуре, и показали, чтоб везли их в направлении звона. Возчики привезли их на площадь и положили оглобли. Звон все еще раздавался, но возчики не понимали, что нужно казакам, которые, среди окружавшей их полуголой толпы, - указывали руками в направлении колокольного звона и говорили только: "дон, дон, дон!". В толпе смеялись, а извозчики настоятельно потребовали расчета.

Между тем и руководящий звон стих. Казакам удалось все-таки найти место, откуда он исходил, но оказалось, что это была французская церковь, осененная четырехконечным латинским крыжем... Не только признаков русского народа и церквей, но даже и русского консульства здесь не оказалось. Голые жители мало напоминали древлеблагочестивых жителей счастливой Беловодии. Они не только курили табак, но еще и жевали его, отчего улицы все оплеваны, "точно по ним пробежало какое-нибудь раненое животное". В пищу употребляют разную нечисть - в лавках висят на продажу копченые кошки, собаки, крысы...

На базаре наших путников окружила толпа туземцев. "Вероятно этот народ никогда не видал русского человека, поэтому они и дивились нашей обряде", - замечает Хохлов. Один любознательный парень осмелился до того, что

"ощупал наши бороды и под бородами оглядел наши шеи... Не думал ли он, что под бородами на месте горла - нет ли у нас другого рта?"

Вернувшись на пристань, казаки узнали, что на одном с ними пароходе едет русский, г-н К., "прокурор морского ведомства". Он обрадовался землякам и охотно ответил на их вопросы. Страна, где они находились, по его словам, "называется в просторечии Восточно-Индо-Китайский полуостров, жители малайцы, буддийского исповедания". Название довольно точно совпадало с тем, которое упоминалось в маршрутах и грамотах Аркадия... Казаки чистосердечно рассказали г-ну К-скому, чего ищут, и когда он раскрыл перед ними карту и стал указывать "разные города и урочища", они просили найти город Левек.

Но такого города не оказалось...

Становилось уже довольно ясным, что Аркадий - просто, самозванец, и в печальном разговоре с товарищами Григорий Терентьевич Хохлов вспомнил один случай из своего детства: однажды его отцу, тоже "никудышнику", не устававшему, однако, отыскивать чистые источники благодати, сказали во время зимнего лова (багренья), что из Петербурга вернулся казак-гвардеец, которому удалось видеть "настоящего священника". Отец рассказчика в тот же вечер разыскал гвардейца, и тот, сидя за столом с обильным угощением, рассказал казакам, как один петербургский купец пригласил его на тайное служение в своем доме. Он описывал разговоры свои с кротким пастырем, и когда дело дошло до самой торжественной (рождественской) службы, - "у покойного родителя потекли из глаз слезы. Он приткнулся локтями на стол, ладонями закрыл глаза, но слезы у него Неудержимо текли, проникали между пальцев и капали на стол. Я сидел (говорит Хохлов), тоже слушал рассказ Изюмникова (так звали гвардейца), и меня также сердечно тронуло: покатались слезы. Мне сделалось совестно, мальчишке, плакать, чтобы видели люди. Я вскочил со стула, выбежал в другую комнату, уткнулся лицом в кроватную постель и втихомолку поплакал. Потом обтер кулаком глаза, поглядел в зеркало и, заметив, что лицо у меня отекло и глаза покраснели, подошел к умывальнику, умыл лицо и только тогда вышел к старшим".

Нужно ли говорить, что рассказ Изюмникова впоследствии оказался праздным вымыслом, а сам рассказчик обманщиком...

"Считаю нужным, - прибавляет Хохлов к этому эпизоду, - обратиться ко всем поповцам: лушковцы, окружники, полуокружники, духовные и мирские, грамотные и неграмотные лица приняли за привычку говорить нам в укоризну: вы не имеете при себе священства от нерадения и бесстрашия вашего. Хотите жить своевольно и безнаказанно на всю жизнь. Не обличаете

своих грехов священнику, к тому же подтверждаете, что можно спастись и без священника..."

"Однако, - спрашивает автор у этих обличителей, - что же тогда побудило моего отца пролить неудержно теплые слезы!.. Бесстрашие ли тронуло тринадцатилетнего мальчика убежать от людей в уединенное место, удариться на подушку вниз лицом и плакать?.. Или, скажут, и это нерадение, что, в случае, когда проникает туманный слух о том, что в такой удаленной стране народ имеет при себе священство, - тогда мы съезжаемся, обсуждаем и снаряжаем от себя депутацию. Одни щедро уболагодворяют деньгами, от пота и тяжких трудов добытыми, другие... разлучаясь со своими женами и детьми, решаются ехать в отдаленные и неизвестные страны... Придется ли возвратиться и видеть своих домашних, или закроются глаза на море-окияне и послужат могилой волны, а гробом дно окияна?..." "Да, - говорит автор, - нужно судить, положи руку на сердце". И, положи руку на сердце, каждый искренний человек признает, что здесь мы имеем дело не с "нерадением и бесстрашием", а с искренней верой, слишком только легко поддающейся коварному обману со стороны эксплуатирующих на разные лады эту темную народную веру.

В дальнейшем пути один еще раз улыбнулась нашим искателям надежда. 4-го августа, по выходе из Гонконга, они заметили, что цвет воды изменился: в морях вода синяя, но прозрачная. Тут же кругом на далекое расстояние их окружали белые, непрозрачные волны. "Не эта ли самая местность называется Беловодией? - говорили казаки между собою, - так как вода здесь от прочих вод совсем отличная?" И они опять принялись спрашивать о древле-православных народах и русских церквях. Но ответ был все тот же. А вода белая оттого, что сюда докатывает свои мутные волны "великая река Кианга", несущаяся в океан из языческого Китая...

Они посетили еще Китай и Японию, всюду допрашивая о народах, живущих на Японских, Сандвичевых и Аландских островах, видели китайцев-христиан (не брезгающих употреблять в пищу кошек, крыс и даже червей, - встретили окитаившихся казаков-албазинцев, взятых когда-то в плен и впоследствии обращенных миссионерами в католичество... Но надежда найти Беловодию у них давно уже исчезла. На возвратном пути (через Сибирь) они встретили под Владивостоком казачьего офицера Оренбургского войска. Он видел их, когда они приходили проситься на "Херсон" в Порт-Саиде, и догадался о цели их путешествия.

- Наверное вы ищете истинную веру? - сказал он и, узнав о результатах поисков, прибавил, указывая на небо:

- Истинная вера осталась, видно, только там.

- По всему так, ваше высокоблагородие, - ответили казаки.

Экспедиция была, в сущности, кончена. Отсюда начинались уже чисто отечественные впечатления. Сойдя во Владивостоке на берег, казаки увидели под городом густо расставленные палатки и узнали, что это - переселенцы из донских и оренбургских казаков. Они вызвались охотниками на поселение в Уссурийский край, для чего получили по 600 рублей на обзаведение. Но условия поселения были рассчитаны плохо, казаки истратились и оголодали. Не встретив внимания к своему положению, они самовольно бросили место поселения, прося о возвращении обратно. Мудрое местное начальство взглянуло на это, как на бунт. "Казаки, не имея средств пропитания, обносились до наготы и в летних худых палатках проживали (с семьями!) на возвышенном месте. Подкатила зима, затрещал мороз... а одежды нет, хоть ложись и умирай". На два самых тяжелых зимних месяца им отвели казармы, но затем... генерал Духовской распорядился выгнать их из казарм, и жителям Владивостока воспретили пускать их на квартиры даже с угрозой: "кто пустит хоть одного человека хоть на одну ночь переночевать, того подвергнут штрафу в 50 р." Теперь подходила уже вторая зима и, когда наши путники посетили этот "бунтующий" голодом лагерь, - "казаки жили в ветхих палатках, иные даже под открытым небом с грудными детьми и 80-летними стариками".

Я не стану приводить дальнейшие подробности обратного пути. За этими первыми отечественными впечатлениями следовали другие, и сами путники постепенно из смелых искателей сказочного царства превращались в обыкновенных русских людей "нижнего чина". "Чернеевский пережат", на Амуре, где застрял пароход "Граф Игнатъев" с несколькими военными и штатскими генералами в числе пассажиров, - видел наших уральцев в совершенно новой роли. Однажды повар-китаец кинул в Амур икру из свежеспойманного осетра. Один из казаков тотчас же кинулся в холодную воду и вытащил ее, а другой сделал грохотку, просолил и быстро приготовил прекрасную икру к генеральскому завтраку. На следующий день, выйдя на палубу прогуляться, господа тотчас заметили услужливых уральцев и поклонились им. "Что значит икра!" - говорили казаки втихомолку. "Прочие пассажиры, - простодушно повествует об этом эпизоде Г.Т. Хохлов, - отпускные солдаты и со златых приисков народы удивлялись тому, что господа так приветливо с нами обращались. Мы еще более стали следить за каждым их движением и старались к их услугам. Господа пойдут с ружьями на охоту стрелять птицу, и мы идем за ними. На каждый выстрел бежим, моментально сбросим с себя верхнюю одежду и рубаху, бросаемся в холодную воду и достанем застреленную птицу..."

Все это, по-видимому, лукавые казаки делали в том соображении, что гг. генералов не оставят зимовать на перекате, а с господами выберутся и они... Оказалось, однако, что в конце концов, прибежавший снизу путейский пароход взял только пять человек, кинув остальных на произвол судьбы...

Мне приходится забежать несколько вперед.

Вернувшись из описываемой поездки по станицам, я застал на своей дачке в гостеприимных садах над Деркулом - небольшую посылку из Петербурга. В коробке петербургских конфет я нашел записочку от своих добрых знакомых, в которой моему вниманию рекомендовались "податели" посылки, два уральских казака, посетившие столицу с совершенно особыми целями. К сожалению, эти "податели" не нашли меня, и посылку я получил уже из третьих рук.

Недели две спустя, я поехал с Н.А. Бородиным в Круглоозерную низовую станицу, тот самый "Свистун", о котором говорилось выше. Вначале и здесь нас преследовала неудача, так как все знакомые Бородина оказались на бахчах. Мы проехали станицу из конца в конец, безуспешно стучась в разные ворота. Большие и богатые избы с резными коньками остались позади, и теперь на нас глядели мазанные избушки с плоскими земляными крышами. Улица старозаветной станицы встречала нас равнодушно и замкнуто, предоставляя, очевидно, свободную дорогу в горячую степь, по которой в разных местах ветер гнал и крутил белые столбы пыли... Они как-то лениво подымались, лениво крутились над степью и изнеможенно ложились опять на жаркую землю...

Это унылое зрелище заставило меня идти напролом, чтобы все-таки остаться и отдохнуть в станице, и я предложил своему спутнику повернуть к первой группе у первых ворот. Мой спутник отнесся к этому плану с некоторым сомнением, но лошадей все-таки повернул. Группа казаков молча смотрела на наше приближение.

- Доброго здоровья, - сказали мы, остановив лошадь. - Нельзя ли у вас отдохнуть и напиться чаю?

Один из казаков усмехнулся и ответил с иронией:

- Уходцы мы. Какие самовары у уходцев?

Уходцами зовут тех, частью уже возвращенных, участников "бунта" 1874 года, которые согласились лучше отправиться в ссылку, чем дать известную уже читателям "подписку" о повиновении. Из старозаветного Свистуна уходцев было особенно много, и это еще более усилило мое желание побеседовать с казаками. Но разговор не клеился, пока один из них, пристально взглядевшись в меня, не спросил:

- А вы чьи будете? - Дальний.

- Однако?.. Не петербургский ли?

- Да, петербургский.

- Так это не тебе ли был посылочек от Федора Дмитриевича, господина Батюшкова?

- Мне.

Лицо казака приветливо оживилось...

- А-ах ты господи... Отворяй живо ворота! Вот ведь сам Бог вас направил...

Пожалуйста, дорогие гости, милости просим...

Оказалось, что счастливая судьба привела меня именно к дому одного из казаков, которые напрасно разыскивали меня в Уральске.

В лице этих казаков, - Евстафия Мокеевича Кудрявцева и Федора Осиповича Сармина, - я, как оказалось, встретил новых исследователей по делу о беловодском архиепископе. Только поиски их были направлены не на восточные моря-окияны, а на запад. Прежде всего они отправились к самому "архиепископу", в Ханской город (Оханск), где он проживает после многих "судимостей", среди самой бедственной обстановки, без средств и без паствы, как затравленный старый волк. Казаки почтительно обратились к нему за разъяснением сомнений, и при этом у них произошел разговор, который я уже приводил выше. "Мы начали его вопрошать, - писали депутаты после этого свидания, - и он с нами обходился тонко". Впоследствии, однако, разговор обострился, и на указание текста ("ежели явится странствующий епископ, не имеяй грамоты от своегоси патриарха и своеяси паствы, таковому не имуть веры") - Аркадий отослал их в Пермский окружной суд, где хранится отобранная у него грамота. "И мы в Пермь отправились", - писали опять депутаты. Там показали им "ево ризу и антимины, и патрахиль, и пояса, и камилаву, и протчии приборы церковны... и ставленной грамоты ево копию. А самую ставленную грамоту не видели (она отослана в восточной иностранных дел анститут)".

Все это не было еще решающим. Депутаты отправились в Москву, побывали (под видом приверженцев Аркадия) в уездном городе Новгородской губернии, где познакомились с сестрой "епископа" (именующего себя, между прочим, князем Урусовым), разыскали и подлинную грамоту "на сирийском языке", которую кто-то снял им на кальку, и, запасшись всем этим материалом, а также печатными сведениями об Антоне Пикульском, именующем себя Аркадием Беловодским, - отправились со всем этим в Петербург, в поисках ученых людей, которые могли бы разъяснить недоумения и перевести сирийскую грамоту.

В.К. Саблер указал им, как на такого ученого, на профессора-санскритолога, академика С.Ф. Ольденбурга. Последний отнесся с чрезвычайным

вниманием к запросу казаков, рассмотрел печатные материалы, указал на нелепости географических терминов в Беловодских сказаниях, ставящих рядом Асумпсион, Парагвай, Гельветическую республику и т.д. и, наконец, разобрав копию грамоты, нашел, что это собрание индусских и арабских начертаний, поставленных рядом без всякого смысла.

Депутаты вернулись в полном восторге от Петербурга, от С.Ф. Ольденбурга и других ученых, с которыми им прижалося встречаться. Отражением этой благодарности пришлось воспользоваться и мне в вышеописанном маленьком эпизоде. Но...

Осталось еще одно маленькое сомнение, чреватое, быть может, новыми предприятиями старообрядческого Урала и новыми экспедициями... Рассказывая об Индии, Индо-Китае, Опоньском царстве и других странах востока, об их жителях и религии, Сергей Федорович Ольденбург показал казакам, между прочим, статуэтку, подаренную государю императору в Японии и находящуюся теперь в музее академии наук. Это изображение Майтреи, который, по верованию буддистов, теперь находится на небе, но со временем сойдет на землю, чтобы научить людей истинной вере. Вначале этот буддийский святой, по-видимому, не обратил на себя особенного внимания депутатов. Но впоследствии он все чаще стал возникать в их памяти.

- Видите, - задумчиво говорили мне теперь гостеприимные хозяева, - в одной руке держит вроде кулганчика (сосуд), а другая изображает как бы двуперстное сложение. И потом - для чего японцы поднесли ее православному царю?

Когда депутаты рассказали об этом своим единоверцам, старики стали упрекать их, что они не собрали точных сведений о местопребывании этого Майтреи и о народах, имеющих такое перстосложение в Японском царстве. И теперь депутаты просили меня, когда буду в Петербурге, попросить у С.Ф. Ольденбурга эти сведения, а если можно, то и фотографический снимок со статуэтки.

- В случае чего... можно бы туда отправить людей, - говорили казаки.

Теперь это все исполнено, и таким образом я со своей стороны вложил свою лепту в розыскания таинственной Беловодии. Во всяком случае мне кажется, что эта апелляция к науке составляет первый еще эпизод этого рода во всей истории благочестивого Камбайско-Беловодского царства!..

ГЛАВА VII

Опять дорога. - Кирсановская станица. - Косцы - Нечто о "Киргизской мечте". - Казак-поэт и его поэма о Пугачевце Чике. - Опять переносные песни, - Драма степного уголка

Из Январцева мы выехали довольно поздно, увозя с собой яркие впечатления только что выслушанных рассказов. Как бы для контраста дорога лежала перед нами однообразная и пустынная, с песками и барханами, покрытыми кияком и солянкой. Впереди нас скрипел плохо смазанный колесами казачий воз, запряженный верблюдом, а издали подкатывался клубок белой пыли.

Когда он приблизился, из него выступили очертания трех повозок, запряженных сытыми тройками. В повозках сидели какие-то черномазые люди.

- Откуда Бог несет? - крикнул ехавший впереди нас казак.

- Из Сибири, - ответил черномазый возница и хлестнул тройку. Кованые колеса заскрипели в сыпучем песке...

- Цыганы, - раздумчиво сказал казак, - в степе каких народов не встретишь...

Кирсановская станица считается первоначальным местом поселения яицких казаков. Вероятно, наскучив этими непроходимыми песками, казаки решали спуститься вниз, к тому месту, где стоит нынешний Уральск. Разобрав старую церковь, они сладили из ее бревен плот и спустились по реке к благодатной равнине между Уралом, Наганом и Деркулом. У Кирсановской станицы и теперь еще указывают место бывшего городка и крепости.

В Кирсанове живет станичный атаман, К.Е. Беляев, к которому у меня было письмо из города, и потому мы сделали здесь привал, остановившись на казачьем дворе, невдалеке от станичного правления.

Зной вое усиливался, и небольшой казачий дворик, с тесно уставленными навесами и базами, казался, весь изнывал от истомы. Под одним из этих навесов в тени сидели три мужика. Это были косцы, пришедшие сюда за 300 верст из Самарской губернии, Бугульминского уезда. Они косили у нашего хозяина по 8 рублей за десятину и уже второй день ждали расплаты.

- Э-эх, казаки! - с глубокой укоризной сказал один из них, старик с топорной фигурой и крупными чертами добродушного лица. - Своих обязанностей не сполняют...

- Бяда! - прибавил каким-то нервным, почти истерическим голосом его молодой товарищ. - Страда чижолая, жар, сухмянь, а тут еще из-за своих кровных наплачешься...

Страда в этот год, действительно, была необыкновенно тяжелая. Над степями навис иссушающий зной, ни ветру, ни облачка, а на пашнях, вдалеке от воды убивались на тяжелой работе тысячи рабочих. Накануне, рассказывали нам, в

степи "загорелся" киргиз. Косил-косил и, внезапно бросив косу, побежал к Уралу. Добежав до реки, он, обеспамятев, бросился в быстрые волны и уже не выплыл. Два его брата все сидели пониже этого места, на мысу, ожидая всплытия трупа. "Загорелся" еще казак на собственной пашне, и, вообще, то и дело слышались рассказы о случаях солнечного удара.

И вот для такого-то труда эти три человека прошли пешком три сотни верст, чтобы заработать рублей по 10 на человека. И вдобавок они узнали, что ошиблись: под Уральском работают по 20 рублей за десятину. Они были в очень дурном настроении и о казаках отзывались очень желчно...

- Самофалы они, - говорил старик своим устало-благодарным голосом. - На работу ничего не стоят, народ легкой...

- А кормят как?

- Иной кормит ничего. А иной - не дай господи... Зимой все отсевки копят, самое которое зерно не годится... Потом смеlegt, - ладно: рабочие слопают... Ничего, что хлеб хоть ложкой хлебай!..

- Да еще, мотри, брезгуют нашим братом, - опять нервно вскрикнул молодой.

- Из одной чашки с тобой есть не станет... Мы вот киргизом, башкуртом не брезгуем, а они русскими людьми брезгуют.

- Да-а, - опять, зевая, прибавил старик: - бывал я у них, всего видал. Бывал и в сите, и в решете: очков много, а не выскочишь...

Тесная, душная изба казаков была наполнена мушиным жужжанием. Хозяйка оказалась больна, бледного мальчишку тоже измучила лихорадка. Старуха угрюмо суетилась по хозяйству, хозяин мыкался по шабрам за деньгами для расплаты с косцами.

- Несладно тоже и казачье житьишко, - сказал с невольной симпатией к своим Макар Егорович...

Здесь нам рассказали, между прочим, странную степную новость. На днях, будто бы, в Требухинском поселке три казачьи девочки переправились в лодке на Урал, в луга на бухарской стороне, за ягодами. Здесь одна из них наткнулась на молодого киргиза, который лежал под кустом, скинув с себя всю одежду, и глядел на небо. Когда девочка подошла, не замечая его, к этому месту, киргиз, будто бы, вскочил вдруг на ноги, схватил нож и зарезал девочку, почти на глазах у ее перепуганных подруг. Последние кинулись в лодку и подняли тревогу в казачьем поселке. Атаман собрал пять полевых казаков и, переправившись за Урал, настиг убийцу на том же месте. Тот, будто бы, долго не сдавался...

Рассказ этот мы слышали по форпостам и дальше. Говорили, что киргиза провезли в Уральск под караулом. Меня очень заинтересовала эта странная история, приуроченная, вдобавок, именно к Требухам, где я еще недавно

слушал эпические рассказы старого казака о бородинских "усмирениях" и о "старой крови"... Казаки пытались объяснить и этот эпизод пережитками кровной мести. Память об усмирениях и о взаимной борьбе еще не умерла, и немудрено, что она может порой вспыхнуть в какой-нибудь фанатической голове, как марево в знойной степи. Впоследствии, когда я говорил об этом эпизоде с бывалым человеком, илецким торговцем, хорошо знающим киргиз, он сначала усомнился в самом факте, но потом, подумав, сказал:

- А все может быть... Тогда это у него не иначе - от мечты!

Я не мог добиться более точного определения, и мой собеседник только прибавил с убеждением:

- Да, да... Мечта у них, у киргиз а-громадная!

Вероятно под мечтой он разумел эти еще не замершие воспоминания, питаемые рассказами стариков, преданиями, песней домрачеев-певцов. Из глубины прошлого они все еще вызывают к отмщению...

Впрочем, когда на обратном пути мы опять ехали через Требухи, то на месте нам сказали, что у них ничего подобного не было. В Январцеве говорили, что действительно провезли арестованного киргиза, но за что он арестован - неизвестно...

В станичном правлении шли занятия, когда я пришел туда, чтобы отдать письмо и поговорить со станичным атаманом Квинтилианом Емельяновичем Беляевым. В Уральске от нескольких лиц, в том числе от архивариуса войскового архива, очень интересующегося стариной и кое-что печатавшего уже, Ивана Семеновича Алексеева, я слышал о рукописной поэме самородка-поэта, казака Голованова, озаглавленной "Герой разбойник", Герой этой поэмы - известный пугачевец Чика: автор ее - природный уральский казак, служивший по канцелярской части в разных учреждениях и, кажется, благодаря строптивому и свободолюбивому нраву, вечно "терпевший по службе". О поэме отзывались, как о произведении интересном, основанном на рассказах стариков, будто бы лично знавших пугачевского атамана.

Сам Голованов в то время уже умер, а поэма, по словам моих знакомых, находилась у его родственника, станичного атамана. К сожалению, это было неверно. Оказалось, что рукопись находится в Уральске.

Впоследствии мне удалось добыть ее. Называется она "Герой разбойник (поэма - предание из времен Пугачева)". Автор говорит в предисловии, что ему в 1877 году пришлось познакомиться с одним 130-летним стариком, "горячим участником пугачевского бунта". В газетах как-то, действительно, сообщалось о двух таких стариках в Самарской губернии (один из них умер уже в 80-х годах). Затем, автору попала старинная (1828 года) печатная поэма, под заглавием "Чика", и это, "совокупно с собственными

превратностями и невзгодами" - побудило его переделать поэму неизвестного автора, соответственно с рассказами старово пугачевца. К сожалению, поэт-самоучка увлекся довольно шаблонным образом романтического героя во вкусе шиллеровского Моора, и рассказы очевидца потонули в этом неинтересном вымысле. Чика изображен в поэме страстным патриотом, человеком "очень начитанным" и даже обладавшим "многими разнообразными (хотя и поверхностными) сведениями в области практических наук, философии и политики". "Конечно, - прибавляет автор, - мудрено, даже невозможно объяснить, каким путем простой казак, да еще в XVIII веке, обогатил свой ум такими познаниями". "Он был страстно привязан к своей казачьей родине и разнообразному воинственному образу жизни современного ему казачества". Сначала он горячо верит в Пугачева, потом разочаровывается и, в роли жестокого разбойника, мстит уже всему человечеству за свое разочарование.

Совершенно понятно, что этот образ не имеет ничего общего с историческим Чикой, пугачевским "графом Чернышевым". Надо думать, что даровитый самоучка Голованов более всего вдохновлялся собственными "превратностями и невзгодами" и в уста своего Чики он влагает свои взгляды и чувства. С этой точки зрения поэма уральского неудачника, тоже "обладавшего (хотя и поверхностными) сведениями", тоже страстно привязанного к своей казачьей родине и тоже потерпевшего, очевидно, большие разочарования, - приобретает некоторый интерес (хотя и не тот, какой хотел ей придать сам автор), и я позволю себе привести из нее несколько отрывков.

Уверовав в Пугачева, Чика ездит по станицам, собирает казаков и говорит в кругах о прежних казачьих вольностях. Но теперь, - продолжает он, - ...пора иная!

Вольность веку отдана,

И старинка удалая,

Как шеренга фрунтовая,

Под ранжир подведена!

И стальная дисциплина,

Точно жадная змея,

В виде тягостной рутины

Поглотила все картины

Прежде бывшего житья.

Рассказывая о своих чувствах, Чика говорит далее:

С мечтами детства возникала

Во мне к свободе милой страсть,

Меня томила, ужасала,
Гиганта северного власть...
Стеснил он волю золотую
На берегах родной реки,
Но, твердо помня жизнь иную,
Скорбят и ропщут казаки...
В таком же тоне изложены все речи пламенного Чики и лирические отступления поэмы. Особенно достается при этом "злым властям".
Да, переходно наше время,
Лукав, коварен этот век,
И современный человек
Несет, как крест тяжелый, бремя
Самолюбивых, злых властей...
Для них народ - пустое слово,
Они не сеяли, но жнут,
С живого, с мертвого дерут...
Им властолюбие, нажива
И глупых титулов почет
Такой продукт - как мухам мед.
Вся гордость черствых, злых нахалов,
Вся грязь змеиных их натур
И пошлых жалких идеалов
Уж стали темой для журналов
И, как постыдный каламбур,
Вошли в отдел карикатур.
В конце поэмы автор дает общую оценку своего героя, в которой опять нельзя не видеть его собственного портрета:
И вот ты сам, казак простой,
Науки светом озаренный,
С душой бесхитростной, прямой...
...Добра и счастья всем желал,
На пользу общую трудился,
Чинов, отличий не искал,
От юных лет с нуждою сжился...
Ты идеал свой воплотил
В свободе, истине и чести...
Но что в награду получил
От прозелитов зла и мести?
Гнилую нищенства суму,

Нужды и голода мученье,
Пренебреженье, отверженье,
Позор и смрадную тюрьму!

Лица, знавшие биографию Голованова, сообщали мне, что, действительно, даже "позор и смрадная тюрьма" не миновали этого даровитого самоучку-казака, строптивая натура которого не укладывалась в рамки затхлого строя казачей бюрократии. Все это, однако, не убило в душе казака-поэта лучших надежд. "Придет пора, - восклицает он в заключение, -

...Русь просветится
И сила титулов, как дым,
По едким качествам своим,
Вся испарится, разлетится...

Голованову не пришлось увидеть в печати свое не всегда складное произведение. Только в проезд через Уральск государя наследника (ныне царствующего императора) он поднес свою поэму и получил денежный дар... Теперь уже несколько лет, как он умер...

Выехав из Кирсанова (мимо старого городка), мы миновали два-три чудесных степных хуторка, ютившихся в зелени. Пески здесь кончились, близость Урала, сказывалась свежеею лесною порослью, из-за которой как-то неожиданно показались за Иртеком освещенные вечерним солнцем избы Иртецкого поселка, последнего на границе Уральского войска с Илецким.

Почти у самого въезда в станицу, сидел у ворот своей избы престарелый седой казак со старухой казачкой. Остановив лошадь, я подошел к ним и спросил: где живет Наум Гаврилович Баннов.

- Я самый, - ответил казак, подымая свою седую голову с круглыми, детски простодушными глазами. - А на что тебе?

Я объяснил. Мне называли Наума Гавриловича Бан-нова, как человека, знающего много о старине. До сих пор такие объяснения встречались радушно. Старые казаки любят поговорить о родном прошлом...

- Что ж, ничего, - ответил старик благодушно. - Побеседуем... Чего не знаем, не скажем, а что, может, слышали от добрых людей, - отчего не сказать... Да ты погоди, я тебе еще одного человека позову... Клима Донскова. У него книги есть вот какие... Ста-арые книги...

И, поднявшись с бревна, он пошел было через улицу, но, увидев Макара Егоровича с тележкой, спросил:

- А это кто?

- Товарищ мой... Илецкий.

- Иле-ецкой? Вишь ты! - протянул старик каким-то особенным тоном, из которого я начал догадываться, что вышло как будто что-то неладное. Макар

Егорович проехал на постоялый двор, а старик задумчиво побрел к дому напротив.

Через две-три минуты скрипнула в высоких запертых воротах калитка, и со двора вышел старый казак, угрюмого вида, низкорослый, с огромной, ушедшей в плечи, головой и черными, мрачными глазами. Он шел впереди, а Баннов, с видом как будто несколько сконфуженным и виноватым, следовал за ним. Подойдя почти вплоть ко мне, Донсков круто остановился и, окинув меня недоброжелательным взглядом, спросил:

- Что такое нужно? По какому делу?

Я объяснил безобидную цель моей поездки и сказал, кто меня направил к Баннову.

- Что он знает? Он ведь ничего не знает, - решительно отрезал Донсков, а кроткий Баннов повторил, как эхо, глядя в сторону своими круглыми простодушными глазами:

- Ничего я и не знаю.

- Одно мы знаем, - отрубил Донсков насмешливо: - этак же вот раз приезжал один. Будят меня ночью: ступай, Клим Донсков, чиновник приехал, требует. Ну, я, конечно, прихожу. Что такое? "Я, говорит, по илецкому делу. По какому, говорит, случаю грань у вас с илецкими казаками за Бородинским поселком, а чернымите водами илецкие пользуются до Утвы?" Слышал ты?.. - повернулся он к Баннову...

Я ничего не понял. Но Баннов прискорбно покачал головой, как будто вопрос неизвестного чиновника был величайшим подвохом, а я подозревался в соучастии...

- А по тому случаю, - я ему говорю, - что у илецких мало черных вод, а у нас мало лесов. По этому собственно случаю мы у них рубили, а они у нас рыбачили... Больше ничего мы не знаем. И ты то же самое, Баннов, не бай... Ни гу-гу... Понял?

Он многозначительно поднял палец и затем, резко повернувшись, пошел прочь...

Когда я рассказал об этом непонятном для меня эпизоде моему спутнику, то он, посмеиваясь в усы, дал ему удовлетворительное объяснение. Мы приближаемся к илецкой границе, а у Илека с Уральской казачьей общиной идет вековой спор: Илецкое войско основано позже и, несмотря на то, что оно несло те же повинности, - уральцы не допускают илецких в свою общину, и в рыбной ловле ниже учуга они участия не принимают. Илецкие казаки в общем пользовании иртецкими черными водами видят указание на свои старинные права...

Узнав, что со мной едет "илецкой", Донсков заподозрил, что и я расспрашиваю неспроста. Из Иртецкого поселка мы выехали как бы сквозь строй внимательных и не вполне дружелюбных взглядов. Очевидно, Донсков уже поднял тревогу...

За Иртеком пошли опять переносные пески. Опять - шорох, шепот, движение и испуг степной природы... Вечер спускался тихо и как-то по-своему печально. Над горизонтом, в пелене туманов, висела большая луна, красная, как червонец... Из сумрака выползали отовсюду, точно стаи гигантских ужей, песчаные увалы и барханы - все гуще и выше. Степная дорога прижалась к речке, осторожно сочившейся между зелеными камышами к недалекому Уралу, но пески настигали ее здесь, затесняя в узкую лощину.

Меня поразили причудливые силуэты нескольких осокорей, странно рисовавшихся на озаренном луною небе... Они спокойно выросли над речкой под защитой слежавшихся песчаных холмов, а теперь, по странному капризу разрушительной силы, холмы снимались с места. Вершины их точно дымились в лунном свете, с разработанных ветром боков, шипя, несся тонкий песок, и бедным осокорям пришлось первым выдержать этот натиск... Из-под них уже выдуло почву почти на два аршина, и корни, странно искривленные и обнаженные, - судорожно хватались за ускользающую землю... В густых еще вершинах стоял немолчный, тихий, но внятный шорох. Так и чудилось, будто старые деревья ведут печальную беседу о том, что свет портится, что наступает кончина мира, что явились небывалые иссушающие ветры, что в старину, в годы их молодости, этого не бывало, и что все это "за грехи, за грехи, за грехи"...

Луна перекрылась причудливым роем легких облаков, загоревшихся, как в огне, серебристыми краями. Вверху стало ясно, весело, оживленно, а внизу, над померкшею степью, над камышами, над речкой, пугливо кравшейся к Уралу, веяло глубокой и как бы сознательной печалью перед зловещим движением пустыни...

- Да, заносит уже и луговую дорогу, - сказал Макар Егорович. - Я еще помню: дорога была там, за барханами, даже обозы ходили. А теперь уже и здесь трудно...

Вдали мелькали огоньки Бородинской станицы.

ГЛАВА VIII

Крепостная деревня. - Наемка в Ташлинской станице. - Ночлег на Вазу. - Обратные переселенцы. - Стачка косцов и смиренный мужичок. - Бабушка Душаря. - Граница. - Городище. - Летучка

Казачий строй принято считать, безусловно, противником крепостного права. Однако рабство давно уже просачивалось на вольные степи. Старшинская партия сложилась в крепкую аристократию и вскоре у старшин явились свои "дворовые люди". Первоначально они комплектовались из пленных инородцев или из "киргизских полоняников", выбегавших из степи к уральским форпостам. Впоследствии же, входя постепенно во вкус, старшины стали обращать в "дворовых" также и русских людей, бежавших на Урал от одной крепостной зависимости и попадавших в другую. В уральском архиве сохранилось немало дел о насильственном захвате богатыми казаками даже приезжих из соседних губерний крестьян и женок, а когда такие полоняники пытались убежать с "вольного Яика" на родину, - их уже ловили на степных дорогах казачьи команды и водворяли к "владельцам".

Казачья масса косилась на это явление, - казакам нужно было нанимать беглых за себя в дальние походы. Поэтому старшины населяли "дворовыми" дальние хутора на верховьях степных речек и не занятые никем углы степи. Особенно широко насаждал эту форму крепостного права Мартемьян Бородин. У него на истоках Иртека и Киндели, на сырту было много хуторов, населенных уже настоящими крепостными, которые сторожили его табуны и рабскими руками распахивали вольные степи. Сын Мартемьяна, Давид, уже покупал на свод целые деревни и селил их на землях слабой и независимой Илецкой общины...

Таким образом основался Бородинский поселок, жителей которого выиграл в карты Давид у какого-то помещика в России... Казачья совесть сурового атамана, по-видимому, и сама плохо мирилась с этим рабством: перед смертью он освободил всех своих крепостных и добился причисления их в казаки... Таким образом, вместе с новой станицей, примежевывался к уральским землям большой кусок илецкой степи, когда-то занятой временно Давидом Бородиным.

Проехав широкие, залитые лунным светом улицы огромной и, по-видимому, цветущей станицы, - мы остановились у ворот обширного постоянного двора. Ворота были открыты, хозяин собирался на мельницу с новым хлебом. Посередине двора стоял столик, на котором кипел самовар, приготовленный для уезжавших.

Это было очень кстати, и мы сели за стол вместе с хозяевами. Казаки были веселы, и весь двор, освещенный луною, был полон радостного оживления. Хлеб в этом году уродился отлично, собрать его удалось вовремя и притом очень дешево.

- Почем платят косцам в Уральске? - спросил у нас хозяин и, узнав, что цены там стояли от 15 до 20 рублей и даже выше, - весело улыбнулся и сказал:

- А у нас по десяти.

- Ташлинский атаман такую цену сделал, - прибавила радостно хозяйка. - "Наемка" у нас нынче отличная...

"Наемка" в этих степных местах - это настоящая военная кампания, где интересы нанимателя и работника становятся лицом к лицу в совершенно откровенных формах. Целые армии косцов сходятся в нескольких пунктах: к Уральску, в Таловую (на границе Самарской губ.) и в Ташлу. Рабочие, сойдясь, прежде всего пытаются организовать, чтобы поднять цену. Для этого иногда артели жнецов приносят все серпы и косы в одно место и выдают их только при найме на известных условиях. Первые дни обе воюющие стороны крепятся, измеряя взаимные шансы, и порой дело доходит до формальных побоищ. В тот год под Уральском произошли крупные столкновения между рабочими русскими и киргизами (сбивавшими цены). В Таловой победу одержали рабочие, поднявшие цену до 20 рублей; в Ташле, наоборот, рабочая армия потерпела решительное поражение.

- Мужикам, конечно, обидно, - радостно говорила казачка: - а для казаков хорошо. Косцы сошлись в Ташлу и говорят: хлеб ноне у казаков дюже сильный, давайте, ребята, дешевле 25-ти не наймоваться. На том и стали. Кто, может, и хотел бы наняться, не смеет. Ну, станичный атаман собрал полевых казаков и говорит: "дуйте их, дураков, нагайками. Что на них смотреть". Потом стариков-то, которые посмирнее, отделил, а остальных, говорит, гоните вон из станицы. "Вы, говорит, наше место поганите, хозяев огорчаете, не хозяева к вам идут, вы к казакам пришли. Хлеб за брюхом не ходит"... Ну, смиренные-те мужики и пошли наниматься. Тут опять казаки сговорились: не давать больше десяти. Тем опять же деваться некуда: пришли работать, не назад идти. Так и стали наймоваться...

Мне вспомнились усталые и озлобленные косцы, которых мы встретили в Кирсанове... Говорят "цены строит Бог". На этот раз ташлинский атаман устроил их, хотя и не совсем по-Божьему, но с большим успехом...

- А где вы ляжете? - спросила у нас хозяйка. - Ночь-то вон какая тихая, да теплая... Ложитесь на базу.

Мы, разумеется, согласились. Хозяин с возами уехал, широкий двор опустел. Луна поднялась высоко и осветила избы поселка. Прямо перед нами, над

обрезом соседнего "база" вся в месячных лучах стояла стройная церковка. Огни в окнах станичных избышек гасли.

Я долго стоял на плоском базу, оглядываясь на затихавшую станицу, и в моем воображении проносилось своеобразное прошлое ее обитателей, занесенных Бог весть откуда на эту окраину и здесь по капризу сурового казачьего атамана неожиданно нашедших казачью волю...

Наконец, я улегся на душистом сене. Звездное небо все искрилось и сыпало падучими звездами... Необыкновенно яркий метеор с огнистым хвостом, прорезавший небо от самого зенита, - остался в моей памяти последним впечатлением этого вечера...

Наутро я проснулся раньше моего товарища... Было свежо. Небо побледнело, солнце подымалось из-за гряды облаков, ночевавших где-то на далеком степном горизонте. Казачки доили коров и выгоняли их в поле. Наша лошадь напоминала о себе тихим и ласковым ржанием...

Когда, напоив ее, я вернулся с берега Урала, в нашем дворе оказались новые посетители, на распряженном возу сидели, свесив ноги и головы, четыре мужика, - два старика и двое молодых. Вид у них был раздумчивый и печальный.

- Откуда Бог несет?.. - спросил я.

- Астраханские, а идем с переселения...

- Что же так?

- Да так... Дома-те плохо, да и там не лучше...

- Земля плохая?

- Земля, видишь ты, ничего бы, - ответил медленно старик, - земля гожа, вода близко и луга хорошие, потные... Морозом когда хлеб побьет, ну не часто. Кормиться бы можно.

- Так что же?

- Далеко, дорог нет никуда. За Орск это и дальше, за Кустанай. До железной дороги четыреста верст, до Петропавловска тоже далече, базаров нет, в город не доехать...

- Сыт будешь, а ходи нагой и босой... Куда с хлебом денешься? - пояснил другой.

- Нам один человек говорил: вам, старики, добра уж тут не видать при своей жизни, а дети счастливы будут, когда проведут железную дорогу... А когда ее проведут? Ну мы и повернулись...

- А не надо бы, - опять говорит молодой. У него жизнь впереди, и он не прочь подождать счастья на новых местах...

И опять они сидят, свесив головы, четыре русских человека на распутье между постылым настоящим и неопределенным будущим... А пока что, они тоже работали у казаков.

Хозяева сказали мне, между прочим, что в Бородинском поселке, при австрийской моленной доживает свой век "баушка Душэрея" (своеобразное изменение имени Авдотья), старуха ста десяти лет от роду. Она уже ослепла, но сохранила память и порой бывает очень разговорчива.

Мне захотелось посетить старуху. Разыскав моленную, я вошел в сени. Все ставни были наглухо закрыты. На меня пахнуло запахом масла и ладана, и вначале я не мог ничего рассмотреть в темноте. Через некоторое время, однако, перед привыкшим взглядом замелькали блестками в глубине просторной избы иконные ризы, налой, паникадила...

Рядом со мной, на лежанке в сенях что-то зашевелилось, и старый голос, точно шелест листьев на дереве, спросил:

- Ты, Никитушка? Принес, что ли?

Я разглядел на лежанке, под стенкой, рядом со мной какое-то существо, маленькое, сгорбленное, незаметное.

Старуха пряла, и веретено в ее руках тихо жужжало и стучалось об пол.

- Нет, бабушка, это не Никита. Я - чужой человек, - ответил я, наклоняясь к ее уху.

- Чужой? - спросила она, как будто встрепенувшись. - Что же тебе, чужому, надо? А?.. Ну-ну, - продолжала она, когда я по возможности ясно сказал, что я приезжий, слышал о ней, и хотел бы побеседовать о старых годах.

К сожалению, беседа не удалась. Я попал в минуту, когда старая память потускла и работала, как испорченная шарманка. Какие-то клочки воспоминаний, бессвязные и отрывочные, вспыхивали и тотчас же гасли, а речь переходила в малопонятный шепот...

Я узнал только, что "барин (так она называла Давида Бородина) купил их "по-смерть". Жить было трудно. Барщина была... Нынче вот народ балованный: беременные бабы - уже они и не работницы... А прежде беременные бабы кирпичи таскали... Еще лучше, говорит: положи на брюхо десяточек, и неси... хо-хо... Да, положи, говорит, ничего!..

Она засмеялась, покачала старой головой и прибавила со вздохом:

- Трудно было, дитятко... Управители строгие, работа чижолая... Даст, знаешь, три пудовки... а чистили руками в ступах... Вот, знашь, раз этак-ту... Молоденька я была...

Она зашептала что-то. Все медленнее и тише, потом только кивала головой... Бледные губы шевелились без звуков...

- А откуда, бабушка, Бородин привел крестьян? - спросил я громко.

- А? Что? Ты все здесь? Откуда крестьяне? Да разные народы были. Раз вот ерзалов пригнал... И баяли не по-нашему, по-ерзальски*.

* Е р з я - мордовское племя, живущее в Арзамасском уезде Нижегородской губернии.

Она опять смолкла. В темноте моленной водворилась жуткая тишина. Веретено с тихим жужжанием вертелось в привычной руке и стучалось об пол. Бабушка Душаря опять забыла обо мне; но ее память, как заведенная машина, продолжала выбрасывать клочки бессвязных воспоминаний.

- Молоденька я была... молоденька, молодешенька... - слышалось мне в этом неразборчивом шепоте...

Я вышел, не прощаясь с нею, из моленной и невольно зажмурил глаза на светлой улице, где уже ждал меня Макар Егорович с тележкой...

В версте за Бородинским поселком дорогу пересекает большой овраг - крутая ростошь и вскоре за ним начинается илецкая граница. Несколько маров, леса, перелески. Среди них - речки Заживная и Кош пробираются к Уралу. Третья речка - Голубая - падает в Урал на другой стороне. Среди зарослей теряются где-то невидные с дороги древние городища. Одно предание называет Кош-Яицким городком, другое - Голубым городищем. Тут будто бы сидела когда-то Марина Мнишек со своими казаками. Но это, кажется, неверно: убежище Маринки было в низовых Урала.

Эта часть реки с лесами и речками, очень удобная для "перелаза" - служила как бы воротами для орды. Они посылали вперед разведчиков узнать, нет ли засады, и спрашивали у них: "Кош аман", - то есть свободна ли дорога? На засады натывались часто, и "много тут в лугах истлело киргизских костей"...

Мы миновали ростошь и ехали уже по илецкой земле, когда за нами послышался частый топот. В клубке пыли нас обскакал верховой казак... Он был в одной рубахе, босой и скакал, сломя голову... Невдалеке от нас из тороков у него свалился армяк. Казак заметил это, повернул коня и, не слезая, поднял с земли армяк.

- Летучка, что ли? - спросил Макар Егорович.

- Стафета, Иван Иванычу...

Летучка - особый вид почты. Гонец мчится от поселка к поселку, порой даже на неоседланной лошади. Еще недавно к пакету, препровождаемому таким образом, прикреплялось перо, как эмблема быстроты. В данном случае какое-то начальственное распоряжение догоняло Ивана Ивановича Иванаева, войскового агронома, проехавшего на заре через Бородинский поселок...

Опять частый топот копыт из облака пыли... И летучка скрылась за небольшим увалом.

ГЛАВА IX

В Гостях у поселкового атамана. - Прения о вере. - пограничные недоразумения. - Дипломатическая нота атамана и ее последствия

Когда мы подъезжали к Кинделинскому поселку, летучий казак уже возвращался на взмыленной лошади обратно. Он остановился и сказал нам, что поселковый атаман просит нас завернуть к нему и что у него же мы застанем Ивана Ивановича.

Скромная квартира поселкового атамана, Андрея Яковлевича Камынкина, была полна народа. В поселке только что закончилось собеседование о вере, на которое приезжал известный поморский начетчик Надеждин, с четырьмя помощниками. Несмотря на рабочую пору, - собеседование привлекло много народа, и церковная сторона со своей стороны мобилизовала свои силы в лице двух миссионеров и шести священников. Собеседование шло на площади, в присутствии поселкового атамана. Прения были горячие и продолжались четыре дня. Я очень жалел, что приехал слишком поздно и не застал уже этих прений. Теперь в квартире атамана подводились итоги. Казачьи начетчики, в стеганых ватных халатах, были вооружены большими книгами, повешенными в сумках через плечо, как своего рода мечи духовные...

Атаман принадлежал к числу "церковных".

- Нет... Что уж тут, - говорил он, впрочем, совершенно благодушно. - Куда вам. Народ само собой - ученый... Как это он тебе, Семен Павлов, насчет благодати загнул... А?.. Здо-о-рово...

- Нет, - шумели поморцы. - Ты это, Андрей Яковлевич, неправильно... Сами они не могли ответить: каким чином принимали еретиков по соборному правилу... Ты вот послушай.

Семен Павлов быстро достал из сумки большую книгу и развернул ее на коленях. Но атаман отмахнулся.

- Ну, вас... Давайте лучше выпьем... Его же и монахи приемлют. Будьте здоровы... Ну вот, Иван Иваныч, послушайте, чего у нас тут делается.

- Беда совсем, - наперебой заговорили казаки. - Не знаем, что уж это и будет...

- Стеснили нас иртецкие вовсе.

- До той степени стеснили: пашем, напримерно, у самого Иртека, а скотину поить ступай за десять верст в Кинделю...

- Иртецкие заступили нам берега. Пикеты расставили, точно от киргиз. Не пускают к водопоям, да и на-поди.

- Тут у нас каждую осень, не то что бой или сказать драка: прямо убийство идет.

- Да, - вмешался атаман. - Прямо военное действие, наподобие, как отцы наши с ордой воевали. Поверите, - даже в плен уводят... Вам, - повернулся он ко мне, - невероятно это и слышать, а я вот вам расскажу пример: недавно казак моего поселка, Игнатий Мякушкин, печку клал. Вы его, Иван Иваныч, знаете... На пашне у него в степи хуторок есть маленький, так вздумал для надобности печурку скласть. Вот сидит себе мой Игнатий, умазывает трубу. Вдруг, - откуль ни возьмись, наехали иртецкие. Атаман, заметьте, с ними... Стащили раба Божия с печки, давай таволгами жарить... Потом, - еще мало показалось: связали "свистом"... Это у нас называется свистом, если связать кисти рук, а потом локти назад, да под локти шест продеть. Мучительная самая вещь. И этого еще им мало: привязали к задку телеги, шест прикрутили покрепче, - айда по степе целиной, только коней нахлестывают.

- По киргизской моде, - подхватили казаки. - Орда арканом, тут свистом. А сласть одна...

- Верно! Ну, - Игнат думает: - останусь ли жив? Привезли к атаману в дом, и тут, представьте, надевает ему атаман на голову детский колпак.

- В бесчестье, значит, Илецкому войску.

- Конечно. Как иначе? Потом наливают, варвар, чаю, пускает туда копченую воблу... Пей, сукин сын... Вот какое издевательство.

- Что же он, жаловался?.. - спросил Иван Иванович...

- Само собой... Заявляется ко мне с докладом. Так и так, вот надо мною какие сделаны варварские поступки... Я сейчас, конечно, в войсковое правление - отзыв. Честь имею покорнейше донести, что по какой причине атаман Благодарновской станицы может хватать моих казаков...

- А ты, Андрей Яковлевич, - сказал один из слушателей, - ты объясни Ивану Ивановичу подлинной речью, как ты в бумаге прописал...

- Да, да! Объясни, Андрей Яковлевич, - подступили казаки, - и на суровых лицах начетчиков появились довольные улыбки. Видно было, что они доступны и светскому красноречию.

Атаман, видимо польщенный, скромно потупился и сказал:

- В отзыве со своей стороны я действительно выразил так. Всем, говорю, известно, что этак со свирепостью поступали турецкие башибузуки... Так ведь это в турецкой державе и притом до воследования войны 1878 года, после чего и воспрещено даже башибузукам. А у нас держава христианская. Но, ни на что не взирая, по примеру башибузуков поступает поселковый атаман Благодарновской станицы... то, надо полагать под влиянием обильного бахуса...

Упоминание о бахусе вызвало особый восторг слушателей. Суровые лица осветились улыбками одобрения и даже гордости.

- Так и подали? - спросил Иван Иванович.
- Так и подал, - ответил атаман. - Разве неправда? Ведь это, Иван Иванович, самая сущая правда...
- Ну, и что же?
- Да что! - Атаман махнул рукой и принялся опять наливать рюмки. - Вызвали меня в Уральск, намылили голову и...
- И посадили на гаутвахту? - закончил Иван Иванович...
- Куда же больше? - скромно ответил красноречивый атаман*.

* Теперь, кажется, отношения соседних казацких общин до известной степени урегулированы.

ГЛАВА X

По речке Кинделе. - Казак Поляков. - Железная дорога и верблюды. -

Спиритические явления в степном хуторе. - В.А. Щапов. - Ночлег в степи

За Кинделинским поселком наш маршрут изменялся: с большой дороги (или "линии" по-местному) мы свернули к северу, к верховьям степных речек Киндели и Иртека. Ближайшей целью этой поездки был хутор отставного казачьего офицера В.А. Щапова, о котором я много слышал в Уральске. Одному из казаков, участвовавших в прениях, было по пути с нами, и он уселся на передок нашей тележки, бережно уложив сумку с старопечатными книгами.

Я невольно обратил внимание на лицо старого казака, необыкновенно красивое с выразительными правильными чертами. Седые курчавые волосы, вьющаяся борода, умный взгляд и тонкая складка губ - говорили как будто о старой культуре, покрытой затем несколькими поколениями казачества. Фамилия его была Поляков. Немудрено, что это был потомок какого-нибудь конфедерата, закинутого в далекую степь какой-нибудь политической бурей. В архивных списках, в Уральске, я встретил как-то казака с венецианской фамилией Маркобруно, превратившегося, конечно, в Маркобрунова... Очень вероятно, что когда-то предки Дмитрия Ефимовича Полякова так же ревностно защищали ченстоховскую Божью Матерь и громили схизму, как теперь их потомок громит троеперстное сложение и защищает древнее благочестие... Да, думал я невольно, как часто наши отношения к небу зависят от случайностей нашего земного существования.

Наша тележка катилась между тем чудесными зелеными берегами красавицы Киндели. Дорога то подходила к самой речке, то углублялась в долинки меж увалов... На одном из таких увалов стояла вежа...

- Инженеры это прошли. Дорогу тут погонют... - сказал Поляков...

Я невольно оглянулся. В моем воображении неожиданно встал черный силуэт паровоза на гребне невысокого сырта. Казалось - даже отголоски свистка несутся над пустою степью...

- У моего хутора вплоть пройдет, - добавил Поляков.

- Что же вы - недовольны? - спросил я.

- Ничего, - спокойно ответил казак. - Нам она, пушай, не вредна... Вот только, бають, верблюдов давит много...

Верблюдам действительно грозила опасность. Особенность этого степного обитателя - необыкновенная склонность валяться в пыли на дорогах. Казаки, обыкновенно, объезжают их, не дожидаясь, пока, кряхтя и сердясь, они сами подымутся сначала на задние, потом на передние ноги. Паровоз, конечно, менее внимателен к привычкам степного старожилы. Да это и трудно.

Поднятый свистками, он не сворачивает в сторону, а бежит прямо по шпалам, вытягивая длинные ноги. Стоит паровозу остановиться, - верблюды спокойно ложится опять, и кондукторам приходится сгонять его палками... Много их гибнет ежегодно жертвами своей неуступчивости прогрессу, и казаки часто выставляют это обстоятельство в качестве возражения против проведения железных дорог. "Жилой осетр" на реке не пустит парохода, нравы верблюдов противодействуют железной дороге...

Что паровоз когда-нибудь изменит всю физиономию степи, раздавит, как верблюда, старинный уклад жизни и, может быть, еще раз изменит отношение казачьих потомков к самому небу, это, по-видимому, Дмитрию Ефимовичу Полякову не приходило в эту минуту в голову...

Вешка исчезла. Опять степь, с волнующимися травами... На горизонте, как застывшие волны, лежали курганы - "мары"...

- В старое время на этих вот марях зажигали сторожевые огни... - задумчиво сказал Поляков. - Значит тревога... Я еще помню... Мальчишка был... В 1845 году орда промеж себя бунтовала, потом и на нашу сторону перекинулась, побила казаков... Так по этим марам от Урала пошли огни... Так всю степь огненными столбами перерезало... В старину, говорят, месяца не проходило... Ночью огонь, днем дым над степью... Тогда уж казаки кидают работу, да на коней... Значит, где-нибудь орда перелезла... А вот и моя хатка... Милости просим ко мне...

Приветливый хуторок беспечно лежал среди степи между бурным прошлым и неведомым будущим. Дмитрий Ефимович сошел с тележки, бережно захватив свое духовное оружие. Мы отказались от его радушного приглашения и двинулись дальше. До ночлега нам было еще далеко.

Закат застал нас в степи на незнакомых дорогах... Закат чудесный, полный задумчивого обаяния... Уже несколько вечеров солнце садится в дымную мглу, и круглые облака выглядывают из-за горизонта, как передовые отряды какой-то рати, готовой к походу. Знойное утреннее солнце разгоняет их, и днем небо опять висит над степью ясное, чистое, раскаленное, и степь млеет под ним со своими сыртами, ростошами и увалами... Но на этот раз, казалось, облачная рать собирается не на шутку. Солнце садилось в густые кровавые тучи, то тяжело утопая в них, то прорезаясь огненным сегментом сквозь свинцовые туманы. Чуялась какая-то молчаливая борьба... Степь теряла краски и бледнела, а тучи подымались все выше. В небе, среди багрово-огненных сполохов, причудливые очертания менялись, как в калейдоскопе. Казалось, - это бледная степь сонно грезит туманными призраками... Облака теснились, выползали друг из-за друга, молчаливо и упорно... Вот какая-то встревоженная толпа, море покорно склоненных голов, по которым скользят

отблески пожара. Снизу, колеблясь и волнуясь, взвивается почти к зениту высокое темное облако... Точно сказочный богатырь, выдуманный засыпающей степью, подымается из туманов навстречу буре и ночи... Но скоро его очертания вздрагивают, колеблются, сплывают, и опять новые смятенные толпы, и новые гиганты... А на другой стороне подымается луна, огромная, бледная, как призрак...

Еще немного, - солнце окончательно исчезает. Тучи тяжелеют, мгновенный ветер проносится над степью, как бы торопясь за последними лучами, а бледная луна смотрит неподвижно и зловеще над бесформенным мгlistым туманом... Над степью ложится вечер тревожный, полный молчаливых предчувствий грозы...

Вот и щাপовская мельница. Прежде всего на гребне холма вырисовались влево от дороги восемь крестов... Это было семейное кладбище Щаповых... Здания терялись в темной массе деревьев, и из нее неслась глухой шум мельничных колес. На плотине толпились какие-то люди... Блеснул широкий пруд, и небольшой островок с красивой группой деревьев стоял на середине, опрокинутый отражением в темной глубине.

В этом уголке первобытная степь с ее неподвижными общинными порядками сделала попытку перехода к высшей культуре. На казачьих землях давно уже являются порой отдельные отрасли хозяйства, требующие продолжительного владения. Под Уральском и в Илецких станицах разведены, например, сады. Многоводные пруды и озера на Кинделе находились во владении Щаповых. В.А. Щапов вместе с другим интеллигентным казаком - затеяли здесь целую систему нововведений. Кроме мельницы и обширного полевого хозяйства, они решили эксплуатировать прекрасные воды запруженной Киндели для развития рыбы... Над прудами вспыхнуло даже электричество...

Попытка, поставленная непрактично, не удалась. На наши вопросы о хозяине, - мельник ответил нам, что мельница уже продана другому владельцу. В прошлом году случился пожар. Дело было ночью, и вместе с одной мельницей сгорело несколько рабочих. Здание не было застраховано. Владельцам пришлось продать свои права на этот чудесный уголок... Электрический свет над прудами погас.

- А где же живет Василий Андреевич? - спросил мой спутник.

- Келийка тут у него покамест, в амбарушке у нас... Сам все больше в степи. Купил жнейку с молотилкой, - казачьи хлеба жнет да молотит.

- Ну, а дела у него как?.. Ничего?..

- Дела-то?.. Оно бы ничего... Урожай ныне из годов... Да вы его знаете?.. Ну, знаете, так вам и говорить нечего... В долг много работает... Конечно, благодарят казаки... - прибавил он тоном, в котором слышалось явное

пренебрежение к такой дешевой вещи, как людская благодарность... - Теперь, ежели вы к нему, - надо вам вернуться в Герасимовку, - там поспрошаете. В степи где-нибудь ночует...

Мы двинулись обратно... Сзади нас провожал глухой шум мельницы, и кресты семейного кладбища точно глядели нам вслед печальным, загадочным взглядом...

Может быть, причиной был тревожный закат и напряженная нервность природы, только это место на Кинделе в этот сумеречный час произвело на меня впечатление необыкновенной грусти, которая еще усиливалась от воспоминаний об электрическом свете и больших надеждах...

Когда-то (в семидесятых годах) этот уголок на Кинделе приобрел широкую известность, как арена так называемых "загадочных явлений". На хуторе В.А. Щапова раздавались необъяснимые стуки, летали различные предметы, появлялись таинственные огни, - одним словом - происходило все то, что и теперь время от времени повторяется в некоторых "одержимых" уголках нашей матушки России. Но тогда у нас это было еще внове. Первые известия о действиях этой модной чертовщины в казачьих степях появились в войсковых областных ведомостях. Перепечатанные затем столичными газетами, они вызвали интерес к далекой степной мельнице, и на хутор была командирована местным начальством особая комиссия. Сначала члены комиссии принялись за дело очень серьезно, намереваясь производить исследование "почвенного электричества" и т.д. Местное высшее начальство, находившее, что хозяйничанье "неведомой силы" во вверенной ему казачьей области составляет уже нарушение порядка, - требовало скорого выяснения дела и обуздания загадочной силы. Комиссия нашла, "что ни одно из этих явлений не стоит выше того прозаического объяснения, что все сие есть дело рук человеческих. В распоряжении комиссии есть много тому доказательств". Наконец - сообщение в войсковых ведомостях заканчивалось уверением, "что дальнейшее повторение загадочных явлений едва ли возможно и потому еще, что в предупреждение их администрацией приняты дальнейшие меры"...

Проехав по улицам засыпающей Герасимовки, мы остановились у казачьего двора, где, как нам сказали, иногда ночует Щапов. На этот раз его не было, но, узнав, что мы ищем Василия Андреевича, казаки с каким-то особенным радушием взялись указать нам дорогу. Молодой парень вскочил на неоседланную лошадь и поехал впереди. В какой-то лощине он разыскал пастуха-киргиза, перепряг нашу усталую лошадь и повел нас без дороги жнивьями...

Через полчаса, поднявшись на возвышенный сырт, мы увидели в голой степи тихо переливающийся бледный огонек, освещавший огромные ометы соломы, и через несколько минут нас радостно приветствовал хозяин.

Это был небольшой человек, с сильной проседью, но необыкновенно подвижный и бодрый. Он недавно кончил работу и завтра на заре хотел сняться с места, чтобы перекусать на другой участок в глубь степи...

Скоро вспыхнул новый костер из сухого степного бурьяна, освещая своеобразный рабочий лагерь, - небольшой шалаш из соломы и фигуру киргиза Нурейки, возившегося около телег и лошадей. Хозяин засыпал нас вопросами о новостях из столиц, о политике, о китайской войне, о литературе. Ко всему этому он относился с живым интересом интеллигентного человека, заброшенного в далекую степь, получающего письма и газеты из Илека, "при счастливой okazji".

Полночь застала нас еще за разговорами на мягкой соломе, на краю омета. Тучи еще раз разошлись, не осуществив своих угроз, луна спокойно взбиралась на высоту, освещая оживающие степные дали. Легкий ветер шептал что-то соломе и порой гнал по степи сухие круглые шары перекаати-поля. Невдалеке лошади жевали овес, и Нурейка беспечно храпел на обмолоченной соломе...

- Ну, что?- - спрашивал меня Василий Андреевич, - что вы скажете о нашей стороне? Каков наш Яик Горыныч?

И, не дождавшись ответа, он живо вскочил на ноги.

- Ах, батюшка! Что это за сторона! Что за народ наши казаки! Есть у Иоасафа Игнатьевича Железнова такое сравнение. Когда веют хлеб, то шелуху там, мелкое зерно и прочую дрянью ветер уносит к черту. На месте остается только отборное зерно, "головка", - тяжелое, веское, крепкое... Мы, казаки, - "головка" русского народа... Какие только ветры ни налетали на нас в этой степи... Окраина, рубеж... Еще недавно тут лилась кровь, на пашню выезжали вооруженные... Ну, и происходил, понимаете, этот дарвиновский естественный подбор... Все слабое гибло... Оставались одни богатыри... Москва нас знала... Мы колебали в Питере престол царицы Екатерины...

- Все это так, - ответил я на эту горячую речь... - Да подбор-то этот происходил при условиях, которые уже исчезли... Что-то скажут новые времена...

- Выдержим, - сказал он с убеждением... - Наш народ - что ковыль в степи. Иной раз, в засушливое лето, вся трава посохнет, а он зеленый... Отчего? Корень глубоко пускает. Раз, знаете, встретилась нам в степи провалина, вроде пещеры. Спустились мы туда. Над головой пласт земли толще сажени. Вдруг - один казак говорит: смотрите, товарищи, а ведь это ковыловый

корень яскрозь прошел... Вот и мы, - как наш родной ковыль. Не выведемся ни от какой засухи...

В этой странной речи звучала глубокая любовь к родному краю. Так нельзя любить ту или другую "губернию", административно-территориальную единицу, лишь условной чертой отделенную от другой такой же губернии. Казачий край имеет свою собственную яркую историю, свои особые нравы, свои типы, свои песни, свой уклад жизни. "Где кровь лилась, - поется в одной уральской песне, - там вязель сплелась. Где слезы пали, там озера стали". Казак еще вживе помнит, где казачья кровь поила сухую землю и где падали на нее слезы казачьих матерей, сестер и жен. И он страстно любит свою степь с этими красными пятнами вязели, с тихими извилистыми речками, ериками, озерами, всю наполненную еще не переболевшими воспоминаниями о кровавой борьбе на два фронта: киргиз и Азия с одной стороны, с другой - нивелирующий Петербург с ненавистным фрунтовым строем... И то обстоятельство, что это прошлое понемногу исчезает, как отголоски песни в сумеречной степной дали, - делает казаков романтиками. В массе - это романтизм бессознательный, непосредственный. У интеллигенции - романтизм сознательный... И тот, и другой до известной степени "крамольный"...

Через час кругом меня все спало. Казаков родная степь убаюкала скоро и крепко, только мне, чужаку, все еще не спалось. Я смотрел на звезды, на волнистые очертания нив, слушал тысячеголосый шепот и шелест сухого жнивья на степной возвышенности, вдыхал пряный аромат хлебов и по временам взглядывал на освещенное луною беспечное лицо Андрея Васильевича. Кто знает, - думалось невольно, не это ли истинный философ, разрешивший мучительный вопрос о счастье: диогеновское презрение к земным благам, простая и неоспоримо полезная людям работа, душевное равновесие среди родной степи, в которой знаешь и любишь каждую былинку, и доброжелательство окружающих людей... Что нужно еще?..

Так думалось мне... Впрочем, только в эту тихую ночь, после тревожного вечера... Ее дыхание несло среди безбрежного простора, обвеянного ароматом трав и хлебов и ласковым веянием ночного ветра...

ГЛАВА XI

Илецкою степью. - Реформа в Илецкой общине. - Покос "ударом". - Казаки-татары

На следующее утро я проснулся часов в пять... Солнце грело прямо в лицо... Наш табор уже почти снялся с места: имущество кочевых жнецов было уложено на возы, и Нурей с другим рабочим кончали укладку. Андрей Васильевич ждал с чаем.

Я оглянулся кругом, и первое, что меня поразило в это утро - были сплошные хлеба, частью уже сжатые, частью еще колыхавшиеся от одного горизонта до другого...

- Василий Андреевич, - сказал я невольно. - Где же ваши ковыли? Ведь тут сплошь распаханно...

Василий Андреевич слегка нахмурился.

- Да, исчезают ковыли, - сказал он со вздохом... - Исчезают... Нет! - заговорил он горячо. - Когда я был станичным атаманом, - я оберегал ковыловую степь... Раз, помню, приходят ко мне старики с жалобой: "Погляди-ка, Василий Андреевич, - плугатары ковылову степь дерут". - Я сейчас полевых казаков на-конь. Айда в степь. Прискакали... - верно! пластают, подлецы, валят ковыль... Велел команде спешиться... Руби у подлецов гужи! Пусть жалуются богатеи... Пострадаем за старую веру... Ну, удалось задержать на время... Теперь точно прорвалось: хлынули эти новости: степь распахана почти сплошь, общие луга делят... А все Ивана Ивановича затеи. Отличный человек, приятель... А за это я не хвалю...

Он грустно махнул рукой...

Иван Иванович Иванаев, о котором я говорил выше, - тоже один из "студентов". Он окончил Петровскую академию и по каким-то студенческим делам был выслан на родину, "под надзор" в родное Илецкое войско. Сначала казаки косились на "политика", но вскоре он вошел во все дела родной общины, завел некоторые усовершенствования в обработке земли, а затем в 1888 году убедил все Илецкое войско перейти от захватного пользования землями к переделам лугов и упорядочению пользования пашнями... Прежняя система вела стихийно к торжеству богатеев и обеднению казачьей массы. Степи все равно распахивались, но делалось это преимущественно зажиточными казаками. Они драли вольную степь усовершенствованными плугами, а беднота оставалась позади...

Луга и ковыль Илецкое войско косило "ударом", как это делается и теперь в Уральской степи. В известный день, из Уральска по низовым и верховым станицам скачут гонцы с "прочетными указами". Наказной атаман назначает день общего покоса. Все выезжают в луга еще накануне и располагаются

станами. Каждый высматривает себе участок... Понятно, что на лучшие участки является много претендентов... При этом каждый казак имеет право выставить еще двух рабочих...

Мне очень хотелось посмотреть этот знаменитый общий покос, и я видел его под Уральском. К сожалению, в тот год ковылы поспели одновременно с травой на поймах мелких речек. Казаки говорят в таких случаях, что "обвбличный" покос совпал с луговым. Войско в большинстве отправилось на Бухарскую сторону (за Урал), и так называемый "обволичный покос" потерял на местах обычную напряженность. Косцов вышло сравнительно немного... И однако то, что я увидел, далеко не вызвало представления о братстве и общинных чувствах. Наоборот: это была "конкуренция" в самых осязательных и неприкрытых ее формах.

Еще задолго до рассвета, в туманное и росистое утро, я пошел по лугу над Чаганом, на котором в разных местах мелькали огоньки "станов". Подойдя к речной ложбинке, я услышал осторожный визг косы: около стана в темноте, стараясь не шуметь и не лязгать, несколько темных фигур уже принялись "украдучись" за нокос, не дожидаясь сигнала. Подвигаясь далее, я увидел то же и в других местах, а взошедшее солнце застало уже целые ряды накошенной до срока, т.е. в сущности украденной у общины травы. Никто не дождался сигнала, и кража была, так сказать, тоже общая, т. е. взаимная... В другие годы картина бывает еще напряженнее. Несмотря на более или менее частые караулы, - редкий покос начинается в свое время. Первый же подозрительный звук сразу подымает все станы. Каждый кидается к лучшей траве, стараясь перекосить другому дорогу. Иной раз два соперника долго, до изнеможения идут рядом, пока один не выйдет вперед настолько, чтобы перерезать дорогу другому. - "Братцы! Обкосил!" - то и дело слышится над лугами отчаянный крик... Семейные и работники со всех ног кидаются на помощь, и кто-нибудь сменяет отставшего, стараясь в свою очередь перегнать и перерезать дорогу врагу. Случаются кровавые столкновения. Говорят, соперники подкашивают друг другу но ги. Задача состоит в том, чтобы "закосить" как можно больший круг в определенное время. Когда таким образом лучшие покосы "закошены", то внутри захваченных кругов косят уже спокойнее. А еще через некоторое время на свободные луга богачи пускают наемных рабочих и даже косилки...

Все это, разумеется, гораздо выгоднее богачам, чем бедноте. Так пользуются и пашнями. Илецкая община со своим старым землепашеством раньше признала неудобства этого порядка и его несправедливость. Шли раздоры и ропот, пока "студент" не убедил перейти от захватного пользования к переделам, т.е. в сущности ввел в степь русские общинные порядки. Таким

образом, в то время, когда остальные 27 уральских общин "подкашивают друг другу ноги" и держатся фикции "вольных земель", - две Илецкие общины переделили луга... Покосы "ударом" здесь исчезли, но теперь казак, идущий на службу, знает, что его семья продолжает фактически пользоваться землей, хотя бы сдавая ее в аренду... И вместе с тем дикий ковыль уступает место хлебам...

Утром, напившись чаю в келейке Василия Андреевича на мельнице, мы попрощались с радушным хозяином.

Перед расставанием он отвел меня в сторону и, ласково поглядев мне в глаза своими живыми глазами, сказал:

- Послушайте... Вы мне очень понравились. Кто знает, увидимся ли еще... И мне не хочется расстаться с вами, не сказав одной очень важной вещи...

Он взял меня за руки и, опять пристально глядя в глаза, сказал:

- Познакомьтесь со спиритизмом... Мы ходим около величайшей тайны, имеем возможность заглянуть в нее... Можем завязать сношения с загробным миром и - не хотим обратить на это внимания... Вы слышали уже в Уральске о спиритических явлениях на этом вот хуторе?

- Слышал, Василий Андреевич, - ответил я.

- Об этом, конечно, зам говорили с насмешкой... Но... постойте, не торопитесь с заключениями. Я вам пришлю свою статью в "Ребус", и дайте мне слово, что вы познакомитесь с нею...

Я охотно дал слово... В Уральске мне рассказывали - и рассказывали действительно с усмешкой, - что все таинственные явления происходили только в присутствии молодой хозяйки и ее прислуги... Официальная комиссия пришла к заключению, что все это - дело рук человеческих... Заключение комиссии было напечатано в уральских областных ведомостях, после чего успокоились и духи, и областное начальство...

- Так прочтете? - многозначительно спросил Василий Андреевич, когда мы уселись в тележку.

Я обещал. Через некоторое время, вернувшись к себе, я получил эту книжку В.А. Щапова, изданную журналом "Ребус", и прочел ее с большим интересом. Это было настоящее свидетельство "очевидца", написанное с большой искренностью и прямо подкупающей правдивостью. В качестве самого поразительного доказательства, автор привел между прочим следующий эпизод. Однажды он и сам заподозрил, "не жена ли сама, притворяясь спящею, барабанит по полу в ее спальне"... Поэтому он незаметно подкрадывался к дверям; но каждый раз, лишь только он заглядывал в спальню, звуки приостанавливались... Но вот, он как-то вдруг ворвался в спальню, лишь только начались стуки, и... "оледенел от ужаса:

маленькая, почти детская розовая ручка, быстро отскочив от пола, юркнула под покрывало спящей жены и зарылась в складках около ее плеча, так что ясно было видно, как неестественно быстро шевелились самые складки покрывала, начиная от нижнего его конца и до плеча жены (sic), куда ручка и спряталась"...

Мне вспомнился сумрачный вечер над Кинделинскими прудами, глухой шум воды, кругом голая степь с могильниками, тоска степного одиночества, закинутая сюда молодая жизнь, мечтающая даже об Илеке, как о столице... И я подумал невольно, что трудно осуждать бедных духов за их проделки...

Из Кинделинского хутора мы направились наперерез распаханнами степями по направлению к Уралу и Илеку. Через несколько часов мы въехали в широкие улицы Мухрановского поселка. Вид у этого поселка был обычный, как у всех казачьих поселков, но белая мечеть на площади показывала, что он населен татарами. На улицах всюду попадались татарские фигуры - народ здоровый, рослый, с очевидной казачьей выправкой.

К сожалению, мне не пришлось ближе встретиться с этими казаками-мусульманами, но в отзывах соседей слышно было какое-то особенное дружелюбие: народ честный, трезвый и надежный. К киргизам казачье население по старой памяти относится с невольной подозрительностью. Слышно много рассказов о заезжих муллах и ходжах, к речам которых будто бы охотно прислушиваются киргизы. О татарах отзывы были единодушны:

- Такие же казаки, как и мы. Веру свою держат крепко, а в случае военного действия, хоть тут сам султан приходи, все на конь сядут, все в бой пойдут.

- Товарищи нам настоящие. Вместе кровь проливали...

- И то сказать... Веру ихнюю мы никогда не тревожили, права у них исстари казачьи... Те же, одним словом, казаки... За ту же землю стоят...

За Мухрановским поселком дорога отлогими скатами все более сползала с сырта, впереди все ближе зеленели леса Урала... Далекo, влево, в восточной стороне на синевших увалах мелькали беленькие здания какой-то отдаленной станицы...

- Это уже Рассыпная, - сказал мне Макар Егорович, указывая на эти белые пятнышки. - Конец Уральской области, - начало Оренбургского войска...

Дорога побежала лугами, между обильной лесной зарослью, и еще до заката солнца колеса нашей тележки застучали по настилке широкого моста через Урал. Огромные бугры наносного песку закрывали старую Илецкую станицу, выглядывавшую из-за них только темными верхушками крыш.

Теперь мы были уже на левой, степной или бухарской стороне Урала...

ГЛАВА XII

Начало Илека. - Борьба двух казачьих общин. - Общинный "Эгоизм" и эпизод из жизни И.И. Железнова

Основа казачьего земельного права - сторожевая служба государству. Яицкое войско, первое несшее службу на Урале, естественно, считало себя владельцем реки "от истоков до устья", на что по казачьим преданиям получало царские грамоты...

Оказалось однако, что закрыть "линию" даже после основания Оренбургского войска Илецкое войско не в силах. Киргизы прорывались за Урал, набегали даже на Волгу и в заволжские страны, угоняя скот и пленных, которых продавали хивинцам и бухарцам. Ввиду этого в 1736 году правительство стало вызывать новых охотников-поселенцев "для обеспечения свободного движения к Оренбургу караванов и обозов и для содержания башкирской и киргизской сторон в надлежащем подданстве".

На этот вызов первые откликнулись два казака "черкасской породы Изюмский и Черкасов с товарищи". По-видимому, это были украинцы, вышедшие на Илек с какой-нибудь партией своих земляков, быть может, в значительном количестве. До сих пор еще в говоре илецких казаков сохранились некоторые смягчения на украинский лад: так, илечане говорят до сих пор: писок, беда, ведро, тогда как остальные уральцы произносят их: бяда, пясок и т.д. Сохранились также, хотя и измененные, но явно малороссийские фамилии.

Изюмский и Черкасов построили городок против впадения Илека в Яик в местности, называемой и ныне "кустами". Остатки этого старого городища среди зарослей в лугах видны и до настоящего времени... Место оказалось выбранным неудачно. Во-первых, оно затоплялось разливами реки, а во-вторых, кусты и заросли давали "легкую способность киргизцам и прочим азиатским народам" к переходу за линию и нападениям на городок. Очень вероятно, что старое городище было когда-то свидетелем безвестной степной трагедии. По крайней мере, уже через год в официальных документах самые имена первого атамана Изюмского и есаула Черкасова исчезают, а в качестве нового атамана мы встречаем тоже загадочного выходца с венецианской фамилией Маркобрунова. Можно думать, что он из своей Венеции перебрался сначала в Черногорию и Сербию и уже потом проник к запорожцам, которые поддерживали сношения с славянскими странами. Вместе с этим самая станица переносится из предательских кустов на левую, бухарскую сторону Урала. Очевидно, илецкие поселенцы (после вероятной катастрофы) предпочли стать лицом к лицу с враждебной степью... Прижавшись тыльной стороной к обрывистому берегу Яика, они оградилась

с юга "перекопом" между Яиком и Уралом, выдвинули вперед дозорные вышки, маяки и пикеты, и люди черкасской породы стали кидать в Яик свои сети и нести сторожевую службу, как прежде в степях тоже порубежной Украины... Там они воевали с крымской ордой, здесь с ордой киргизской...

Так возникла на среднем течении Урала рядом со старым войском новая казачья община, а с нею вместе и новое общинное право. На обязанности илечан лежала охрана линии от земель Рассыпной крепости до устьев р. Иртека (на расстоянии 70 верст). Здесь илецкие казаки чинили разъезды, содержали пикеты, провожали караваны и казенные пересылки и поэтому, естественно, считали своей всю охраняемую полосу, с рекой, степью, озерами и лесами, в чем их обнадеживали и указы. Но и старое войско не хотело отказаться от своих притязаний на эти уголья. Оно не приняло илечан в свою общину, не дало им участия в своих ловлях, и никогда илецкая будара не смела появиться в заветных водах ниже учуга. Но сами яицкие казаки продолжали въезжать в илецкие земли, рубить леса и тянуть рыбу. Вдобавок в 1746 году илецкие станицы подчинены ведению и команде яицкой войсковой канцелярии, которая, разумеется, тянула руку старого войска, а Илек стал настоящим пасынком Урала.

В войсковом архиве мне попала очень выразительная слезница илецких казаков, жаловавшихся на эти притеснения. "Указами войсковой канцелярии и войоку, - писали они, - велено всех казаков вравне удовольствовать как рыбными ловлями, так и прочими припасами, а они (яицкие казаки) не только припасами не довольствуют, но и к рыбным ловлям в равенство свое не допускают. Також пороху и свинцу илецкой станице ниоткуда не определяют, отчего им, илецким казакам, и при воинском случае быть невозможно".

Слезница рисует целую систему злоупотреблений и притеснений яицких атаманов. За взятки они освобождали более зажиточных казаков от тягла, отпуская из крепости, сами завели себе "ординарных", которых тоже отпускали за взятки, отчего тягло ложилось на одну бедноту. "Когда же кто станет об этих обидах говорить, то, не давая суда, бьют мучительно, через которые их страхи уже и домов своих в печалех стали быть лишены"*.

* Войсковой архив, по оп. I, в. 22, указы и предложения, стр. 135-158.

Вообще старшая община всячески теснила младшую. Так в 1717 году атаман Тамбовцев прислал ордер, коим "приказал илецким казакам отнюдь без яицких казаков ловли (в своих же водах) не производить". Это посягательство Яика, конечно, вызвало неудовольствие. Было это уже незадолго до пугачевщины. На Яик был прислан генерал Чебышев, человек довольно справедливый. Он пытался остановить злоупотребления старшинской стороны, в том числе и по отношению к илецким казакам. Но его сменил Траубенберг, а потом пошли беспорядки и восстания. Илек встретил "Петра Федоровича" с почетом...

После усмирения пугачевщины яицкие казаки продолжали въезжать в илецкие земли, рубить леса, тянуть рыбу в "черных" илецких водах, а в 1776 году войсковая канцелярия шлет новый ордер, которым вовсе запрещает илецким казакам рыбную ловлю ниже илецкой станицы...

Так как илечане все-таки рыбу в своих водах ловили, то надо думать, что право это они отстаивали вооруженной рукой. Вот еще, должно быть, когда начались те "соседские" отношения, отголоски которых мы встретили в пограничном поселке в виде пограничных набегов с одной стороны и в виде красноречивой реплики поселкового атамана - с другой. Стиль атамана Калмынкина имел, очевидно, глубокие исторические корни, в виде многочисленных челобитий, в коих илецкие казаки заявляли, что от таковых притеснений и от нестерпимого глада "в печалех своих и домов стали быть лишены"... что иные казаки отдают уже и детей своих в кабалу яицким казакам, и многие, дабы избежать непосильной службы, уходят самовольно в бега*.

* Там же.

Бедствия Илека усиливались еще тем обстоятельством, что Илецкое войско было подчинено уральской войсковой канцелярии, и Илек не раз просил слезно, чтобы его перечислили к Оренбургу...

К началу XIX столетия положение осложнилось введением крепостного права. Приложение крепостного труда на вольных казачьих землях было противно самым основам казачьей общины, и более сильное яицкое войско не допустило бы его у себя. Поэтому крепостные поселки Мартемьяна и Давыда Бородиных засели, как лишай, преимущественно "а беззащитных окраинах илецких земель. Все это завершилось образованием большой крепостной деревни, которую Давыд по завещанию перевел в казаки, причислив к Уральскому войску, - вместе с землей.

На почве этой исторической розни еще раз собралась было в Уральском войске "туча каменная", и чуть было не возникли уж в 60-х годах крупные беспорядки*.

* "Туча каменная" - заглавие одного из рассказов И.И. Железнова. После посещения в 1837 году Уральска тогдашним наследником, - казаки Филичев, Павлов и другие сделали, как говорят казаки, "подачу", т.е. подали наследнику просьбу-жалобу в которой ходатайствовали о восстановлении некоторых старых вольностей. За это постигло казачье войско жестокое наказание.

На этот раз войско противилось не фрунтовой службе, не очереди и ранжиру, а старшая казачья община пыталась отстоять свои привилегии против младшей. В этой истории принимал между прочим участие казачий бытописатель и патриот Иоасаф Игнатьевич Железное. Фигура этого уральского писателя чрезвычайно колоритная... Это был патриот, романтик, страстно преданный казачьей родине, любивший до самозабвения ее боевое прошлое, ее предания, обычаи, песни, все особенности ее устоявшегося быта... На посмертном издании его сочинений, в качестве эпитафии, стоят следующие слова:

"Я, если разбирать меня с общей точки зрения, - *гуманист*, но коснись дело интересов казаков, я - эгоист. Я и днем и ночью, и наяву и во сне желаю, чтобы казак имел не только необходимое, но и лишнее. Киргиз же для меня - создание совершенно постороннее".

И не только киргиз. В споре двух казачьих общин Железное был патриот *своей* общины, отстаивавший со всей исключительностью ее интересы. Ради них он был способен на высокое самоотвержение и на величайшую несправедливость. В споре с илецким соседом его не смягчает ни единство происхождения и веры, ни братство по оружию, и когда этот больной вопрос обострился, то уральский писатель, исследователь и историк проявил всю исключительность и страстность любого заурядного общинника.

Случилось это в атаманство генерала Дандевилля. Киргизы и илецкие казаки вспоминают об этом атамане с благодарностью, уральцы с неприязненным чувством. У него были свои недостатки, "о, по-видимому, он понимал, что времена борьбы для Урала прошли, что теперь на обеих сторонах Яика Горыныча живут люди, которым предстоит стать равноправными подданными одного государства... Было это в шестидесятые годы, и либеральный губернатор старался найти беспристрастные нормы для разграничения киргизских земель и для разрешения старого илецкого вопроса.

Это настроение начальства заставило уральцев чутко насторожиться. Перед Дандевилем стояла сложная задача; в вопросе киргизском Уральское и Илецкое войско были солидарны. В илецком интересы их стояли друг против друга... Войсковая интеллигенция, - офицерство и бюрократия войскового управления, - были против атамана, и Дандевиль задумал разрешить вопрос чисто бюрократическим путем - посредством секретных комиссий...

Одна из таких комиссий выработала проект разграничения киргизской степи. Слухи о нем быстро проникли в казачью среду и вызвали в войске настоящее волнение. Почетные "старожилые казаки" потянулись из своих станиц к

Уральску, для советов с чиновничеством. Вскоре умный и пламенно преданный интересам казачества Железное, в то время служивший тоже в войсковом правлении, - стал центром этой оппозиции. Он употреблял все меры, чтобы не допустить в "сурьезном войске" какой-нибудь преждевременной вспышки, так как хорошо знал историю; но сам решительно и стойко вел борьбу против Дандевилья и его проектов. "Убеждение, - писал он в это время, - что бухарская сторона есть неотъемлемая казачья собственность, - вошло в плоть и кровь казака... Учуг, наемка и бухарская сторона - это такие три нежные струнки, дотрагиваться до которых весьма неблагоприятно".

Для Железнова это решало дело, и он не хотел считаться с тем, что у киргизов и у илечан тоже столетиями впитывались в плоть и кровь свои убеждения и что государству приходится как-нибудь мирить эти противоречивые интересы. Он весь ушел в борьбу, замечая, как атмосфера кругом насыщается электричеством. Среди казаков усиливалось брожение... Начальство принимало свои меры... Под каким-то предлогом у казаков были отобраны пушки и переданы в регулярный батальон...

Ходили слухи, что к Уральску вызваны отряды из Ново-Петровского укрепления...

В это время разыгрался характерный эпизод. Получив разрешение из Петербурга, Дандевиль сделал решительный шаг к разрешению илецкого вопроса. Он внезапно выехал из Уральска с топографами в те самые места - Бородинский, Иртецкий и Благодарновский поселки, где меня так недружелюбно встретили старые казаки Баннов и Донское и где во время моей поездки кипели "пограничные столкновения". Вызвав депутатов от смежных уральских и илецких станиц, он провел временную границу, размежевав к илецкой стороне часть спорных лугов...

Это вызвало большое волнение в наиболее заинтересованных пограничных поселках (Бородинском, Иртецком и Благодарновском) и оттуда тотчас же была снаряжена депутация из самых почетных и заслуженных казаков... Она прежде всего явилась в войсковое правление, душой которого в то время был Железнов, успевший сплотить против атаманских проектов казачью бюрократию. Он внес в эту борьбу, наряду с исключительностью своего местного патриотизма - много таланта, одушевления, самоотвержения, тогда как на другой стороне была бюрократическая рутинка и старые привычки произвола. По старой памяти на законный, хотя, быть может, неправильный по существу протест депутатов - Дандевиль посмотрел, как на бунт. Не в меру ретивый прислужник полицеймейстер распорядился арестовать депутатов. А на следующий день почтенных, уважаемых и заслуженных

старых казаков выгнали на улицу чистить кочки... И при том, - чтобы больше подчеркнуть унижение, - чистить улицу им пришлось перед атаманским домом.

Это оскорбление, разумеется, всколыхнуло все войско и придало дальнейшей борьбе Железнова с Дандевилем характер защиты против произвола и беззакония...

Я не стану описывать подробно этой характерной борьбы (которая изложена в биографии И.И. Железнова). В ней пострадали обе стороны, и ничего не выиграло существо дела. Дандевиль получил из Петербурга замечание. Железнов испортил свою карьеру, а впоследствии, по каким-то придирам был даже отдан под следствие, что уже не делало чести его противникам. Биографы уральского писателя говорят, что все это сильно расшатало его здоровье и, может быть, сократило даже его жизнь...

А воз с илецким вопросом остался на месте... На берегах Иртека и Киндели кипела та же борьба, стояли у водопоев пикеты, происходили наезды, побоища, скручивание рук свистом и захваты в плен противников воинственными атаманами враждебных общин*...

* Уже в самые последние годы мне писали знакомые, что вековая тяжба наконец разрешена в пользу Илецкой общины.

В пугачевском движении Илек сыграл огромную роль. Сначала первые пугачевцы, посылая эмиссаров по верховым станицам до Оренбурга, сильно сомневались, какое положение займет Илек. "Мы с ними не в согласии", - говорили они Пугачеву и боялись, что царь, которого выводили в люди яицкие казаки, в Илеке встретит упорное сопротивление. Если бы это случилось, то, быть может, самое движение не приняло бы таких размеров.

В первое время пугачевцы действительно пробирались мимо Илека не линией, а степями, и в войсковом архиве сохранились донесения пастухов Мартемьяна Бородина о том, что пугачевцы захватывают на хуторах его лошадей, обскакивая Илецкую станицу. Но затем Пугачев, надеясь на свою удачу, подошел к самому Илеку... Несчастный Портнов попытался оказать сопротивление, но ворота были открыты, и "царь" въехал в крепость под колокольный звон и радостные крики... На мосту старые служивые казаки узнавали Петра Федоровича, которого видели якобы на смотрях в Петербурге. Портнов был повешен...

Мне захотелось посмотреть остатки старинной крепости, прежнего моста, по которому с развевающимися знаменами входили пугачевцы, и место гибели Портнова... Мне указали Ивана Яковлевича Солдатова, глубокого старика, бывшего станичного атамана. Говорили, что он интересуется стариной и читает. Значит, темные предания старины сводит с писаными историческими источниками.

Мы и отправились к старику с Макаром Егоровичем Верушкиным.

Он сидел во дворе своего дома над самой кручей высокого уральского берега. Мы сели на скамейке рядом. Под ногами у нас река катила свои волны, виднелись ее пески, отмели, луга...

На мой вопрос Иван Яковлевич улыбнулся.

- Вот это, - сказал он, - почти вся старая крепость. Только этот уголок и остался... Остальное поглотил Яик Горыныч... Вон там, на самой середине реки, был дом, где я родился. Ваш дом, Макар Егорович, тоже, кажется, в реке?..

- Да, - ответил Макар Егорович... - Наш был подальше... Тут вот были Маньковы, потом Смировы... Наш, пожалуй, придется вот на ту отмель...

- Верно... Еще дальше стояла церковь. Это уже, пожалуй, придется на том берегу...

И они принялись восстанавливать по воспоминаниям исчезнувший город. Река по какому-то капризу степных ветров резко повернула свое течение, срыла высокие кручи, свалила дома, огороды, улицы и старые крепостные валы. Потом она остановилась и стала отступать обратно. У величавых круч с уцелевшей частью городка она оставила отмели песков и ила... На этих

отмелях успела вырасти роща осокорей... И теперь, глядя с высоты на эту кудрявую рощу, мимо которой весело скакали к водопою казачата, на синюю ленту реки, на заречные луга и далекий степной горизонт с заходившим солнцем, - трудно было представить, что еще так недавно здесь стояли дома, церковь, сады, огороды... Все это лишь с трудом вставало Б воображении, подымаясь над рекой призрачными очертаниями ушедшей куда-то жизни...

Набежала минута молчания... Мои собеседники думали, вероятно, о местах, где прошло их детство и юность и над которыми теперь катились волны реки. Я думал о нашей "степной" истории...

В других местах она строилась из железа и камня, закрепляя камнем и железом каждый свой шаг, политый потом и кровью поколений... А степную историю и наносил и разносил буйный ветер, намывали и срывали степные реки, как смыл и разнес молчаливый Яик эту крепостцу, свидетельницу стольких драм... Степь всосала потоки крови, на ней поросли буйные травы, ветер налетел и опять разнес песчаные бурханы... Также пронеслось вихрем знаменательное степное движение. Прошумело и затихло. Кто помнит теперь участвовавших в нем лиц, с их характерами, стремлениями, надеждами... Песен сохранилось удивительно мало. Преданий не слышно. Казенные источники рисуют всю эту толпу на одно лицо: туманное скопище призраков, отмеченных общей характеристикой бунтовщиков и злодеев... Степное марево, как облака в знойный день, как переносные пески, наметаемые изменчивыми ветрами.....

Современный Илек уже очень мало напоминает бывший боевой аванпост Урала. Теперь это большая станица, пожалуй, местечко, с пятью с половиной тысячами жителей, из которых около двух пятых не казаки, а иногородние. Это тоже своего рода течение, подмывающее устои казачьей жизни, которому в недалеком будущем предстоит произвести в ней свои обрывы... Когда-нибудь эти новые слои населения потребуют, конечно, и своего представительства. Жители Илека занимаются хлебопашеством и торговлей с киргизской степью, и, кажется здесь более, чем в других местах, заметен начинающийся процесс "расказачения" - перехода к мещанству. В тот вечер, когда мы были в Илеке, шло чтение с туманными картинками. Публики было много, и среди нее попадались киргизы, заезжающие из степи. Жизнь, хотя и сонная, делает свое дело, сглаживая старые грани...

В Илеке - станичное управление, телеграф и почта Интересно, что почта соединяет Илек не с Уральском, а с оренбургской железной дорогой. Для надобностей войсковой администрации есть станичные казенные пересылки, а в экстренных случаях - "летучка". Когда же мне захотелось отправить письмо в Уральск (150 верст), то оказалось, что оно пошло сначала на север,

до оренбургской железной дороги, оттуда повернуло на Самару, потом пошло пароходом на юг, по Волге, до Саратова и затем опять по железной дороге вернулось в Уральск уже с запада. Я имел удовольствие получить его лично, вернувшись и даже успев отдохнуть от поездки... Наконец, нужно упомянуть еще, что в Илеке есть "общественное собрание", гостиница и два биллиарда, на которых богатые киргизы мирно сражаются с торговцами и казаками.

Посередине городка тянутся лавки и палатки огромного илецкого базара с чрезвычайно разнообразной и живописной толпой. Казаки в форменных фуражках, казачки в старинных живописных сарафанах с парчовой оторочкой, мужики, мещане, торговцы, солидные татары. Покачиваясь над пестрой толпой и важно оглядываясь по сторонам, выступает верблюд, на горбе которого сидит киргиз в ватном халате, меховой шапке и под зонтиком. Наконец, пробираясь в густой толпе, едут и еще казаки, но уже в другой форме, с синими околышами.

Это приехали на базар оренбуржцы из-за близкого рубежа. Один отстал и догонял товарищей. Лошадь под ним горячилась; у всадника буйные кудри щеголевато выбивались челкой из-под шапки... Я невольно загляделся на типичную фигуру, какие часто можно видеть на улицах Петербурга, при возвращении с парадов.

- Что, господин, на молодца загляделись? - спросил у меня красивый старый казак, проследив мой взгляд...

- Что-ж, и вправду молодец, - ответил я.

Казак небрежно скользнул взглядом и ответил с усмешкой:

- Мужик это на лошади, а не казак... По-нашему этак... Природы нету...

В это время, трюся на своих поджарых лошадках, проехало несколько киргиз... Мне казалось, что сидят они небрежно, некрасиво, без выправки, с поджатыми в высоких стремях ногами. Но старый казак взглянул на них одобрительным взглядом и сказал:

- Вот это всадники природные... Нам не уступят... - И он внезапно вытянул ближайшую лошадь нагайкой. Лошадь шарахнулась, но всадник и не шелохнулся, точно прирос к седлу. Он оглянулся, понял шутку, и они обменялись несколькими киргизскими фразами...

В конце базара, в невзрачном двухэтажном деревянном доме помещается заведение с полинявшей надписью "Трактир Плевна". Двери его то и дело визжали на блоке и хлопали за входившими. Я с моими спутниками Макаром Егоровичем Верушкиным и Иваном Ивановичем Иванаевым решил зайти туда же.

Внизу было полно, стоял сплошной гул, из которого выносились то и дело то громкое "ласковое" ругательство, то обрывки песни. Расторопный половой, с необыкновенно грязной салфеткой через плечо, предложил нам пройти наверх, на чистую половину и провел нас в угловую комнату. Тут было просторнее и как будто чище. Он быстро стряхнул на одном из столов скатерть, обмахнул ее грязной салфеткой и тотчас же устремился за "парой чаю"...

Я оглянулся. Под стенками, у маленьких столов, по большей части в одиночку сидели киргизы в своих тюбетейках... Расстегнув ватные или даже меховые архалуки, они неторопливо и степенно тянули чай. Казаки, наоборот, держались группами. Базар стихал, в трактире становилось все шумнее...

Невдалеке от нас за двумя сдвинутыми столиками у окна сидела группа старых казаков с седыми бородами, в длинных, старинного покроя кафтанах, называемых здесь азямами. На столе стоял графин с вином и налитые рюмки. - Ну, что ж, - говорил один из стариков, несколько сутулый гигант с бородой до пояса, молодому человеку, почтительно стоявшему около него. - Тебе, значит, надо полечить будару... Это мы можем. Я старый каюрчей, мастерства своего не скрываю, могу тебе помочи... Возьми ты, значит, известки, да горячей смолы...

Молодой человек, по-видимому, из иногородних, почтительно выслушал рецепт и, вежливо поблагодарив "каюрчая", вышел. А старики принялись за прерванную беседу.

Их было трое, три великолепные фигуры в выдержанном старинном стиле. У "каюрчая", кроме длинной седой бороды почти до пояса, были такие же седые нависшие брови, из-под которых глаза сверкали несколько угрюмо и мрачно. Другой имел физиономию довольно распространенного на Урале типа: середина лица как бы раздувалась, уходя в толстый нос и большие губы. Когда-то черная, теперь полуседая, длинная и густая, как войлок, борода курчавилась, суживаясь книзу. Он был пьянее своих собеседников, говорил мало и только иногда покачивал лохматой головой.

Мне показалось, что в третьем собеседнике я узнаю того самого казака, который в базарной толпе осуждал оренбуржца и одобрял киргиз. Наружность его обращала невольное внимание. Красивое чистое лицо, седые круглые брови, из-под которых глядели темные, совсем молодые, пламенные глаза. Небольшие, тоже седые усы оттеняли тонкий рот с приятной, чуть насмешливой улыбкой. Едва заметно выдавшиеся скулы и маленькая остроконечная курчавая бородка намекали на примесь инородческой крови, но глаза были синие. Фамилия его оказалась Юносов.

Старики говорили о китайской войне, исходом которой в то время было чрезвычайно заинтересовано все войско. По старым книгам выходило так, что, когда Китай подыметя, настанет кончина мира. Теперь старики подсчитывали признаки близкой катастрофы.

- Погоди, - говорил угрюмый "каюрчей". - Сколько же царей-то выходит? Наш - раз, англичанка, да итальянец, да француз, да японец - выходит пять... Австрияк шесть...

- Ну, американец - седьмой, чего же тебе! - прибавил Юносов. - Сказано семь держав. Семь и есть...

- Верно... По писанию в акурат... А между прочим пока что, - китайца-то державы бьют...

Я уже и раньше слышал, что по Уралу ходят мрачные предсказания, связанные с начавшейся тогда китайской войной... Семь царей, - гласило какое-то пророчество, - пойдут войной на восточную державу и погибнут... И тогда настанет суд миру... Но около собеседников на столике лежал номер "Уральца", и известия его решительно говорили, что державы не погибают, а, наоборот, всюду побеждают китайцев.

- Это, пушай, слава Богу... - говорил "каюрчей". - Христианство одолевает...

- Да ведь дело-то еще не вовсе кончено, - возразил Юносов... - С Китаем, товарищи, дело опасное. Сила-то у него копленая. Сколько, можно сказать, веков сидел в стороне, ни с кем не воевал... Теперь как подыметя враз... Нарроду у него тьма тем... Аки песку морского...

В это время в комнату заглянул молодой казак. На голове у него была форменная фуражка, но на плечах пиджак довольно затасканный, неопределенно-серого цвета. Лицо у него было открытое и веселое. Он не совсем твердо стоял на ногах, и добрые глаза искрились веселыми огоньками. Увидев стариков, он остановился посредине комнаты, обеими руками стащил с головы форменный картуз и, расставив широко для равновесия ноги, отвесил низкий поклон.

- Здорово, господа, старое войско...

- Здравствуй, Каллистрат, - ответил приветливо Юносов. - Кого ищешь? Садись с нами...

- Я тут товарищей ищу...

- А мы тебе не товарищи, что ли? - угрюмо спросил "каюрчей".

- Товарищи, верно! - с заискивающей ласковостью сказал Каллистрат, но, когда он оглянулся по комнате, мне показалось, что в серых глазах молодого казака сверкнул насмешливый огонек...

- Вы наши отцы! - сказал он, еще ниже наклоняя обеими руками свой картуз.

- Мы за вас... вот!..

- Ну, так садись...

- Я признаю так, что вы достойны старики, что нам с вами сидеть. - Это - мы вас покорно благодарим. Ну, как у нас канпания... Будет соглас, ай нет? Я должен спросить.

- Добро, зови их сюда! - добродушно сказал Юносов. - Вон рядом свободно... Через минуту Каллистрат вернулся со своей компанией. В ней прежде всего обращал внимание низкорослый, черный, как уголь, молодой казак с большим носом и огромными, как у нетопыря, торчащими врозь ушами. Несколько смешная, сплюснутая к носу голова с тонкой и длинной шеей сидела на узких плечах, но во всей фигуре чувствовалась какая-то дикая, хотя и несильная удаль. Если бы увеличить размеры этой фигуры, - получился бы уродливый образ дикого степного хищника... Теперь это было как бы маленькое его издание... За ним вошли еще две-три незначительные фигуры, и шествие замыкал грузный приземистый мужик, в косоворотке и поддевке, в огромных стучащих сапогах, с рыжей лопатовидной бородой... Войдя, он поклонился присутствующим и сказал с довольным видом:

- Вот, угощаю казаков... Я!.. Песни велю играть...

- Простите нас, отцы, - опять с ласковым смирением сказал Каллистрат... - Стеснили вас.

- Не заест лихота, не заест теснота, - весело ответил опять Юносов. - Чай свои люди, товарищи!

- Верно, отец! Все мы казаки, все, можно сказать, одной Европы. Так ли я говорю?

- Правильно.

- Теперь вот в Китай нас погонют, - продолжал Каллистрат и лукаво оглянулся на товарищей. - Станем Китай воевать рядом с немцем или с англичанином. Выходит - тоже товарищи... Да что, отцы! Быка запрягут с коровой: идет! Потому - не пойдешь... ударют...

Мужик фыркнул в бороду. Старики насупились.

- Ты к чему это применяешь, а? - мрачно спросил каюрчей.

- Товарищи!.. Старики! - с удвоенной и все более двусмысленной ласковостью заговорил опять Каллистрат... - Вы наши отцы!.. Мы за вас всю кр-ровь...

- Ну, так и садись, чего стоишь... В ногах правды нет, - опять смягчился Юносов. - Давай, товарищи, песни играть. Заводи!

Молодые казаки, пошатываясь, нетвердо заняли места. С ними уселся и их амфитрион, грузный мужик. На ногах остался один Каллистрат. Он как-то жалостно посмотрел сначала на своих товарищей, потом на стариков и сказал:

- Песни?.. Оно бы можно... Да ведь не споемся... Отцы!.. Вот ведь беда в чем. Песни у нас пошли новые, не ваши.

- Ну, что там. Все песни у нас в кармане. На какоу ткнем, ту и споем. Эх, - сказал Юносов с усмешкой и тряхнул седой головой... - Певал и я когда-то. Теперь голос стал, как у старого верблюда!.. Ну, играй, ребята, заводи хоть свою, новую... Мы послушаем, да и подтянем гляди, враз... Не отстанем...

- Заводи, ребята, не кобенься, - сказал мужик. - Вишь старики поштенные просят... Старое войско... Погоди, старики... Ничего... Только вот выпить надо...

Он разлил по рюмкам принесенное половым вино. Казаки выпили. Каллистрат, все оглядываясь на товарищей, чокнулся со стариками. После этого щедедушный запевала откинул голову назад и подпер щеку ладонью... Большой кадык на его тонкой шее надулся, и он запел резким, но сильным и своеобразным фальцетом, какой иногда несетя в солдатском хоре, покрывая все голоса...

- Буде-ем биться со врагами...

И хор тотчас же подхватил негромко:

- Буде-ем би-и-иться со врагами,
Пул-ля в пулю попадать...
На биваке, пред огнями
Будем водку выпивать...

И, внезапно изменив размер песни, весь хор подхватил громко и разухабисто:

- Пей, друзья, покуда пьется,
Горе в жизни забывай.
На Урале так ведется:
Пей, ума не пропивай!

Пение у молодежи не ладилось. Певцы были пьяны, и, кроме того, голоса у них были усталые. Смуглый запевала имел вид изнеможенный. Под конец он сорвался.

- Ну-у!.. Четыре колеса, два намазаны, - сказал насмешливо каюрчей. - Петух в горле закричал...

- Ничего, ничего, - поддержал благодушно Юносов - усердие есть, да голоса-те маленько, видишь ты, того... подгуляли...

- Верно, - согласился Каллистрат. - Мы, старики, так что уж третьи сутки крутим. Охрипли. А отчего, спросите, третьи сутки короводимся, так мы вам, старики, можем объяснить... У Сидорова были мы... Товарищ наш... Сидорова знаете вы, старики?.. Да - как чать не знать... Сидорова все войско...

- Не то что войско, - подхватил запевала, - все европейские державы знают...

- В ведомостях печатают, - одобрительно подтвердил мужик...

Уральский казак Сидоров в то время стал газетной знаменитостью. Он только что вернулся из Абиссинии, где служил негусу в отряде генерала Леонтьева. Благодаря одесским репортерам, имя Сидорова обошло все газеты. В статьях наперебой говорилось об его выносливости, бодрости и находчивости в трудные минуты. Урал гордился тем, что Сидоров "заткнул за пояс донцов из того же отряда"...

- Сидоров - нечего сказать, молодец, - одобрили и старики. - Не посрамил уральцев...

- Выпьем за молодца Сидорова... Герройский казак... - сказал мужик. - Ну-ка, ребята, выпей, поправься... Да заводи опять... Уважь старикам, не осрамись... Певцы выпили, подтянулись, и запевала опять закинул голову... Песня полилась несколько стройнее. Это была действительно новая песня: молодые казаки привезли ее с маневров. Тон был не совсем народный: в песне говорилось о смерти с легкостью и цинизмом, совершенно несвойственным народной поэзии. Только в середине пробились искренняя задушевная нота.

- Может, завтра в чистом поле
Да кого-нибудь из нас
Между мертвых полумертвым
Будет ждать последний час.

Казаки вели песню уныло, с каким-то воющим отголоском. Но тотчас же опять это сменилось развязной удалью и цинизмом:

- Может, завтра в чистом поле
Нас на ружьях понесут,
А уж водки после боя
И понюхать не дадут.

Хор смолк, оборвав резкой визгливой нотой в чисто солдатском вкусе. Мужик самодовольно крикнул:

- Что, старики... Плохо, что ль?.. Молодцы ребята. Э-эй... водки еще... Услужайший!

Старики некоторое время молчали...

- Эх, товарищи! - искренно и просто сказал затем Юносов. - Старые-те песни много лучше... Годы наши не те... А вы, молодые, старых-те песен уже не поете...

Малый принес водки. Молодежь шумно выпила... Когда суета несколько стихла, Юносов затянул у своего стола:

Ка-ак на Волге реке, на Камышинке...

Он не хвастал, когда говорил о своем прежнем пении. В его высоком, слегка дрожащем теноре была какая-то внутренняя глубина и задушевность.

Казалось, стены трактира разомкнулись, и степь отвечает певцу своими дальними замирающими отголосками... Но он вдруг опять оборвал...

- Давай, ребята, воровской корабличек... Он откашлялся и затянул опять:

- Ка-ак по-ó-моря было, моря синему,
По тому морю по Каспицкому...

К Юносову присоединился каюрчей. Голос у него был грубый и дикий, но сильный.

- Как стоял там на якоре воровской корабличек...

Старая песня крепла, постепенно овладевая трактирным гамом. Но тут третий старик, с лохматой бородой, сильно пьяный, слегка встрепенулся, поднял голову и прислушался... В его мутном взгляде мелькнуло сознание, сначала неясно, как будто издали. Но вдруг он весь дрогнул и, поведя по комнате черными, как сливы, немного осоловевшими глазами, рывкнул сразу огромным басом:

- На стулу-то сидит наш батюшка э-да!
Воровско-а-ай атаман...

Несуразный бас, от которого задрезжали стекла в окнах трактира, сразу покрыл и прервал наладившуюся было песню. Юносов благодушно засмеялся и сказал:

- Постой ты, старый верблюд!.. Вишь, голос-то... Пушка! А вы, молодые, что не подтягиваете?

- Это что за песни! - сказал молодой запевала с пренебрежением, а Каллистрат прибавил:

- Говорю я, Астафий Иваныч, не спеться нам молодым с вами стариками.

- Почему так не спеться?.. Одно войско...

- Одно да не одно, служба другая...

- Чем другая служба?.. Все за отечество же кровь проливали.

- Это мы не говорим, ну, только теперь другое...

Он засмеялся, как будто сдерживаясь. Молодые казаки тоже самодовольно ухмылялись. Каюрчей тяжело уставился в Каллистрата своими мрачными глазами и сказал:

- Как не другое!.. Другое и есть: мы на всем своем служили, а теперь вас кормят, поят, одевают, обувают. Все у вас готовое, Шеи у подлецов вот какие!

- А Сидоров? - возразил кто-то из молодых. - Сидоров чей? Не наш, что ли?

- Об Сидорове слова нет. Да ты-то где был? Твоя служба где?..

- В Киеве были мы, на маневрах...

- На маневрах?.. Это служба!.. Ты кровь пролей, тогда и хвастай...

- Мы дисциплину знаем, - задорно сказал запевала. - У нас все по форме. Взять, теперича, саблю; она какая должна быть? Форменная сабля она должна иметь правильное ударение наискось. Видал, как киргиз кугу режет? А у вас какая форма была? Ни у вас мундир, ни у вас, например, муниция...

- В стеганых халатах на смотры выезжали! - смеясь подхватили в кружке молодежи.

- Из "турок" палили. Турка какой прицел дает? На какую дистанцию?..

- С подсолнушными стволами вместо копий на тревогу выбегали, - прибавил Каллистрат. - Вот оно, - сказал он, поворачиваясь к нам, - старое войско какое было, господа...

Старые казаки заворчали, и каюрчей резко поднялся со своего стула. Но Юносов, все еще веселый и сдержанный, спокойно усадил его на место и сказал опять примирительным тоном:

- Ну, будет, товарищи!.. Зачем вздорить. Давайте лучше опять песню споем, все вместе. "Как за речкою то было", ну, подтягивай, молодые!.. Эту и вы знаете...

Он поднялся, стал в середине, махнул рукой и затянул размеренно и протяжно:

...Как за речкою то было, за Утвою,
За Утвинскими то было за горами...

Старый, приятный, дрожавший сначала тенор Юносова окреп и зазвенел слезами и тоской старинной думы... Стены трактира опять будто раздвинулись, и опять влились в них отголоски степи. Каюрчей, сдвинув лохматые брови, пристал к Юносову, и печаль старой песни полилась ровным могучим потоком...

...Да распахана там пашня яровая...

Третий старик окончательно очнулся и на этот раз уже в лад присоединил к прочим свой могучий бас:

Пашня пахана не плугом, не сохою,
Она пахана булатными копьями,
Взборонена конскими копытами...

Эта дума, в которой войско до сих пор вспоминает о гибели целого отряда в жестокой степной сече с киргизами, - видимо, не умерла еще и в сердцах казачьей молодежи. Запевала опять вскинул голову, подпер щеку рукой, и его тонкий, несколько дикий фальцет взвился и заплакал над тремя старыми голосами, точно это был крик чайки над шумящей степью...

И засеяна та пашня яровая
Все казачьими удалыми головами...

На несколько минут грустный напев вполне завладел трактирной суетой... В нашей комнате все замолчали, из соседних подымались казаки, толпились в дверях, слушая, одобряя, подтягивая. Хор разрастался... "Кто польет тебя?" - спрашивал высокий фальцет молодого казака и вибрирующий тенор Юносова... И весь хор отвечал им:

Кто польет тебя?... Разве с неба дождик.
Иль источит слезы мать родная...

Последние ноты замерли точно отдаленный стон в темную ночь... Несколько секунд стояло глубокое молчание...

- Да, вот у нас как пели в старом войске, - слезою изойдешь! - сказал Юносов дрогнувшим голосом, и вдруг, распахнув резким движением азым, ударил себя кулаком в грудь.

- Можете вы старое войско оборать, щенки! - крикнул он неожиданно. - Стой, Каллистрат. Мо-ол-чи!.. Вы тут много говорили, мы вас, старые казаки, слушали. Теперь мы скажем, вы, молодые, послушайте. Ты говоришь: где мы служили? Здесь мы служили, на Яике!..

- Огороды караулили, - смиренно вставил Каллистрат, оглядываясь на своих.

- Дурак ты, не понимаешь. Старое войско эту степь наскрозь кровью пролило! Орда тут кругом сидела. Да не нынешняя орда... Не замиренная, злая!.. Баба, напримерно, вышла за реку, хоть, скажем, на ту сторону, за мост, - уж ее кыргызин схватал, через луку перекинул, в степь волокет...

- Баба малое дело, - с беспечным ухарством сказал запевала.

- Малое дело, - ты говоришь? - повернулся к нему Юносов, с загоревшимися глазами. - Дур-рак ты, дурак. Щенок!.. Да ведь она мне жена, моим детям мать, тебе, дураку, может быть, бабушка была!.. Ударят тревогу, собираются казаки, строятся, ждут есаула, аль атамана, а кыргызин мчится по степи, только пыль курится...

А я за ним в степь скакать не моги, не дозволено... За это - расстрел!.. Понял ты, каково это? А ваши теперь ребяташки в Карачаганак задеря рубашонки бегают... Все от кого? От стариков, от старого войска... От нашей крови...

- Да, - подхватил каюрчей, - вот мы где служили... Давно ли старому войску медали даны! Значит, стоило...

В толпе слушателей, набившихся в дверях, раздалась возгласы и шум. Публика разделялась. Одни стояли за стариков, другие за молодых... А в это время насмешливый бесенок, сидевший в хмельном Каллистрате, опять зашевелился. Он приподнялся и, поклонившись с притворным смирением, сказал:

- Отцы! Дозвольте мне... Я вам скажу, за что вам медали дадены...

- Ну? - протянул Юносов подозрительно. - Говори, есть когда в дело...

- Наделал, скажем так, хозяин горшков...
- Не об горшках дело!
- А вы, старики, слушайте, - крикнул один из молодежи, предвкушая новую выходку Каллистрата.
- Ну, наделал горшков, - продолжал тот, оглядываясь и играя глазами. - Надо их куда-нибудь класть... Так ли, товарищи?
- Верно, верно! - крикнули молодые.
- Ты это к чему применишь? - угрожающе спросил каюрчей.
- А к тому и применю, что, значит, некуда ставить, он их на плетни и надел... То же самое и медалей царь много наделал. Куда их девать? Дай, дискать, на старое войско надену!

Это неожиданное оскорбление упало в толпу, как выстрел. Старики сначала как будто растерялись от неожиданности, молодежь шумно захохотала... Но вдруг три старых казака встрепенулись, как три льва...

- Могешь ты такие слова выражать? - крикнул гигант каюрчей.
- Гол-лову подлецу раскрою вдребезгии! - раздался неистовый бас пьяного брюнета, и он весь нелепо мотнулся вперед, к столу, подняв руки, всею тяжестью своего тела... Я ждал, что сейчас зазвонят стаканы, загрохочут столы, начнется безобразное побоище. Но Юносов отбросил пьяного товарища назад и выступил сам...
- Стой, Никифор! А вы, щенки, когда так, выходи на нас!..
- Выходи! - загремели, поднявшись, двое других... И все трое, выйдя на середину с покрасневшими лицами и сверкающими глазами, стали засучивать рукава азымов.

Я невольно залюбовался этой картиной. Три представителя старого войска, седые, крупные, как будто еще выросшие, стояли в середине тесной комнаты, с горящими глазами и выпятив вперед крутые груди.

Это было живое прошлое залитого кровью Урала, строптивая и непокорная боевая старина "сурьезного" войска, боровшегося целые века за свое исключительное местное значение, за степную волю, против дисциплины и регулярства. С другой стороны, в лице этой молодежи выступала победа "регулярства", тщеславная гордость маневрами, строевым ранжиром и дисциплиной. В комнате и у порога ее стоял невообразимый шум. Публика стала разделяться. Возбужденные враждебные крики скрещивались в воздухе, какой-то старик пробился в середину и стал рядом с Юносовым,

- Держись, старое войско... Головы щенкам расколотить за такие речи, - кричал он. - Кто за старое войско... Иди к нам.

- А где наша антирелия, старики, где наши знамена? - выкрикивали молодые... - Старое войско бунтами потеряло. Где атаманска насека? Что-о?.. Все вы потеряли.

- Это вы оставьте! Это дело старое... Этого вы не можете понимать. Это в 1837 году было...

- Даром, что давно... А зачем было старому войску за колесья хвататься?.. Это порядки?.. А?..

Они намекали на крамольную просьбу, поданную наследнику Александру Николаевичу. Говорят, что при этом просители остановили за колеса коляску цесаревича.

- Затем и хватались, что добра войску искали, - отвечали старики. - Не об худом просили... Об деле...

- За все войско страдали... Глупее вас были?.. Не понимали, вишь.

- Товарищи, - крикнул Юносов, и его звонкий голос вынесся над общим гамом. - Не понимают они... Они войску не сыны, не внуки... Выходи! - страстно закончил он... - Выходи, когда так, в степь... Садись на коней...

- Сейчас выходи в степь. Трое на трое. Погляди, как мы, старое войско, вас молодых щенков... и с маневрами вашими с седел снесем.

- Аки вихорем сдуем... А! Вы этак?.. Заслуги наши к горшкам приравнял...

Старые голоса гремели, глаза стариков сверкали, и в ответ им в толпе отдавался ропот и гул... То и дело протискивался еще какой-нибудь старик и становился рядом с Юносовым и его товарищами. Толпа расступалась и пропускала их... Каллистрат, по-видимому, понял, что зашел слишком далеко. Он присмирел...

- Ну что вы, старики, - заговорил он своим вкрадчивым голосом... - Об чем вздорить?.., все товарищи... все кровь прольем за царя, за отечество...

Он вышел вперед и, как в начале этой сцены, опять поклонился старикам в пояс.

- Отцы! Старое войско!.. Простите, Христа ради... Да неужто-ж мы что-нибудь супротив вас?.. Да мы вами живы. Братья, товарищи... Молодые казаки... Правду я говорю? Мы старое войско вот как почитаем... Всю кровь... Я не видел его глаз и не мог разобрать, искренно ли он просил прощения, или опять готовился отпустить какую-нибудь веселую неожиданность... Я чувствовал только, что если это случится, то вся старая "Плевна" задрожит от последствий молодой наглости. Но вкрадчивый голос Каллистрата звучал подкупающе-мягко, даже заискивающе. Старые казаки, видимо, растерялись от этой внезапной покорности... Юносов посмотрел на молодежь и отвернулся к своему столу... Каюрчей ругался. Третий товарищ оглядывался с тупым гневом и что-то глухо ворчал про себя...

В эту минуту общей неловкости произошло неожиданное вмешательство. Мужик, угощавший молодежь, надумал что-то и со своей стороны. Растолкав казаков локтями, он вышел на середину комнаты, расчистил место и стал, широко расставив ноги, точно врос в пол...

Потом посмотрел кругом исподлобья каким-то внезапно ожесточившимся взглядом и сказал:

- Эй, казаки! Будет вам выхваляться тут. На-ка вот... подымите мужика... Трешку за руки сейчас - не подымете.

Выходка вызвала смех. Но мужик, очевидно, смотрел на свой вызов серьезно. Оставаясь все в той же позе каменного идола с раскоряченными ногами, он достал из жилетного кармана трешницу и стал совать ее ближайшему к нему Юносову...

Тот посмотрел на него сверху и сказал с пренебрежением:

- Стар я... Молод был, - не эдаки кули подымал...

- Мужик, не суйся промеж казаков... Тебе тут не дело! - крикнул смуглый запевала и стукнул по столу... А Каллистрат прибавил:

- Нашто тебя, дядя, подымать?.. Вас мужиков мало ли! Дешевы. Подымать не стоит...

Мужик оглядывался исподлобья и ждал. Но затем видя, что никто не принимает вызова, - он как-то укоризненно крикнул, спрятал бумажку в карман и нетвердой походкой привалился к столу... Мимоходом он наклонился ко мне и, обдав меня запахом водки, сказал конфиденциально:

- Не подымет... Ни один... Легкой народ казаки... Самофалы...

.....
.....

Выйдя из "Плевны", мы пошли значительно опустевшим базаром. Оба мои спутника, природные казаки, шли молча. Все мы понимали, что случайность сделала нас свидетелями не простой трактирной ссоры подвыпивших казаков. В памяти моей невольно встали стихи казачьего поэта-самородка, вольнолюбивого и строптивого Голованова:

...И	старинка	боевая,
Как	шеренга	фрунтовая,
Под ранжир подведена...		

Эта коренная уральская старина сейчас стояла перед нами с ее своеобразной поэзией, с ее понятиями о широкой степной воле, понятиями странными, подчас полуазиатскими, за которые, однако, старое войско умело когда-то постоять грудью... Теперь эта старина тихо сходит со сцены, а в лице молодежи выступает уже что-то другое, еще неясное и тоже странное... И

невольно в уме вставал вопрос: неужели это только фрунтовая шеренга и честолюбие парадного строя?..

ГЛАВА XIII

В гостях у степного сановника. - Обратный путь. - Утва. - Аул

Чингисхановичей. - Опять в Январцево. - Заключение

Илецкая станица была последним пунктом нашей экскурсии. Отсюда нам предстояло вернуться обратно, и мы задумали совершить этот путь киргизскою степью. Но раньше мне хотелось еще, пользуясь положением Илека в непосредственном соседстве с аулами - побывать в гостях у кого-нибудь из киргиз.

Мои илецкие знакомые чаще всего называли имя Ирджана Чулакова, бывшего управителя Карачаганакской волости. Сомневались только, вернулся ли он уже из глубины степи. Впрочем, был конец июля, и киргизские кибитки все чаще усеивали берега Урала... Говорили, будто Ирджана видели уже в общественном собрании, играющим на бильярде...

На третий день моего пребывания в Илеке к воротам дома Верушкиных подъехал незнакомый господин на горячей серой лошади, запряженной в линейку...

- Ирджанка прикочевал, - сказал он, когда мы вышли на зов. - Едем... Иван Иванович с компанией уже уехал... Да садитесь, пожалуйста... Видите - дьявол этот руки мне оттянул. Не удержать никак...

Лошадь действительно рвалась, била копытом и косила кровавым глазом. Думать было некогда... Мы захватили фуражки и уселись на линейку. Я - в середине, Макар Егорович сзади, - и серый сразу рванулся с места. Мне показалось, что в то же мгновение дома, заборы, вся улица понеслись назад в каком-то вихре. Через минуту за нами мелькнули последние избы станицы, и мы понеслись в степь по пыльной бугристой дороге... Ветер свистел мне в уши, и вместе с запахом травы и хлебов ко мне доносился легкими струйками запах вина... Мне пришло в голову, что едва ли эта поездка кончится добром. Жеребец все мчался, как бешеный, а незнакомый господин только гикал и кричал нам: "держитесь, держитесь"... В одном месте линейку трянуло так, что мы едва усидели; она нырнула книзу и резко взлетела на возвышение...

- Вал! - крикнул возница, - граница киргизской степи!.. - Я едва разглядел старинный перекоп, - остатки рва и вала, темной разорванной линией как бы змеившиеся по степи. От остального пути у меня осталось впечатление бешеной скачки, какого-то мелькания по сторонам и багрового заката, трепетавшего где-то вдали над горизонтом.

Но вот колеса заскрипели в глубоком песке. "Дьявол" пошел тише. Незнакомый господин повернул ко мне лицо и, пристально оглядев меня, - сказал неожиданно:

- Так это вы... Писатель?..
- Да я, - ответил я ему, переводя дух.
- Странно, - оказал он.
- Почему же? - удивился я.
- Не похоже... Писатель! Должен быть человек гуманный...
- Но позвольте, - улыбнулся я. - Почему же вы знаете, что я не гуманный человек? Ведь вы меня первый раз видите.
- Видел... в общественном собрании... Даже водки не пьете... Гуманный человек, - заявил он решительно, - сейчас бы... к буфету... Мы бы тебя угостили... Ты бы нас угостил... И пошли бы крутить до ночи... Вот это гуманность... Что, не очень растряс я вас?

- Правду сказать, - порядочно, - ответил я покорно.

- Ничего. Это у меня не лошадь, а теленок... Другой у меня есть, тоже серый, в яблоках. Ну, на том пьяный не поедешь... Вон наши едут...

Впереди действительно слышалось тарахтение колес, и через несколько минут мы догнали тарантас, в котором сидели Иван Иванович и еще два илецких обывателя. Коляска остановилась. Мы стали знакомиться. Это были торговцы "иногородние", хотя и они, и, пожалуй, их отцы родились на Илеке. Но они не казаки. Солнце село, заря угасала над темнеющей степью. Вся эта поездка случилась как-то так быстро, что мне только теперь пришел в голову вопрос:

- Не поздно ли мы собрались, господа?.. В степи, должно быть, ложатся рано...

- Ну, что за церемонии, - ответили мне новые знакомые. - Ирджанка приятель. А только вы вот что, - посоветовал мой возница, - вы того... Вы будьте погуманнее... Надо уважать обычаи. От кумыса не отказывайтесь, ешьте побольше... Да вы смотрите на нас, как мы, так и вы... А первый кусок, который вам подаст хозяин, - отдайте обратно. Ему будет лестно...

Через несколько минут пески кончились, и степь опять неистово рванулась нам навстречу... Впереди замелькали огни кочевья...

Кочевье Ирджана Чулакова состояло из нескольких кибиток, расположенных полукругом над небольшой речкой. Около одной из них горел огонь, работники и работницы доили кобыл. Невдалеке от дороги, разговаривая с киргизом, державшим в поводу оседланную лошадь, стоял сам хозяин. Он был одет в кафтан, вроде поддевки из чесучи, такие же брюки, засунутые в голенища лакированных сапог; на голове у него была темная войлочная шляпа, а когда он повернулся, то у него оказалась прекрасная, длинная с сильной проседью борода (большая редкость у киргизов). Вообще вся фигура напоминала скорее солидного степного помещика, отдающего распоряжения

по хозяйству, и при взгляде на эту почтенную и даже несколько повелительную фигуру, - мне казалось странным, что мои илецкие знакомые, в разговорах между собой, редко звали его иначе, как уменьшительным Ирджанка...

Он принял нас со спокойным достоинством. Все остальные были ему знакомы, а с торговцами он давно вел дела. Внимательно оглядев нас и как бы взвесив что-то, он подозвал работника и что-то сказал ему по-киргизски.

Вскоре около одной из кибиток огонь разгорелся ярче, и где-то в потемневшей степи раздался похожий на плач ребенка, крик молодого барашка, - невинной жертвы нашего неожиданного посещения.

Компания шумно ввалилась в кибитку, весело здороваясь с хозяйками, а мы с хозяином пошли гребнем небольшой возвышенности над рекой. Мне хотелось осмотреть кочевье и, кроме того, предложить хозяину несколько вопросов. Степь лежала кругом мгlistая и спокойная: где-то на лугу ворчал и кряхтел верблюд, несколько огоньков пронизывали издали туманные сумерки, на багровом еще фоне заката рисовалась темная фигура киргизского всадника, уезжавшего в степь. Это хозяин послал за певцом-домрачеем... Фигура помаячила над обрывом бугра и исчезла... Вся картина казалась мне обрывком прошлых времен, отголоском какого-то далекого и давно пережитого быта.

Ирджан Чулаков отвечал на мои вопросы степенно и толково. О пугачевском бунте в киргизской степи сохранилось мало воспоминаний. Песня домрачеев говорит гораздо больше о борьбе киргиз с калмыками. Род хана Аблухаира, современный пугачевскому движению, перевелся. Из четырех сыновей Аблухаира Ирджан Чулаков знал имена Нурали, о котором много говорят наши историки, и Айчувака... После пугачевского движения киргиз простого рода батырь Сарым-Дач поднял восстание. Ему удалось склонить на свою сторону 7 родов Джетрувской орды, после чего сын Нуралихана Букей ушел со своей ордой за Волгу. Но 12 родов Байлинской орды заступились за Айчувака, и он остался...

Один из сыновей Айчувака был известный Бай-Мухамедов, заслуженный боевой генерал, пользовавшийся большим влиянием в Петербурге. Казаки до сих пор отзываются о нем с большим уважением, а киргизы возлагали на него большие надежды. Благодаря несчастной случайности, он утонул во время бурного разлива Урала. Событие это в свое время произвело большое впечатление. Год его смерти до сих пор зовут "управительским годом". С ним угасли последние остатки влияния Аблухаирского рода. Теперь один из потомков хана Айчувака служит на Сухоречке (около Затонной)

...приказчиком у Михаила Савиновича Сыромятникова. Другой - Даникеш Бай-Магометов, кочует в степи пониже Карачаганака...

На место этих чингисхановичей выдвинулись (благодаря, вероятно, политике правительства) новые люди, незнатного рода, повышенные за те или иные заслуги. Один из них - Чулак-Айбасов (Бушантаева рода) - был человек очень умный и своего рода реформатор. До сих пор еще около устьев Илека существует урочище, названное именем Чулака, где он построил первое зимовье. Это была яма в земле, прикрытая потолком с окнами. В нее вела крутая лестница... Киргизы сначала относились к этому жилью с суеверным ужасом. Самые суровые зимы они привыкли проводить в своих кибитках. Едва заглянув в подземное жилище Чулака, они торопились выйти на воздух. - "Это, - говорили они, - у тебя, Чулак, не жилье, а могила". Впоследствии Чулак приподнял землянку над поверхностью земли и сделал подобие избы со слегка наклонными стенами и плоской крышей. Теперь во время моей дальнейшей поездки степью - я уже встречал много таких земляных аулов. Правда, летом они более похожи на кучи навоза. Но зимой они все же защищают от холода и жестоких метелей лучше, чем войлочные кибитки.

У этого степного новатора было два сына. Ирджан, наш хозяин, - воспитывался в Оренбургском кадетском корпусе (кажется, недолго), потом служил в военной службе и участвовал в хивинском походе, за что получил несколько знаков отличия. Брат его, Нурджан, не получил никакого образования и представляет партию старины... На последних выборах ему удалось, однако, получить перевес над братом, и теперь он состоит волостным управителем. Отношения у братьев видимо натянутые...

Вот все, что мне удалось узнать о недавнем прошлом от полуинтеллигентного представителя степи. Что касается более отдаленных исторических событий, то в преданиях о них фигуры батырей вроде Сарым-Даца закрывают ханов, которые так или иначе делали историю, сносясь с русским правительством; историческая перспектива давно потеряна, и отражения действительных событий преломляются смутно, неопределенно и порой странно...

Пока мы разговаривали, степь окончательно стемнела, поглотив все отдельные очертания. Только несколько кибиток рисовались над темным обрезом горизонта круглыми верхушками, да полыхал красный огонь костра, над которым висели котлы. Пола самой большой кибитки была отдернута, и внутри виднелась свободно расположившаяся группа гостей. Мы с хозяином отправились туда же.

Семья Ирджана Чулакова состоит из жены, больной женщины с умным и приятным лицом, двух дочерей, из которых одна замужняя, двух сыновей и зятя.

Гости сидели на полу, по-киргизеки, подогнув ноги. Мне, впрочем, подали подушки, что показалось мне гораздо более удобным. Когда появился котел с бараниной, хозяин придвинул его к себе и, взяв голову с тусклыми сварившимися глазами, подал ее мне. Помня наставление моего спутника, я отдал ее обратно хозяину, который слегка кивнул головой и стал крошить мясо. Для этого, вымыв предварительно руки, он брал куски из котла и крошил их ножом в деревянную чашку. Затем, вынув глаза, он с видимым удовольствием съел их и, разломав череп, подавал куски головы гостям.

- Ну, теперь смотрите, как надо есть, - сказал мне один из илечан. Он засунул всю пятерню в чашку и, захватив полной горстью куски баранины, закинул голову и поднес все это ко рту. Жир стекал ему на бороду, но он ловко хватал ртом куски и облизывал пальцы. При этом он чавкал, чмокал и жевал так громко, что вся кибитка наполнилась этими звуками...

Заметив, что я затрудняюсь последовать этому примеру, Ирджан Чулакович кивнул женщинам, и мне тотчас же подали тарелку с вилкой.

- Эх, вы! - укоризненно заметил мне мой руководитель. Он совал пальцы в рот еще дальше и обсасывал их еще громче. Сами киргизы делали почти то же, но как-то иначе и проще, так что от демонстративного "уважения к обычаю" моего спутника мне становилось неловко. Когда -какая-нибудь из женщин семьи, прислуживавших гостям, проходила мимо, то один из торговцев, сильно захмелевший, тянулся к ней замасленными руками и хватал проходившую за талию... Хозяин следил за этими манипуляциями внимательным взглядом, как бы готовый остановить проявление "русских обычаев" на известной ступени... Но женщины иногда с улыбкой, а больше частью со спокойным достоинством уклонялись и скользили мимо. Что они сами думали об этих русских обычаях, по лицам сказать было трудно...

Мы уже кончали ужин, и перед нами поставили большие чашки со свежим кумысом, когда перед палаткой раздался топот и в освещенном пространстве показался киргиз-всадник. Легко соскочив с лошади, которую тотчас подхватил молодой киргизенок, он вошел в кибитку и поклонился. В его походке и манерах было видно некоторое достоинство. На ремне через плечо у него висела домбра, нечто среднее между балалайкой и гитарой, с двумя струнами и очень длинным грифом. Ему тоже поднесли кумысу и затем постлали ковер в середине кибитки. Усевшись по-восточному, он настроил домбру, окинул нас взглядом черных быстрых глаз и, слегка приподняв голову с торчащей черной бородкой, стал петь.

Звуки песни были своеобразны и странны. Сначала они бежали, нагоняя друг друга и как бы сталкиваясь, потом становились медленнее и заканчивались долгим тягучим отголоском, как бы замирающим в отдалении. Певец видимо щеголял этими последними нотами, которые дрожали, волновались, ломались и трепетали, то совсем замирая, то оживая вновь и опять разгораясь, чтобы стихнуть едва заметно, задумчиво с какой-то особенной печалью, в которой дрожали отголоски каких-то далей... без конца, без краю, без определенных образов и только с безграничной унылой тоской.

Звуки эти настраивали меня особенным образом. Мне казалось, что домрачей поет что-нибудь о старине этих степей. Оказалось, что я был далек от истины. В кибитке "нового человека" орды домрачей пел только о хозяине, о том, что у него есть жалованные кафтан и сабля, что у него много кобыл и кумысу, что к нему приезжают далекие гости из самой столицы...

Под конец к голосу домрачея присоединился другой: слегка захмелевший илечанин К., закинув голову и выделявая необыкновенные фокусы горлом, - стал подпевать, а затем между ним и певцом установился настоящий диалог... Киргизы и русские, понимавшие значение этого состязания, только улыбались... Все. однако, признавали, что этот "иногородний" житель Урала поет если не как настоящий поэт, то во всяком случае, как настоящий киргиз...

В заключение, хозяин, подчиняясь просьбам гостей, надел на себя все регалии. Один из сундуков, стоявших под стенками кибитки, был открыт, и любимица младшая дочь с гордостью подавала отцу принадлежности жалованного костюма. Через несколько минут Ирджан во всем великолепии стоял посредине кибитки, освещенный двумя свечами, которые держали дочери. На нем был голубой бархатный кафтан, шитый по краям широким золотым позументом, украшенный многочисленными орденами. На шее была надета лента с крестом, в одной руке он держал жалованную саблю, в другой - тоже жалованные часы. Голова степного сановника была украшена необыкновенно грузным сооружением, очень напоминавшим китайскую пагоду с поднятыми углами крыши... Он стоял неподвижно, с сознанием важности всего этого ансамбля, а женщины смотрели на него с восхищением. Снаружи в приподнятую полу кибитки и в открытый внизу переплет заглядывали работники и работницы... Самые звезды, казалось, с почтением смотрят на безмолвную картину в круглое отверстие наверху кибитки...

Была уже ночь, над степью выкатывалась большая луна, когда нам подали лошадей. Серого жеребца едва держали под уздцы два киргиза. Они отскочили, как только мы уселись, и степь опять рванулась у нас из-под ног.

Мне казалось, что мимо меня несутся два каких-то темных волнующихся вала, а над ними вздрагивала и прыгала красная ущербленная луна...

Вскоре мне пришлось все-таки увидеть и последних представителей ханского Аблухаирского рода.

Это было уже на нашем обратном пути из Илека. Мы ехали "бухарской стороной", стараясь не удаляться от берегов Урала, синевшего на севере полоской лесов. Перед нами лежала степь, голая, без кустика, без деревца, с разбросанными кое-где кибитками, лежавшими, как караваи хлеба, на плоской земле.

Около середины дня показались впереди излучины Утвы, тихо катившей свои воды к Уралу. Я с любопытством посмотрел на историческую реку, и мне невольно вспомнился грустный напев:

...Взборонена пашня яровая

Копытами киргизских диких коней...

Железнов приводит и точную историческую справку относительно этой битвы. "В прошедшем 724 году, - писали казаки в военную коллегия, - подбегали под наш казачий городок неприятельские люди кара-калпаки и киргиз-казаки тысячным числом, и мы войском яицким, выбрав из старшин походного атамана Ивана Логинова и при нем семьсот человек, догнали оных неприятельских людей при урочище Утве реке... и бились с ними 2 дни и ночь. И волею Божию и нашим несчастьем наших казаков 72 человека побито, а других многое число ранены и в полон побраны"...

Утвенских гор нам не было видно. Они, говорят, довольно высоки, мелового характера и легли по степи значительной грядой... Я невольно вглядывался в степные дали, но они были закрыты мглой... Собирались тучи... И с особенной красотой и грустью вставал в памяти задушевный мотив старинной песни:

Кто польет тебя, разве с неба дождик...

Около пяти часов вечера давно уже дразнившая нас Утва, наконец, показалась совсем близко. Она неожиданно выползла из-за степного бугра и осталась у нас вправо. На другой стороне, на небольшом возвышении виднелся зимний аул: убогие землянки, размытые дождями, с плоскими крышами, на которых росли степные травы.

Невдалеке от этого пустого аула через речку был перекинут живой мостик: на жидких столбиках с перекладинами был положен плетень, на котором накидан слой навоза. Когда мы, ныряя и качаясь, не без опасности переправлялись по этому мосту, то за нашей переправой наблюдала целая группа киргиз. Это было несколько женщин, сидевших в тележке, и около них верхами мальчик и пожилой стройный джигит. Они подъехали к речке

немного выше и нарочно остановились, ожидая результатов нашего небезопасного предприятия. Когда переправа наша благополучно закончилась, то мальчик хлестнул лошадь и помчался к нам. За ним поскакал и его провожатый. Не доехав до нас сажен десяток, мальчик задержал коня, как будто сконфузившись, и остановился. Пожилой обскакал его и, подъехав к нам, потребовал плату за... переправу. Он очень плохо говорил по-русски, но мне показалось, что требование предъявляется от имени какого-то хана.

- Сколько же именно? - спросил я, улыбаясь.

- Не знаю... Ныкак, - сказал джигит, предоставляя видимо размер дани на наше усмотрение... Я дал серебряную мелкую монету. Джигит живо повернулся и, подскакав к мальчику, почтительно подал ему наш) дань. Тот видимо обрадовался, и оба понеслись к тележке, где мальчик с детской живостью стал показывать монету. Несколько женских голов наклонилось над нею с любопытством. Оказалось, однако, что, взяв с нас за переправу, сами они не решились воспользоваться ею даже после нашего ободряющего примера и, спустившись к оврагу, благополучнейшим образом переправились вброд и поехали к видневшемуся вблизи аулу.

Во всей этой группе мне почудилось что-то не вполне заурядное, - как будто это - семья каких-то степных помещиков. Приехав на ночлег к Иртецкому базару, - небольшому русскому поселку, выдвинувшемуся в киргизскую степь против Иртека, я спросил у хозяйки, что это за аул мы проехали над Утвой у мостика.

- Да это верно Даникешкин, - ответила она.

- А кто это Даникеш? - спросил я опять.

- Да Чулаков это, Султан...

- А мальчик?

- Да все султанье, племянники да братья... Дво-ря-не... Не думай ты...

Не оставалось сомнения: мы проехали мимо аулов последних представителей ханов Аблухаирского рода, может быть, даже потомков Чингис-хана... Хозяйка говорила о Даникеше Бай-Магометове с некоторым почтением. По ее словам, он, хотя ведет образ жизни кочевого киргиза, но человек почетный. Доказательства этого она видела в том, что он грамотный и даже... составляет казакам прошения в Илеке на базарах Иртецком и Карачаганакском...

- Перо с чернильницей завсегда с ним, - прибавила она почтительно.

В эту ночь я долго не мог заснуть. Спали мы по обыкновению на дворе. По небу теснились и ползли куда-то мглистые тучи. По временам принимался накрапывать дождик. Среди пустого поселка хрипло лаяли собаки, и на их

лай издали отвечали другие, с аулов. Наутро мы решились вернуться обратно к мосту и разыскать кибитку Даникеша.

- Да вы у киргиз спросите, - простодушно советовала казачка-хозяйка. - Где мол тут Даникешкина кибитка?.. Султан, скажите, - Даникешка-султан... Укажут.

Мы без труда разыскали аул и "султанскую" кибитку из белого войлока. Оказалось, однако, что Даникеш не ночевал в своем ауле. Он был в Карачаганаке, и я мог бы увидеть его там третьего дня на базаре.

И, однако, я не пожалел, что вернулся за пять верст на берег Утвы. В дальнейший путь я все-таки увез в памяти картину этого спящего еще аула с белой кибиткой, в которой на полу храпели вповалку потомки грозного Чингис-хана... Солнце только что всходило из-за облаков; над степью стояла мгла мелкого дождя, мочившего кошмы кибиток. Картина была полна какого-то особенного уныния и тихой печали... Я приоткрыл полу и заглянул внутрь, но войти не решился, хотя, вероятно, если бы я заговорил требовательно и громко, султанши и султанята стали бы покорно отвечать на все мои вопросы.

В кибитке заплакал ребенок, бестолково залаяла охрипшая собака, и опять все стихло, только продолжал сеять частый дождь, и степной ветер шептал мне в уши об иронии судьбы, начавшей с грозного Чингис-хана и закончившей мирным составителем прошений на киргизских базарах...

Наша попытка - проехать наперерез киргизской степью закончилась полной неудачей. До Иртецкого базара мы ехали увалами, с которых все-таки была видна полоска уральских лесов. За Утвой нам предстояло пуститься в глубь степи, на юго-восток, причем Урал круглой излучиной ушел за край степного горизонта.

Киргизы, изредка встречавшиеся нам на пути, или совсем не говорили по-русски, или беспечно указывали направление, не понимая, чтобы в степи можно было сбиться. Скоро, однако, большая дорога, по которой мы ехали, разделилась надвое, потом опять надвое и, наконец, наш конек, в полном недоумении, стрижа ушами, остановился у одинокой кибитки...

Хозяев в кибитке не было... Дороги также не было. Пошел дождь, сначала мелкий, как пыль, потом гуще, и скоро степные дали потонули а беспросветной туманной мгле. Усталые, промокшие, мы брели наудачу без дорог, держась общего направления к уральским лугам, как вдруг, к нашей радости, близко на холме замахали крылья мельницы... Здесь мы встретили радушное гостеприимство и указания... Хозяева решительно не советовали пускаться в степь. Киргиз чует направление, как птица. А нам стоит попасть

не на ту дорогу, и пойдет на десятки верст степь без жилья и главное без воды.

Это было очень резонно. Дождь становился реже, но тучи клубились над горизонтом, сливаясь в сплошную пелену.... Я с сожалением посмотрел в степную даль, и мы повернули к Уралу...

Солнце уже садилось, когда, пользуясь указаниями хозяев мельницы, мы подъехали к берегу реки... На другой стороне перед нами высились крутые обрывы и над ними крыши Январцевского поселка... Под яром стоял перевоз, закат угасал среди густых туч, по временам ветер кидал косые капли дождя. Становилось холодно, но противоположный берег был безмолвен, точно поселок вымер. Паром покачивался под яром, порой скрипел, но не подавал никаких признаков жизни... Наши унылые крики "паро-о-ом" ветер нес вдоль Урала... Наконец, мой спутник потерял терпение, и эхо отразило от яра крепкое и выразительное русское слово...

Это подействовало... Зачернели над яром фигуры... В их числе оказался, на наше счастье, Григорий Терентьевич Хохлов. Зоркие глаза беловодского искателя разглядели наши знакомые фигуры и таратайку. И он энергично принялся хлопотать. Казачий паром оказался в частных руках, и хозяин уехал куда-то в поле, заперев паром на замок...

Через полчаса мы были опять на казачьей стороне Урала, в уже знакомом Январцеве... С высокой кручи я кинул последний взгляд на неприветливую степь... Она была вся закутана мглой... Где-то синели какие-то пятна, где-то прорезались загадочные огоньки, но туманная пелена опять сливалась в сплошную, задумчивую тучу, все больше насыщавшуюся темнотою близкой ночи...

Наш конек опять уверенно трусил по знакомой дороге к близкому ночлегу в Требухинском поселке, а в моем воображении все еще носились впечатления этого дня: группа киргизской молодежи на берегу Утвы, у пустого зимовья, ровная степь под грустной пеленой дождя, мокрые кибитки Даникешкина аула со спящими потомками Чингис-ханов...

И невольно устанавливалась парадоксальная связь между этой некогда враждебной степью и судьбами казачьего Урала... Она "замирилась" и дремлет в ожидании неизвестного будущего, и вместе с этим умирает своеобразный казачий строй, с его оригинальным бытом и складом... Теперь это только еще случайно сохраняющийся обломок прошлого... Прошлого красивого, сильного, оригинального и поэтического, но все-таки прошлого... Борьба стихла... Ни жилому осетру, ни степному верблюду не задержать новых условий. На реку прорвется пароход, степь со свистом перережет паровоз, и постепенно стихнут даже предания об особенном казачьем быте.

Неспокойные вопли враждебной Азии улеглись, отступили, и казачий строй оказался чем-то вроде кита, выплеснутого на песчаную отмель... На место прежнего войска - пришел уже "ранжир", и с ним потерялся основной нерв, придававший жизнь и смысл особенному казачьему "украинскому быту". Прошлое теперь уже быстро исчезает, а новое... Новое еще в загадочном тумане.

- А жаль, - говорил мне один иногородний, когда я еще только ехал к Уральску и мы заговорили об этом. - Казак - человек особенный. Нет других таких... У него, поглядите, - и речь, и поведение, и даже выходка другая.

Да, казачий строй выработал свой особенный человеческий тип... Что внесет он со своей стороны в ту будущую волю, которая должна теперь вырабатываться не на "украинных началах" борьбы, а "а началах одинаковых и для Уральска, и для Илека, и для киргизской степи, над которой в эти минуты перед моим взглядом, гам за Уралом, висела туманная мгла...

К вечеру следующего дня мы подъезжали уже к Уральску. И было пора: над степью, по капризу переменчивой погоды, несло первое холодное дыхание ранней осени...

1901

Впервые опубликовано: "Русское богатство", 1901, №№ 10 - 12.

Короленко Владимир Галактионович (1853 - 1921) русский писатель украинско-польского происхождения, журналист, публицист, общественный деятель, почётный академик Императорской Академии наук по разряду изящной словесности (1900 - 1902).